АЗБУКА ВЕРЫ

Дмитрий Михайлович Володихин

Грозный царь московитов: Артист на престоле

Художественная литература · azbyka.ru

Грозный царь московитов: Артист на престоле – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/groznyj-czar-moskovitov-artist-na-prestole

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Грозный царь московитов: Артист на престоле

Дмитрий Михайлович Володихин

12+ (Издание не рекомендуется детям младше 12 лет)

Пролог

Иван Грозный и Сталин.

Эти два имени в сознании образованного русского связаны нерасторжимо.

Дело здесь не только в том, что оба возглавляли масштабный государственный террор. И не только в том, что оба правили страной в годы ее величия. И уж подавно не в том, что оба следовали тираническому образу правления.

Нет.

Прежде всего, оба воспринимаются как люди-горы. Как титанические фигуры, переворачивавшие колоссальные глыбы, изменявшие мир, изумлявшие и пугавшие его. Для миллионов русских обе эти персоны выглядят словно инеистые великаны из древнескандинавской мифологии, ожившие в недрах российской государственности. Они поставлены на пьедестал ужаса и преклонения. Их рост завораживает. И первый, и второй делали свое дело, стоя по колено в крови, но даже это притягивает к ним особенное внимание — как взгляд удава притягивает слабые обезьяньи души…

До такой степени близки Иван Грозный и Сталин, до такой степени схожие связаны с ними страхи и надежды, что порой в текстах, им посвященным, черты одного переносятся на другого. Русский читатель, даже если это хорошо образованный гуманитарий, неосознанно желает увидеть некий общий архетип: во френче, с трубкой, в шапке Мономаха, с легким кавказским акцентом и на молебне в Успенском соборе Кремля. Величественный, неспешный в движениях, уставший от помыслов о государственном благе человек — если смотреть на него с одной стороны интеллектуальных баррикад. И угрюмый, резкий, утомленный пыточными делами, безразлично поскребывающий кровавое пятнышко на мантии — если смотреть с другой стороны. Странное существо… можно сказать, таинственное.

Привычное «скрещивание» двух образов — одна из величайших иллюзий нашего времени. Эти два человека ничуть не похожи друг на друга.

Первый русский царь был натурой нервной, артистической, крайне эмоциональной. Он как будто полжизни провел на театральных подмостках и при всяком публичном выходе заботился о том, каким будет его сценический облик. Играл громово и создал образ вочеловечившейся бури. Всякое лицо, оказывавшееся поблизости, служило частью антуража, живой декорацией. Настоящая горячая кровь, пролитая в царствование Ивана Васильевича, — и та, наверное, в глазах его выглядела киноварью, использованной при начертании летописных миниатюр. Блистательный артист, он время от времени забывал о целях игры и выше ставил произведенное на публику впечатление, нежели практический результат.

Важнее — «как посмотрят, что запомнят», важнее «признание», а вовсе не реальный эффект

предпринятых действий. Важнее истинный порядок игры, чем глубинные основы бытия. И горе тому, кто нарушит этот порядок, утвердившийся в сознании государя…

Не надо искать в нем величавой неспешности, размышлений над многоходовыми задачами. Не надо искать твердой логики в поступках. Это стратег, но стратег стихийный, иррациональный. Шторм! Натиск! Эмоция, поднятая на пьедестал государственной политики! Легкий переход от благочестивейшего образа мыслей к порочнейшему и обратно. Неистовое согрешение и неистовое сокрушение о грехах. Ранимость. Яростное неприятие всякого несогласия, всякой критики. Стремительные скачки от истерики к явлению несокрушимой силы. Да и сама истерика, быть может, очень хорошо контролировалась с самого начала… Самолюбование. Осознание собственного ничтожества. Сомнения, колебания… взрыв! Быстрое, кипящее, звонкое сотворение новых смыслов и прекрасных образов. Площадная брань. Тонкая интуиция, позволяющая моментально ухватить суть явления. Необузданное свирепство. Ураганная риторика — то изысканная, то безобразная.

Никаких компромиссов! Биться до конца, гнуть свою линию несмотря ни на что. Бешено ломать неприятеля, не сдерживая себя ни в чем… если он сам первым не переломит хребет. Но и тогда, хрипя от бессилия, мечтать о реванше.

Это совсем не близко к личности Сталина. Гораздо ближе такая натура к Павлу I — еще одному артисту на троне. И может быть, к Троцкому — оратору, мечтавшему о троне, но так на него и не поднявшемуся.

И русское сознание вот уже несколько поколений тщится сгладить, адаптировать для себя этот неистовый артистический психотип. Слишком уж он неорганичен для русской жизни, слишком разрушителен для древних основ ее: артист, сокрушающий декорации в порыве творческого экстаза… Настоящий Иван IV, великий и ужасный, грозный и ярый, словно магическое существо, отводит от себя прямой взгляд. Он будто загораживается защитной пленкой, искажающей и облагораживающей его черты. Царь-юродивый в исполнении Мамонова был щемяще точным проникновением в суть его личности. И — все общество отвернулось от этого портрета в едином порыве, хотя и по разным причинам.

Придвинемся-ка поближе. Всмотримся, не отводя взгляда.

Глава 1. Юность государя

Государю Ивану Васильевичу достались не самое счастливое детство и сиротская юность. Многие историки XIX и XX столетий склонны были несчастьями первых лет его жизни объяснять искривление характера и неровность воли и даже отыскивать в этой почве корни психических заболеваний, приписываемых царю. Конечно, личность складывается в весеннюю пору жизни. Но одними юными годами всего не истолкуешь.

Многие русские государи с младых ногтей принуждены были видеть ужасные вещи, приходилось им и пострадать самим; некоторые рано лишались родителей, другим доставались такие родители, что не приведи господь; однако характеры выходили разные. Иван III скитался со своим отцом, постоянно терпевшим поражение от политических противников. Федор Иванович, сын Ивана Грозного, лишился матери, Анастасии Захарьиной-Юрьевой, когда был юнее годами, чем его отец; детство будущего государя-праведника прошло в декорациях опричнины. Михаил Федорович рос в эпоху Великой смуты и править начал в нежном возрасте. Петр I сполна испытал ужас стрелецких бунтов… И много ли у этих царей общего? В конце концов, человек сам отвечает за свои грехи, сам выбирает себе дорогу и сам правит своей судьбой. Зрелая личность оставляет детские страхи, преодолевает юношеские комплексы и

формирует себя…

И все же печальная судьба малолетнего наследника престола достойна сочувствия.

Будущий царь Иван Васильевич родился 25 августа 1530 года. Крестили его в Троице-Сергиевом монастыре. К тому времени его отцу, великому князю Василию Ивановичу, было за пятьдесят, однако наследником Бог его до тех пор не наделил. Летопись показывает рождение Ивана Васильевича как событие мистического характера, сравнивая его с ветхозаветными историями: рождением Исаака у Авраама и Сарры или зачатием Пречистой у Иоакима и Анны. Бесплодие стало для Василия III мучением и чуть ли не позором. Никоновская летопись трогательно и торжественно рассказывает о снятии этого бремени: «Бе… ему [Василию III] все тщание везде к Богу молебная простирати, желаше бо попремногу от плода чрева его посадити на престоле своем в наследие роду своему, и тако потщася принудити непринудимое существо благости Божиа, его же ради Господь не преслуша молениа его и слезам его внят. Весть бо Богу содетель всяческих, яко сего ради многожеланным подвигом непрестанно разгорается сердце царево на молитву к Богу, да не погибнут бес пастыря не точию едины Русскиа страны, но и вси православнии; и сих ради милосердый Бог *разверзе союз неплодства его* (здесь и далее курсив мой. — *Д. В.)* и дарова ему родити наследника державе его…»

Дорогой ценой куплено было семейное счастье великого князя Василия III. Ему пришлось расторгнуть первый брак и жениться вновь. История с разводом отца будет на протяжении всей жизни сына отбрасывать зловещую тень на его царствование.

Впрочем, ликование московского правителя после рождения первенца принесло и добрый плод русской культуре. Государь велел построить знаменитую церковь Вознесения в Коломенском (1532). Порой искусствоведы добродушно шутят: дескать, форма храма — свеча, устремленная к небу, — явилась благодаря желанию Василия III сказать еще разок народу: «Нет, не старик я, люди добрые, отнюдь не старик!»

В 1532 году у Василия III родился младший сын Юрий, единокровный брат Ивана Васильевича. Он, очевидно, страдал каким-то наследственным заболеванием, поскольку летопись говорит о нем: «Несмыслен и прост». Никакой роли в судьбе старшего брата и в делах правления Юрий не сыграл.

Отец с необыкновенным вниманием заботился о сыновьях, но недолго пробыл с ними. После мучительной болезни великий князь скончался в декабре 1533 года. Тогда старшему сыну шел четвертый год.

На смертном одре Василий III призвал своего первенца, Ивана, и благословил его крестом на великое княжение. Этот крест, по словам летописи, имеет древнюю историю: им благословлял еще святой Петр-митрополит Ивана Калиту. Умирая, Василий Иванович повелел «бояре своя» оберегать русскую землю и веру «…от бесер-менства и от латынства и от своих сильных людей, от обид и от продаж, все заодин, сколько… Бог поможет», а также взял крестное целование со своего взрослого брата Юрия в том, что тот будет честно служить Елене Глинской и малолетнему Ивану, не пытаясь захватить власть. Впрочем, этот символический акт отнюдь не воспрепятствовал политической борьбе, развернувшейся после смерти Василия III…

Большинство историков придерживались и придерживаются концепции, согласно которой перед кончиной Василий III назначил из числа влиятельных людей, которым он мог доверять, «регентский» или «опекунский» совет. И этот совет мог действовать чуть ли не как особое учреждение, обладающее значительной властью. Но состав названного совета не определен; документы, составленные от его имени, науке не известны, а попытки реконструировать

списки «опекунов» чаще всего выливаются в прикидывание, кто из «думных людей» получил наибольшее влияние на дела. По всей видимости, значение имеет прежде всего то, какие силы правили страной, а не какие представители этих сил входили в реестр «опекунов». Само наличие «регентского совета» и четко очерченных властных полномочий «опекунов» до сих пор не могут считаться доказанными. Зато роль Боярской думы в детские годы Ивана Васильевича весьма возросла, а вместе с нею повысилось и значение некоторых аристократических семейств — князей Шуйских, Вельских, Глинских.

В среде современных историков одно время были популярны догадки о незаконном происхождении Ивана Васильевича. Высказывались предположения, что русская знать и соседние государи намекали время от времени молодому правителю о сомнительности отцовства Василия III. При этом летопись и иные официальные документы (кроме тонких обмолвок в дипломатической переписке) не дают ни малейшего повода для умозаключений об ином отце мальчика, кроме великого князя Московского.

Но во-первых, великий князь Василий Иванович зачал сыновей лишь во втором браке, да и то далеко не сразу, будучи к тому же, как уже говорилось, на шестом десятке.

И во-вторых, вскоре после его кончины возникли обстоятельства, заставляющие предполагать связь его вдовы, Елены Глинской, с князем Иваном Федоровичем Телепневым-Оболенским по прозвищу Овчина. В годы регентства Елены Глинской (1533–1538) Телепнев-Оболенский был могущественным человеком, крупным военачальником и приближенным великой княгини.

Об этом свидетельствует немецкий дипломат Сигизмунд Герберштейн. Он пишет: «…по смерти государя вдова его стала позорить царское ложе с неким боярином по прозвищу Овчина, заключила в оковы братьев мужа, свирепо поступает с ними и вообще правит слишком жестоко». Далее Герберштейн добавляет: князь Михаил Львович Глинский, дядя Ивана Васильевича, крупный политический деятель, принялся увещевать великую княгиню, но был обвинен в измене, «ввергнут в темницу», где и умер «жалкой смертью». Вскоре после его гибели вдову Василия III, «по слухам», отравили, «…а обольститель ее Овчина был рассечен на куски (факт „рассечения“ не подтверждается русскими источниками. — *Д. В.)*. После гибели матери царство унаследовал старший сын ее Иван…»

Свидетельство Герберштейна сумбурно, неточно и недостаточно достоверно: в годы правления Глинской дипломат не посещал Московское государство и вынужден был довольствоваться слухами и сплетнями. Русская летопись противоречит этой версии. В соответствии с известием Никоновской летописи, князь И. Ф. Телепнев-Оболенский был уморен голодом и тяжелыми кандалами по желанию придворной партии Шуйских вопреки воле государя-мальчика. Сейчас трудно определить, до какой степени верны сплетни об «опозоренном ложе», но самим своим возникновением они обязаны мыслям, бродившим в русских головах, а не в немецких: русская служилая аристократия без особой лояльности относилась к Елене Глинской.

Прежде всего, с ее именем связывали некрасивые обстоятельства расторжения первого брака Василия III. Его предыдущая супруга, Соломония из старинного боярского рода Сабуровых, не дала ему ребенка. Трудно судить, кто в этом виноват. После насильственного пострижения в монахини она как будто родила (уже в монастыре!) царевича Георгия, что больше похоже на басню. Большинство современных историков скептически относится и к возможности рождения Георгия Васильевича, и подавно к возможности его соперничества с Иваном IV. Однако состояние источников не позволяет ни окончательно опровергнуть, ни подтвердить гипотезу о тайном сыне Василия III.

Две эти истории — с самым знаменитым разводом за всю русскую историю и с появлением на

свет фантомного великокняжеского наследника — требуют особого внимания. Они изрядно повлияли на жизнь Ивана Васильевича.

Соломония Сабурова родилась в конце 80-х — начале 90-х годов XV века. Она происходила из древнего и богатого боярского рода, издавна служившего московским князьям. В 1506 году великий князь Московский Василий III, избрав Соломонию из множества красавиц, сделал ее своей женой. Их брак продлился два десятилетия, и ничто не указывает на ссоры между супругами: по всей видимости, их семейная жизнь устроилась счастливо. Соломония была благочестивой женщиной, и до наших дней сохранился вышитый ее руками покров на гробницу святого Сергия Радонежского.

Одно омрачало жизнь венценосной четы: у них не было детей. Супруги совершали богомольные поездки в монастыри, молились о чадородии, но их мечта все никак не исполнялась. Между тем бездетность великого князя угрожала стране большой смутой. Его братья, прежде всего князь Юрий Дмитровский, хищно посматривали на московский престол; в среде служилой знати имелись свои претенденты, в глазах которых Московский княжеский дом был не самым родовитым на Руси… За столетие до того споры о наследовании великокняжеского звания вызвали на землях Московского государства кровавую войну, продлившуюся двадцать пять лет! Русские рати несколько раз сходились в кровопролитных сражениях. Подверглись ослеплению князья Московского дома — Василий Косой и Василий Темный, а еще один князь, прямой потомок Дмитрия Донского Дмитрий Шемяка, по всей видимости, был отравлен. Теперь стране угрожала новая бойня. Судьба всего государства зависела от отношений между мужем и женой.

Существует две версии того, что происходило дальше. Одна из них основывается на свидетельствах уже упомянутого немецкого дипломата, барона Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Москве в 1526 году, а также на истории, рассказанной через много десятилетий князем Андреем Курбским, перебежавшим во время войны на сторону литовцев.

Что можно узнать из этих источников?

Вот история, рассказанная Герберштейном в его труде «Записки о московитских делах»: «…рассерженный бесплодием супруги, он [Василий III] в тот самый год, когда мы прибыли в Москву, т. е. в 1526-й, заточил ее в некий монастырь в Суздальском княжестве. В монастыре, несмотря на ее слезы и рыдания, митрополит сперва обрезал ей волосы, а затем подал монашеский куколь, но она не дала возложить его на себя, а схватила его, бросила на землю и растоптала ногами. Возмущенный этим недостойным поступком, Иван Шигона, один из первых советников, не только выразил ей резкое порицание, но и ударил ее бичом, прибавив: „Неужели ты дерзаешь противиться воле государя? Неужели медлишь исполнить ее веления?“ Тогда Саломея [так Герберштейн называет Соломонию] спросила его, по чьему распоряжению он бьет ее. Тот ответил: „По приказу государя“. После этих слов она, упав духом, громко заявила в присутствии всех, что надевает куколь против воли и по принуждению и призывает Бога в мстители столь великой обиды, причиняемой ей. Итак, Саломея была заточена в монастырь, а государь женился на Елене, дочери князя Василия Глинского Слепого, в то время уже покойного, — он был братом князя Михаила Глинского, который тогда содержался в плену. Вдруг возникла молва, что Саломея беременна и даже скоро разрешится. Этот слух подтверждали две почтенные женщины, супруги первостепенных советников, казнохранителя Георгия Малого и постельничего Якова Мазура. Женщины уверяли, что они слышали из уст самой Саломеи признание в том, что она беременна и скоро разрешится. Узнав об этом, государь сильно разгневался и удалил от себя обеих, а одну, супругу Георгия, велел даже подвергнуть бичеванию за то, что она своевременно не сообщила ему новости. Затем, желая узнать дело с достоверностью, он посылает в монастырь, где содержалась Саломея, советника

Федора Рака и некоего секретаря Потата и поручает им тщательно расследовать правдивость этого слуха. Во время нашего тогдашнего пребывания в Московии некоторые утверждали нам за непреложную истину, что Саломея родила сына по имени Георгий, но никому не желала показать ребенка. Мало того, когда к ней присланы были некие лица для расследования истины, то она, говорят, отвечала им, будто они недостойны того, чтобы глаза их видели ребенка, а когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери. Некоторые же упорно отрицали, будто она родила. Итак, молва гласит об этом происшествии двояко».

А вот свидетельство князя Курбского, взятое из его «Истории о великом князе Московском»: «Прожив с первой своей женой Соломонией двадцать шесть лет, он постриг ее в монашество, хотя она не помышляла об этом и не хотела этого, и заточил ее в самый дальний монастырь, находящийся за двести с лишним миль от Москвы, в Каргопольской земле. Итак, он распорядился ребро свое, то есть Богом данную святую и невинную жену, заключить в темницу, крайне тесную и наполненную мраком. А сам женился на Елене, дочери Глинского, хотя и препятствовали ему в этом беззаконии многие святые и добродетельные не только монахи, но и сенаторы его».

Эти два рассказа свидетельствуют о том, что Соломонию Сабурову заставили постричься в монахини, чему она всеми силами сопротивлялась. Вскоре после этого распространились слухи о том, что у нее в заточении родился ребенок. В 1934 году реставратор А. Д. Варганов вскрыл в Суздале гробницу, которую приписывали «сыну» Соломонии Сабуровой, и, по его словам, обнаружил там детскую рубашечку. Находку Варганова многие истолковали как косвенное доказательство того, что какой-то ребенок все-таки был. Нашлись романтически настроенные любители отечественной истории, построившие на этой основе версию об «истинном» претенденте на русский престол, персоне, которой-де боялся сам Иван Грозный. Личность возможного наследника связывали то с сыном боярским Тишенковым, перешедшим на сторону крымцев в 1571 году и способствовавшим разгрому русской армии, то с разбойничьим атаманом Кудеяром.

Но есть и иная версия, более правдоподобная. Соломония Сабурова видела несчастье мужа и знала об угрозе смуты, нависшей над Россией. Она сама великодушно предложила Василию III постричь ее в монахини, а потом найти вторую жену и родить наследника — ради мира на Руси. Ведь после кончины бездетного супруга, как уже говорилось, могла разразиться большая война претендентов на московский престол — братьев Василия III и других представителей рода Рюриковичей, не принадлежавших Московскому княжескому дому. Этого боялись всерьез. Для страны с точки зрения общественного спокойствия лучшим исходом был второй брак Василия III и рождение ребенка — бесспорного наследника престола. Русские летописи XVI столетия содержат информацию о духовном подвиге Соло-монии Сабуровой, переступившей через свою гордость. В Воскресенской летописи, составленной, по разным данным, в 1541-м или в 1542–1544 годах, сказано: «В лето 7034, ноября, князь велики Василей Иванович по-стриже великую княгиню Соломонию *по совету ея,* тягости ради и болезни и бездетства; а жил с нею 20 лет, и детей не было». Между тем, к 1541 году два главных заинтересованных лица и участника печальной истории с разводом уже не могли повлиять на летописный текст: Елена Глинская лежала в гробу, а митрополит Даниил, когда-то благословивший новый брак Василия III, был насильственно сведен с кафедры. Ничто не мешало правительственным летописцам изменить трактовку событий 1525 года, если бы она была, по их мнению, неверна.

Текст Типографской (или, как ее в старину называли, Синодальной) летописи начала 30-х годов XVI века (по другим данным, конца 40-х — начала 50-х годов) рисует такую же картину: великая княгиня со слезами молит супруга о разводе; он отказывается: «Как могу брак разорите и вторым совокупитися?» Отвергнуты и советы вельмож аналогичного содержания;

тогда с увещеваниями обратился к Василию III сам митрополит Даниил, глава Русской церкви; он «…многа моли о сем государя и с всем священным саном, да повелит воли ея бытии. Царь же и государь всея Руси, видя непреклонну веру ея, и моления отца своего, Данила митрополита, не презре, повели совершити желание ея».

Откуда тогда взялись сведения о насильственном пострижении и страшном заточении Соломонии Сабуровой?

Присмотримся к рассказчикам.

Назвать Сигизмунда Герберштейна злопыхателем великокняжеского рода и всей России было бы неправильно. Этот иноземец не был врагом нашей страны. Для его стиля характерно стремление к беспристрастности. Но каковы источники информации, на которые он опирался? Свидетелем пострижения Соломонии Сабуровой барон быть не мог. Сигизмунд Герберштейн полагался на молву, слухи — так, во всяком случае, сообщает читателям сам барон. Иными словами, он собирал столичные сплетни. Немецкий дипломат не знал русского, но он навычен был в одном из южнославянских языков, а потому мог находить собеседников в русской среде. Для сравнения можно представить себе современного российского дипломата, прибывшего в Сербию или, скажем, Словению, не имея представления о тамошних языках и полагаясь на знание родственного им русского. Барон «подбирает» слух о странной истории, произошедшей с женой политического лидера страны, — насколько, разумеется, способен понимать сказанное. Сколько в этом слухе истины? А бог весть. Одни говорят так, другие эдак, словарного запаса для полного прояснения ситуации катастрофически не хватает… Отсюда и вопиющие несообразности в сообщении Герберштейна.

Во-первых, летопись четко сообщает о том, что супругу великого князя постригли в Москве, в девичьем Рождественском монастыре, а Герберштейн говорит о суздальских местах, куда прибыла уже инокиня.

Во-вторых, пострижение производил, по словам барона, сам митрополит, а более осведомленный летописец сообщает, что это был «Никольский игумен Старого Давид».

В-третьих, зачем это великокняжескому фавориту Шигоне бич в храме? Кого он там собирался стегать? Монашек? Или на него снизошло предвидение, что великую княгиню придется бить, и он прихватил с собой удобный инструмент? Подробность эта более всего напоминает деталь из городского романса «о жесткой любви и страданиях». Наконец, даже имя супруги Василия III Герберштейн воспроизводит неверно. Очевидно, Соломонию называл Саломеей в разговоре с ним человек, пожелавший очернить ее: ведь аналогия с погубительницей Иоанна Предтечи, дочерью евангельской Иродиады, должна была бросить тень на благочестие бедной женщины. Какова цена рассказу Герберштейна? Та же, что и любой городской сплетне: «Говорят, что скоро все подорожает… а особенно — поваренная соль!»

Нетрудно представить себе среду, в которой могли зародиться подобного рода сказки.

Московскую знать, настроенную на политические игры вокруг престола, который должен был опустеть после смерти бездетного Василия III, разочаровали его развод и новый брак. Именно знать, по всей видимости, и распускала слухи, порочащие великого князя и его супругу. Сплетни эти дошли до ушей Герберштейна.

Кто известен в числе противников развода Василия III и его второго брака?

Прежде всего инок Вассиан Патрикеев. Он сам происходил из знатнейшего аристократического рода, был близок семейству Сабуровых и славился неблагожелательным

отношением к суровому правителю Василию III.

Затем преподобный Максим Грек, на которого вряд ли может падать подозрение в связи с московской аристократией, — но с Иваном Даниловичем Сабуровым доброе знакомство он водил.

И… князь Семен Курбский, брат деда князя Андрея Курбского! Выходит, один из ярых противников второго брака Василия III, князь Семен Курбский, сохранил эту нелепую историю в своей семье как старинное предание, которым потом воспользовался его отдаленный родич Андрей Курбский. Насколько достоверным является свидетельство Курбского? В двух словах — совершенно недостоверным. В основе своей оно восходит к истории непосредственного участника событий 1525 года, заинтересованного в определенном толковании собственной роли. Возможно, Андрей Курбский опирался также и на историю Герберштейна, которую хорошо знал. Князь-диссидент ненавидел Ивана IV — сына Василия III от второго брака, то есть и сам был, что называется, заинтересованным лицом.

«История о великом князе Московском» появилась через много десятилетий после развода Василия III и, соответственно, изобилует ошибками. Не 26 лет длился брак великого князя и Соломонии Сабуровой, а 20, да и не в Каргополье отправили ее после пострижения, а в Суздаль. Об этом сообщает большинство летописей середины XVI столетия, в том числе независимая Вологодско-Пермская летопись: «В лето 7034 декабря князь великий Василий Иванович велел постричь в черницы свою великую княгиню Соломаниду и послал в Суздаль… к Покрову Пречистые в девичь монастырь». Мрачными красками обрисованная «темница» бывшей государыни — просто плод воображения Курбского. Как известно, Василий III сохранил к прежней супруге доброе отношение и даже пожаловал ее, уже ставшую старицей Софией, селом Вышеславским Суздальского уезда в 1526 году, с условием передачи села после ее смерти игуменье и келарю обители. Его грамота получила подтверждение в 1534 году. А за несколько месяцев до того Василий III пожаловал Покровскому монастырю село Павловское того же уезда на особых, льготных условиях. Сиди инокиня София в «тесном» заточении, разве понадобился бы ей доход с богатого села? Нонсенс.

До какой степени развод Василия III и его второй брак соответствуют нормам канонического права XVI столетия — вопрос, нуждающийся в оценке специалиста с богословским образованием. В начале XVII века в московской приказной среде, близкой к дипломатическому ведомству, возникла «Выпись» о втором браке Василия III — богословско-публицистический трактат. В нем с точки зрения отдаленных потомков дается оценка действий великого князя, его приближенных и митрополита Даниила. *В сущности, речь идет об осуждении второго брака Василия Ивановича, как неканоничного и повлекшего за собой небесные кары для династии и всей страны.*

По мнению крупнейшею знатока того периода А. А. Зимина, «…разбор реалий (сведений о событиях и лицах), имеющихся в „Выписи“, приводит к выводу, что в этом памятнике содержится причудливая смесь достоверных фактов и совершенно ошибочных данных, касающихся самого стержня повествования». В частности, там сообщается об отрицательном мнении преподобного Максима Грека, инока Вассиана Патрикеева, некого чернеца Селивана, Саввы Святогорца и книжника Михаила Медоварцева. Поддержали второй брак сам митрополит, Коломенский епископ Вассиан Топорков и некоторые другие представители русского духовенства. Все это более или менее подтверждается другими источниками. Однако дальнейшее вызывает сомнения: «Выпись» сообщает о послании, отправленном четырем вселенским патриархам, с просьбой высказать мнение по этому вопросу. И они единомысленно отрицают возможность развода и второго брака в подобных обстоятельствах, особенно же строг патриарх Иерусалимский Марк. Никаких патриарших грамот, касающихся этой проблемы, не

найдено. Неизвестно, существовали они на самом деле или же были плодом воображения поздних публицистов…

Но гораздо важнее другое обстоятельство: все упреки в неканоничности действий Василия III, правильными они были или нет, адресовались ему и только ему. За великой княгиней никакой вины нет. К тому же митрополит Даниил, бывший тогда главой Русской церкви, не увидел в истории добросердечной женщины и ее страдающего мужа ничего преступного. Он позволил развод и дал благословение на второй брак.

Итак, Соломония Сабурова стала инокиней Софией и отправилась в суздальский Покровский монастырь. Василий III женился во второй раз, и через несколько лет у него родился сын Иван. Самопожертвование Соломонии Сабуровой оказалось не напрасным.

А как же ребенок, якобы родившийся вне закона? Здесь хотелось бы добрым словом помянуть сотрудников Владимиро-Суздальского музея-заповедника. В январе 2008 года они предоставили автору этих строк два документа, проливающих свет на историю с мифическим Георгием, сыном Сабуровой. Это, во-первых, акт о раскопках в суздальском Покровском монастыре 19–20 мая 1996 года — за четырьмя подписями, среди которых есть и подпись старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН С. А. Беляева. О гробнице, раскрытой А. Д. Варгановым, в акте говорится следующее: «Погребения здесь не могло быть по причине физического отсутствия места для него, ибо фундамент представляет единый монолит, сохранившийся в неповрежденном виде без каких-либо выемок в нем, а совершение захоронения между плитами пола и фундаментом невозможно, так как толщина этого слоя в самом его глубоком месте не превышает 0,3 м». Иначе говоря, раскопки 1996 года поставили под сомнение то, что А. Д. Варганов действительно нашел в указанном им месте захоронение с рубашечкой. Ведь там вообще не могло быть гробницы — сплошной камень. А научного протокола вскрытия гробницы А. Д. Варгановым просто нет — его не составили. Как нет ни фотографий, ни зарисовок. Что ж, провинциальная археология 1934 года, как видно, не знала простейших правил научной работы… Второй важный документ — официальное письмо директора музея-заповедника, заслуженного работника культуры РФ, кандидата исторических наук А. И. Аксеновой в суздальский Покровский монастырь от 11 декабря 2006 года. В нем, среди прочего, сказано: «Легенда, не подтвержденная документально, остается легендой. Прямых неопровержимых данных о существовании ребенка, приуроченности предметов погребения к имени Соломонии (Софии) нет». Сказано честно и точно.

Остается приложить к фактам здравый смысл. Крайне маловероятно рождение сына после двух десятилетий бесплодного брака. Еще менее вероятно сохранение в тайне самого факта рождения (и воспитания!) ребенка в женском монастыре. Невозможно мотивировать отказ Василия III от желанного наследника — ведь во втором браке сын у него родится лишь несколько лет спустя, в 1530 году! Исключительно трудно представить себе способ, с помощью которого инокиня скрыла мальчика от московской комиссии. Если бы версия Герберштейна о гордых словах Соломонии-Софии, брошенных главе следствия, была верна хоть на золотник, то Покровскую обитель и весь Суздаль, наверное, перерыли бы от подвалов до чердаков, а сама женщина закончила свои дни в месте куда менее приемлемом, чем богатый аристократический монастырь.

Инокиня София скончалась в Покровском монастыре в 1542 году. Она оставила добрую память как человек глубокой веры. Известно, что она своими руками выкопала колодец для нужд обители. Монастырская традиция сообщает о многочисленных чудесах, совершавшихся у гроба Софии. Особое почитание ее началось еще в XVI столетии, а в середине XVII века состоялось ее прославление в лике святых. Со времен петровских преобразований и на протяжении синодального периода ее почитание оказалось под запретом. Но оно возобновилось в 90-х годах

XX века. Двадцать седьмого марта 2007 года патриарх Алексий II повелел внести имя преподобной Софии Суздальской в месяцеслов РПЦ. Таким образом, эта старинная святая вновь обрела общерусское почитание.

Итак, на место Соломонии Сабуровой, абсолютно своей в среде старомосковской служилой аристократии, к тому же оказавшейся жертвой политических обстоятельств, является чужачка Елена Етинская. Она имела большое влияние на мужа. Желая угодить ей, Василий III сбрил бороду — поступок на Руси небывалый! Государь также завел кое-какие обычаи, характерные для великого княжества Литовского, откуда явилась со всем семейством Глинских великая княгиня.

После кончины супруга Елена, опираясь на группировку верной ей знати, правила твердой рукой. При ней было построено несколько важных крепостей, проведена реформа денежного обращения 1535–1538 годов, унифицировавшая монетную чеканку во всем Московском государстве. Худо-бедно ей удавалось подвигнуть русских воевод на активные действия в Стародубской войне. И главное, великая княгиня обезглавила оппозицию, способную сместить ее с престола.

В начале ее регентства дядя Ивана Васильевича, удельный князь Юрий Иванович Дмитровский повел странные переговоры с князем Андреем Михайловичем Шуйским. Оба они, покуда прямой наследник великого князя был мал и не способен за себя постоять, могли выступить претендентами на престол: первый — брат Василия III, а второй — аристократ исключительной знатности. Об особом положении Шуйских советский историк Г. В. Абрамович писал следующее: «Князья Шуйские выделялись среди московской знати… родовитостью. Будучи, как и московские великие князья, потомками великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича, они считались принцами крови, то есть персонами, имеющими право на великокняжеский престол в случае вымирания Московского рода». В 1606 году, когда на российский престол взойдет князь Василий Иванович Шуйский, у него будут на это все генеалогические основания.

Но в 1530-х дело обернулось иначе…

По приказу Елены Глинской князя Юрия Дмитровского отправили в темницу, где он и умер через несколько лет «на чепи и в железах». Князя Андрея Михайловича Шуйского арестовали, но он, хотя был, как показывает летопись, ведущей фигурой в мятежных настроениях, отделался легко. Наконец, другой брат покойного Василия III, удельный князь Андрей Иванович Старицкий, летом 1537 года попытался захватить Новгород и едва не вступил в прямое вооруженное столкновение с войсками Елены Глинской. Во главе правительственной армии встал князь Иван Федерович Телепнев-Оболенский. Мятеж был подавлен, а некоторые крупные фигуры, вставшие на сторону Старицкого, казнены. Сам удельный князь Андрей Иванович оказался узником, а затем умер «в нуже и страдальческою смертью». Это произошло в декабре 1537 года. Наиболее влиятельный представитель рода Глинских, как уже говорилось, также отправился в заточение. Некоторые другие аристократы попали в опалу.

Трудно определить, до какой степени братья Василия III на самом деле стремились занять престол и затевали мятежи. Их активность во многом явилась ответом на жесткие превентивные меры Елены Глинской и ее партии. Великая княгиня опасалась за судьбу малолетних сыновей, поэтому избрала курс радикального подавления всех политических противников, в том числе потенциальных. В этом смысле характер ее правления напоминает образ действий Екатерины Медичи. Великая княгиня, словно птица, пыталась укрыть двух сыновей крыльями и готова была биться за них с любым врагом до смерти. В конечном итоге Елена Глинская достигла своей цели. Но после всех принятых регентшей истребительных мер

московская знать не имела ни малейшего повода относиться к ней мало-мальски доброжелательно.

Через много лет князь Андрей Михайлович Курбский, изменивший Ивану IV, передаст мнение большого пласта русской аристократии на этот счет в нескольких фразах: «...посеял дьявол скверные навыки в добром роде русских князей, прежде всего, с помощью их злых жен-колдуний. Так ведь было и с царями Израиля, особенно когда они брали жен из других племен». И далее, обращаясь к Ивану Васильевичу: "Ведь отец твой и мать — всем известно, сколько они убили". В суждении князя Курбского содержится намек на жен Ивана III — Елену Волошанку и Софью Палеолог, а также на супругу Василия III Елену Глинскую.

Поэтому, даже если великая княгиня после кончины мужа вела чистую и праведную жизнь, за ней повсюду и во всем следовал шлейф недоброжелательства. Надо полагать, это отношение хотя бы отчасти перенесено было и на ее сына. Отсюда разговоры о "незаконнорожденном" наследнике престола, о тайном "истинном" первенце Василия III.

Чувствовал ли будущий царь подобное к себе отношение? Очевидно, да. И наверное, едва спрятанное презрение к наследнику и злая память о его матери подпитывали в мальчике трагический взгляд на мир. Заставляли его вглядываться в лица приближенных с подозрением: не таишь ли ты, слуга неверный, пакости на уме? как ты смотришь на меня? смеешь оценивать меня?

Разве на станет такой человек искать признания — не только полной законности своей власти, но и силы своей, ума, мощи? С детских лет ощущая скверну в отношениях с первейшими вельможами, представителями аристократической элиты, даже в умудренной зрелости трудно найти источники для психологического покоя и умиротворения.

Невозможно проверить, кто был настоящим отцом Ивана Васильевича, да и недостойное дело пытаться подглядеть семейные тайны далекого прошлого через замочную скважину. В этой истории гораздо важнее другое. Ситуация 1530-х годов позволяла русской аристократии строить планы на повышение ее роли в управлении государством или даже о смене правящей династии. После смерти двух братьев Василия III оставался еще один серьезный претендент на трон — князь Владимир Андреевич Старицкий, сын князя Андрея Ивановича. За его спиной стояла мать, княгиня Ефросинья — особа энергичная и к тому же имевшая причины ненавидеть малолетнего государя из-за смерти супруга и унижения семьи Старицких.

После кончины Елены Глинской защитниками государя-мальчика можно считать митрополита Даниила, ослабевшую от репрессий семью Глинских и, возможно, Вельских (родственников великого князя, хотя и отдаленных). Значительная партия стояла за Старицких, и еще одну сильную партию составляли Шуйские. Этим последним приход к власти князя Владимира Андреевича с его властной матерью представлялся, надо полагать, версией "Елена Глинская номер два". Иными словами, нежелательным вариантом развития ситуации.

Исследователи XVI столетия сосредоточивались на роли князя Владимира Андреевича в придворных интригах и притязаниях знати. При этом упускалось из виду, что претендента из семейства Старицких уравновешивала целая гроздь кандидатов из ветви Шуйских. Выставить своего кандидата до смерти князя Владимира Андреевича Шуйские не могли. Но выбить разрозненную и, видимо, довольно слабую группировку, окружавшую Ивана Васильевича, оттеснить ее от кормила власти, а потом сделать великого князя орудием своей воли — о, это был очень хороший план! Он приводил к тому, что Шуйские, используя нелюбимого мальчишку как фасад для княжения их собственного клана, становились реальными правителями России.

Так и сложился действительный ход событий. Разумеется, в подобных обстоятельствах слухи о незаконнорожденности великого князя оказались выгодными для сторонников Старицких, поскольку оправдывали их стремление к трону. Однако полезными они были и для сторонников Шуйских, поскольку ослабляли и без того нетвердую позицию группировки, честно ориентировавшейся на самого Ивана Васильевича.

Итак, в конце 30-х — первой половине 40-х годов XVI столетия Шуйские делают несколько решительных шагов к верховной власти и на некоторое время завоевывают ее. Символом особого положения Шуйских стало принятие князем Василием Васильевичем Шуйским древнего, ставшего к середине XVI столетия архаичным титула наместника Московского. Для этого им пришлось в 1538 году разгромить слабейшего противника. Весной Шуйские арестовали князя Ивана Федоровича Телепнева-Оболенского, отправили его в темницу и там уморили голодом. Двух представителей рода Шуйских вскоре пожаловали боярским чином, и вместе с прежними боярами Шуйскими в думе сидело уже четыре князя этой фамилии! Осенью того же года князя Ивана Федоровича Вельского взяли под стражу, а свиту его разослали "по селом". Дьяка Федора Мишурина, возвысившегося еще при Василии III и державшегося партии юного великого князя, обезглавили "без государского веления". Боярина Михаила Васильевича Тучкова выслали из Москвы "в село". А несколько месяцев спустя самого митрополита Даниила свели с кафедры. Летопись, отражающая точку зрения церкви, сообщает о событиях того времени следующее: "...и многу мятежу и нестроению в те времена быша в христианьской земле, грех ради наших, государю младу сущу, а бояре на мзду уклонишася без возбранения, и много кровопролития промеж собою воздвигоша, в неправду суд держаще, и вся не о Бозе строяше, Богу сиа попущающе, а врагу действующе".

В 1542 году Шуйские свергли митрополита Иоасафа, вступившегося за князя Вельского. Тот же Иван Федорович Вельский отправился на Белоозеро "в заточение", где позднее был убит, а виднейшие сторонники князя — в ссылку "по городом". Летопись добавляет: "И бысть мятеж велик в то время на Москве и государя в страховании учинища". Более того, с князем Вельским расправились вопреки мнению малолетнего государя, который его "в приближении держал и в первосоветниках". Шуйских поддерживала мощная группировка московской знати и, возможно, Новгород, — не было силы, способной им противостоять.

Покуда свершался переворот, малолетнего государя разбудили среди ночи и заставили "пети у крестов". Великий князь, несмотря на громкий титул, оказался бессилен как-либо помочь своему любимцу князю Вельскому — он не был настоящим государем даже в собственных покоях! Но самое страшное унижение ему пришлось испытать в сентябре 1543 года. Шуйские и их сторонники избили государева приближенного, Федора Семеновича Воронцова, за то, "...что его великий государь жалует и бережет". Это произошло непосредственно во время заседания Боярской думы! На Воронцове разорвали одежду и собирались его убить. Иван IV едва упросил пожалеть фаворита. Однако уговорить Шуйских не отправлять Воронцова в дальнюю Кострому, а ограничиться ссылкой в близкую Коломну, великому князю уже не удалось.

Трудно сказать, в чем причина столь жестокого отношения к Воронцову, отпрыску знатного боярского рода. Некоторые исследователи строили предположения о гомосексуальной связи его с одиноким подростком в великокняжеских одеждах. Твердо доказать или окончательно опровергнуть подобные теории невозможно. Но допустим, нечто подобное случилось — или хотя бы появились устойчивые слухи об осквернении Ивана Васильевича. Как, почему служилые аристократы, стоявшие у подножия трона, допустили подобное? Любой человек, оказавшийся в приближении к венценосной особе, не случаен. Это всегда и неизменно живой результат сложных политических игр, придворных интриг. Рядом с государем-мальчиком оказался Воронцов, и расправа над ним заставляет задуматься: вероятно, и тут была особая

игра с нерасшифровываемыми ныне целями. Ивана Васильевича стремились то ли развратить, то ли скомпрометировать, то ли унизить. Но в любом случае таким подростком управлять легче — он ведь с червоточинкой.

Впрочем, торжество Шуйских длилось недолго: через несколько лет они перестают играть столь заметную роль. Но, по некоторым версиям, напоследок Шуйские громко хлопнули дверью, натравив в 1547 году московский посад, разозленный большим пожаром, на родственников Ивана IV, Глинских. Тогда погиб князь Юрий Васильевич Глинский, буквально разорванный толпой, а другие члены семейства пытались бежать в Литву, опасаясь подобного же конца. Их вернули, молодой государь им это малодушие простил, и дело было замято.

Для мальчика период в возрасте приблизительно шести или семи лет стал самым черным, самым тяжелым во всей биографии. Между 1538-м и концом 1543 года юный государь был всего-навсего пешкой в большой игре между мощными кланами аристократов.

Позднее сам Иван IV будет с горечью вспоминать о годах заговоров: "...когда по Божьей воле, сменив порфиру на монашескую рясу, наш отец, великий государь Василий, оставил это бренное земное царство и вступил на вечные времена в царство небесное, предстоять перед царем царей и господином государей, мы остались с родным братом, святопочившим Георгием. Мне было три года, брату же моему год, а мать наша, благочестивая царица Елена, осталась несчастнейшей вдовой, словно среди пламени находясь: со всех сторон на нас двинулись войной иноплеменные народы — литовцы, поляки, крымские татары, Астрахань, ногаи, казанцы... Потом изменники подняли против нас нашего дядю, князя Андрея Ивановича, и с этими изменниками он пошел было к Новгороду... а от нас в это время отложились и присоединились к дяде нашему, к князю Андрею, многие бояре во главе с твоим родичем... Но с Божьей помощью этот заговор не осуществился..."

Худшие воспоминания остались у Ивана Васильевича именно от полосы, наступившей после смерти Елены Глинской: "Было мне в это время восемь лет; и так подданные наши достигли осуществления своих желаний — получили царство без правителя, об нас же, государях своих, никакой заботы сердечной не проявили, сами же ринулись к богатству и славе и перессорились при этом друг с другом. И чего только они не натворили! Дворы, и села, и имущества наших дядей взяли себе и водворились в них. И сокровища матери моей перенесли в большую казну, при этом неистово пиная ногами и тыча палками, а остальное разделили... Так вот князья Василий и Иван Шуйские самовольно навязались мне в опекуны и так воцарились; тех же, кто более всех изменял отцу нашему и матери нашей, выпустили из заточения и приблизили к себе. А князь Василий Шуйский поселился на дворе нашего дяди, князя Андрея, и на этом дворе его люди, собравшись, подобно иудейскому сонмищу, схватили Федора Мишурина, ближнего дьяка при отце нашем и при нас, и, опозорив его, убили; и князя Ивана Федоровича Бельского и многих других заточили в разные места; и на церковь руку подняли: свергнув с престола митрополита Даниила, послали его в заточение; и так осуществили все свои замыслы, и сами стали царствовать. Нас же, с единородным братом моим, светопочившим в Боге Георгием, начали воспитывать как чужеземцев или последних бедняков. Тогда натерпелись мы лишений и в одежде, и в пище. Ни в чем нам воли не было, но все делали не по своей воле и не так, как обычно поступают дети. Припомню одно: бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель нашего отца и положив ногу на стул, а на нас не взглянет — ни как родитель, ни как опекун и уж совсем ни как раб на господ... Сколько раз мне и поесть не давали вовремя. Что же сказать мне о доставшейся родительской казне?" Любопытно, что итальянский архитектор Петр Фрязин в 1538–1539 годах бежал за рубеж от "великого насилия" бояр, а бегство свое оправдывал состоянием страны, емко переданным в одной фразе: "мятеж и безгосударьство". Этим подтверждаются слова Ивана Васильевича, а также свидетельства ряда других

источников.

После приведенных выше строк кажется одновременно и абсолютно верным, и невероятно лукавым замечание князя Андрея Курбского о характере великого князя и о его поведении в годы, когда господство знати пошатнулось: "...юный, воспитанный без отца в скверных страстях и самоволии, крайне жестокий, напившийся уже всякой крови — не только животных, но и людей". А кто воспитывал его так? Все та же служилая аристократия, страстно мечтавшая поменьше служить и побольше править. Иными словами, та знатная среда, откуда вышел и сам Андрей Курбский — плоть от плоти ее, голос ее, одушевленная правда ее. Нехорош, с его точки зрения, державный младенец — что ж, можно понять: откуда взяться в таких обстоятельствах доброму воспитанию! Но хороши ли оказались люди, корыстной толпой окружившие трон великого князя Московского в пору его детства, — те люди, коих так любил и нахваливал Курбский?

Воспитывали-то именно они.

В 1539 и 1542 годах служилая знать московская совершила страшные злодеяния: насильно свела с митрополичьего престола сначала святителя Даниила, а потом и святителя Иоасафа. В будущем князь Курбский станет бичевать государя Ивана Васильевича бестрепетно и грозно: дескать, как мог православный царь стать виновником смерти митрополита Филиппа и других архиереев?! Назовет его "зверем-кровопийцей", сравнит с Иродом и "лютым драконом, губителем рода человеческого". А у государя были добрые учителя в этой мерзости: цвет русской аристократии, князья Шуйские, в интересах придворной борьбы унизившие двух русских митрополитов. Притом обстоятельства, сопровождавшие сведение святителей с кафедры и отправку в почетную ссылку, весьма некрасивы. Так, о событиях, связанных с оставлением митрополичьего престола владыкой Иоасафом, человеком кротким и добрым, летопись рассказывает следующее: "...митрополиту Иоасафу начаша безчестие чинити и срамоту великую. Иоасаф митрополит, не мога терпети, соиде с своего двора на Троецкое подворье. И бояре послаша детей боярских городовых на Троецкое подворье с неподобными речми. И с великим срамом поношаста его и мало его не убиша, и едва у них умоли игумен Троецкой Алексей Сергием чюдотворцем от убиения". Когда святитель Иоасаф пытался найти убежище у великого князя, "бояре пришли за ним ко государю в комнату шумом". Таким образом, мальчик стал невольным свидетелем мятежных действий знати.

О митрополите Даниле источники сообщают, что он будто бы отличался сребролюбием, чревоугодием, был честолюбив и жестокосерд. Не все в этом списке заслуживает доверия, но дело не в отдельных фактах, более или менее сомнительных, дело в нарушении очень важного принципа. Каким бы ни был грешником митрополит Даниил, блистательный книжник, богослов, неутомимый борец с ересями, — он прежде всего сосуд Святого Духа, учитель и владыка. Автору этих строк представляется низостью входить в подробности личной жизни своего же, русского архиерея. Кто такие были Шуйские, судившие Даниила и лишившие его митрополичьей кафедры? Говоря языком современного традиционализма, обнаглевшая кшатра. Им бы полы святительских одежд целовать, а они на духовного владыку Руси смеют поднять руку! Для государя-мальчика это был прескверный урок на всю жизнь. Если властолюбивые интриганы у подножия престола позволяют себе играть архиереями, как тряпичными куклами, правителю, выходит, и вспоминать не стоит о церемониях! Гибель митрополита Филиппа, умерщвленного одним из вождей опричнины, Малютой Скуратовым, уходит корнями в день унижения владыки Даниила.

Князь Курбский пишет о крови, которой "напился" Иван Васильевич еще в детстве. Да, если не со вкусом крови, то, во всяком случае, с ее запахом юному государю пришлось познакомиться очень рано. Мать и думные люди понемногу приучали его к участию в государственных делах:

мальчик присутствовал на приемах иностранных дипломатов, участвовал в церковных торжествах и церемониях. Однако до первой половины или даже середины 40-х годов XVI столетия он вряд ли что-то значил в делах правления. Правили то Елена Глинская, то Шуйские, то, недолгое время, Вельские с группой сторонников. Государю просто не хватало годочков для участия в серьезных играх державства.

Он — статист на сцене большой политики. И всего вероятнее, ему, имеющему право повелевать, хотелось как можно скорее вернуть себе главную роль в спектакле российской государственности.

Впервые он выходит на арену как фигура, способная отстаивать собственный интерес, в 1543 году: мальчик спас от смерти Федора Воронцова. Тогда дети взрослели раньше, чем сейчас. А сиротство и обстановка нестабильности, борьбы между сторонниками разных "дворовых" группировок, вполне реальная возможность лишиться трона — все это очень способствовало быстрому возмужанию Ивана Васильевича. В конце 1543-го — 1544 году он начинает переламывать ситуацию в свою пользу. Вряд ли одни только усилия венценосного подростка могли изменить позицию на шахматной доске большой политики. Была к тому и значительно более серьезная предпосылка: "Шуйское царство", то есть попытка монополизации власти одной аристократической партией, входило в противоречие с интересами других групп и семейств. Как ни парадоксально, сильный государь оказался не столь уж бесполезен для русской знати того времени: при ее многолюдстве и, может быть, даже избыточности, великий князь исполнял роль арбитра в спорах и следил за тем, чтобы в разделе административного пирога участвовали все значительные силы. К середине 1540-х правителя-юношу поддерживали новый митрополит Макарий, а также семейство Глинских, пусть и ослабленное прежними потерями. "Врагами его врагов" стали многочисленные аристократические кланы, противостоявшие Шуйским (Щенятевы, Хабаровы, Тучковы, Бельские, предположительно Морозовы, и особенно Воронцовы), а также все те, кому Шуйские вчистую отрезали дорогу к власти. Эта совокупная сила начинает действовать, превратив малолетнего великого князя в свое знамя. Зимой 1543–1544 годов "партия государя" наносит ответный удар.

Вот что сообщает об этом летопись: "Тоя же зимы декабря в 29 день князь великий Иван Васильевич всеа Русии, не мога того терпети, что бояре безчиние и самовольство чинят без великого князя веления своим советом единомысленных своих советников, многие убийства сотвориша своим хотением и перед государем многая безчиния и государю безчестия учиниша и многия неправды земле учиниша в государеве младости, и великий государь велел поимати первосоветника их князя Андрея Шуйскаго и велел его предати псарем. И псари взяша и убиша его, влекуще к тюрьмам противу ворот Ризположенских в граде. А советников его розослал, князя Федора Шуйскаго, князя Юрия Темкина, Фому Головина и иных. И от тех мест начали бояре боятися от государя, страх имети и послушание". Видимо, сопротивление группировки Шуйских все же было подавлено недостаточно. Поэтому ровно через год, в декабре 1544-го, был нанесен второй удар, на добивание. Пострадало лишь одно семейство, относившееся к числу явных сторонников Шуйских: "...положил князь великий опалу свою на князя на Ивана на Кубенского за то, что они [так в летописи!] великому князю государю не доброхотствовали и его государьству многие неправды чинили, и великое мздоимство учинили и многие мятежи, и бояр многих без великого государя веления поимали и побили. И князь великий велел, его поймав, сослати в Переславль и посадити за сторожи и со княгинею..." Опала была кратковременной и закончилась в мае 1545 года. Очевидно, эта мера имела своей целью оказать устрашающее воздействие. Сторонникам "Шуйского царства" давали понять: прежнее влияние им не возвратить, а лучше бы вести себя поскромнее и потише. Так было совершено первое значительное политическое деяние Ивана IV. Сопровождалось оно действительно кровопролитием. И для партии Шуйских подобный разгром стал полной

неожиданностью…

Но.

Допустим, государь-подросток впервые показал зубы, впервые пролил кровь, освободился от ненавистных врагов. Стал ли он после этого самовластным правителем? Ушел ли он от преобладающего влияния служилой знати на дела высшей государственной важности? Получил ли он главную роль, в конце концов? Да об этом и речи быть не может. Совершенная неопытность великого князя в дипломатии, военном деле и внутренней политике, его юный возраст, недостаток сил, которые могли бы оказать прямую поддержку, делали его полностью зависимым от действий служилой знати. Свободнее стал личный государев обиход, но это никак не означало установления единовластного правления.

"Шуйское царство" кончилось, однако боярское правление продолжалось.

На протяжении трех лет или около того Иван Васильевич отстаивает свой новый статус от попыток принизить его, реставрировать наиболее неприятные для себя моменты из времен боярского правления. Так, например, в сентябре 1545 года Афанасию Бутурлину, представителю древнего московского боярского рода, отрезали язык "за его вину, за невежливые снова". А через месяц Иван IV возложил опалу на целую группу стужилых аристократов. Впрочем, довольно быстро они получили прощение в результате "печалования" митрополита Макария.

Опала для середины XVI столетия — очень неприятное событие, ставящее целую семью в униженное положение и не позволяющее участвовать в государственных делах. Так вот, помимо самих Шуйских и их явных сторонников, подвергся опале старый царский любимец Федор Воронцов. Здесь можно заподозрить следующую ситуацию: юный государь рвется к полноте власти, равной временам правления его отца, а верхушка военно-служилого сословия не торопится сдать юноше позиции, занятые ею в 30-х — начале 40-х годов. В результате начинаются столкновения и с теми, кто раньше явно поддерживал великого князя.

Впрочем, источники не позволяют судить, действительно ли эти удары наносил юный правитель. Его именем для расправы над врагами с той же вероятностью могли воспользоваться аристократические группировки, потеснившие клан Шуйских. Чего было больше — молодого задора в борьбе монарха за право самому решать державные дела или же тонко рассчитанной интриги, смысл которой государь не обязательно понимал, а и понимая, не обязательно мог воспротивиться? Нет четкого ответа на этот вопрос.

Между тем характер Ивана Васильевича резко испортился. От тех лет сохранились известия о молодом незамысловатом хулиганстве великого князя, о его странных играх и жестоких забавах. В частности, Псковская летопись, абсолютно независимый источник, сообщает о потравах и разоре, учиненном в псковских землях резвым молодым государем и его товарищами. Видимо, во время игрищ Иван Васильевич разъярился на одного из свитских молодых людей, княжича Михаила Богдановича Трубецкого, и велел удавить его. По косвенным известиям можно строить догадки о том, что великий князь любил охоту, скоморохов, был охоч до женского пола и, возможно, какое-то время склонялся к содомии.

Молодой правитель отличался крайне эмоциональным и притом несдержанным поведением. Видные представители духовенства обращались к нему с увещеваниями. Мудрое пастырство со стороны одного из крупных церковных деятелей могло бы не только сдержать развитие скверных наклонностей, но и выковать из артистической натуры — эмоционально неровной, подверженной сомнениям и колебаниям, воздушнолегкой — чистый металл одухотворенной

личности, направить неистовую энергию молодого государя к созидательной работе. По всей видимости, роль подобных пастырей сыграли митрополит Макарий и священник Сильвестр. Но если с первым государь навсегда сохранил бесконфликтные отношения, то второй пользовался своим влиянием слишком давяще, а то и небескорыстно. В зрелых годах Иван Васильевич будет испытывать к Сильвестру отвращение.

Так или иначе, увеселения царя перемежались поездками по монашеским обителям, продолжавшимися неделями, а порой и месяцами. Столь насыщенная жизнь молодого монарха не оставляла времени для дел правления. То ли сам Иван Васильевич не стремился утрудить себя заботами державства, то ли ему не очень-то и давали вмешиваться в работу государственного механизма.

Напряжение постепенно нарастало и закончилось жестоким кризисом. В мае или июне 1546 года Иван Васильевич выходил с войсками под Коломну, видимо, по "крымским вестям". Боевых действий не случилось, и великий князь остался на некоторое время в тех местах для игр и развлечений. Отряд новгородских пищальников попытался подать ему какое-то челобитье; не желая принимать его, Иван Васильевич попробовал было отослать просителей, но пищальники уперлись, не собираясь уходить. Между ними и дворянами великокняжеской свиты произошло настоящее сражение, с обеих сторон были убитые. Полагая, что за попыткой в неурочное время в неурочном месте подать челобитную кроется заговор людей, стоящих намного выше простых пищальников, государь поручил дьяку Василию Захарову-Гнильевскому розыск. Тот указал нескольких виновных. В истинности слов дьяка, судя по нескольким странным оговоркам в летописном тексте, Иван Васильевич впоследствии сомневался. Но тогда он велел (может быть, не вполне обоснованно) казнить Федора Семеновича Воронцова, ставшего влиятельным человеком при особе государя, его родича Василия Михайловича Воронцова, а также старого крамольника князя Ивана Ивановича Кубенского. Источники не дают возможности определить, существовал ли заговор на самом деле. Но расправа с несколькими видными представителями знати показала: конфликт на самой вершине власти грозит вновь обернуться открытым противостоянием.

Ситуация с коллективным челобитьем в неурочное время повторилась до странности сходно в 1547 году, когда в роли жалобщиков выступили уже псковичи. Их Иван Васильевич разогнал со срамом и бесчестьем.

Надо было что-то менять.

Глава 2. Реформатор

Иван Васильевич вошел в брачный возраст. Источники того времени рисуют его молодым человеком, рано повзрослевшим и еще в юношеские годы вымахавшим с коломенскую версту. Затем он, видимо, несколько растолстел. Более поздний источник сообщает о государе в зрелом возрасте следующее: "Царь Иван образом нелепым [не отличался красотой], очи имел серы, нос протягновенен и покляп [изогнут], возрастом [ростом] велик был, сухо тело имел, плещи высоки имел, грудь широкую, мыщцы толсты". Что же касается внешнего благообразия, то оно, вероятно, было подпорчено дурной привычкой скоро и бурно впадать в ярость, каковую государь приобрел на закате жизни. Когда он был молод, его считали красивым.

В январе 1547 года Иван Васильевич венчался на царство. Царским титулом именовал себя в дипломатических документах его дед, Иван III. Но официальное принятие сана было и серьезной реформой — поскольку поднимало московского государя выше всех его западных соседей, — и серьезным шагом в укреплении позиций лично Ивана IV. Более того, "книжные люди" того времени понимали: на их глазах происходит перенос византийского политического

наследия на Русь. В Москве появляется новый "удерживающий", чье место на протяжении века, после падения Константинополя, пустовало. Политика соединялась с христианской мистикой — "удерживающий", или "катехон", предотвращает окончательное падение мира в бездну, к полному развращению и отходу от заповедей. Если нет его, значит, либо должен появиться новый, либо близится Страшный суд, а вместе с ним и конец старого мира. Таким образом, на плечи молодого человека свалился тяжкий, поистине неподъемный груз.

За этим преобразованием видится и мудрость святого Макария, короновавшего молодого монарха, и острый ум князей Глинских. Церемония венчания прошла с большой пышностью в кремлевском Успенском соборе. Через несколько дней государь выехал на богомолье в Троице-Сергиев монастырь.

В том же году Иван Васильевич женился на Анастасии Захарьиной-Юрьевой, происходившей из древнего боярского рода. Это семейство даст впоследствии Московскому государству династию Романовых. Многочисленные источники, в том числе и тексты, исходящие от самого государя, свидетельствуют о глубоком и нежном чувстве, которое испытывал этот человек к своей жене. Обретя любимого человека, государь также нашел сильных союзников в лице богатой и влиятельной семьи Захарьиных-Юрьевых.

Нельзя сказать, чтобы свадьба и венчание на царство моментально исправили характер Ивана IV. Но они способствовали этому. Государь до тех пор был юношей у власти — без твердого определения, кто он есть по отношению к своей же аристократии, по каким образцам должна строиться его жизнь, что в ней будет играть роль непреложных законов, а чему уготована судьба маргиналий на полях биографии. Принятие царского титула и женитьба мощно встроили Ивана Васильевича в социальный механизм русской цивилизации. Ему фактически предложили настоящую полновесную роль на всю жизнь: роль христианского государя, в перспективе — светского главы православного мира, да и главы собственной семьи. А значит, человека, стоящего недосягаемо высоко по сравнению со всеми знатными родами страны.

Такое положение возвышает необыкновенно, и в то же время оно налагает значительные ограничения на монарха — на его образ жизни и даже на образ его мыслей. На протяжении нескольких лет молодой государь приносил церкви покаяние за прежнее беспутство и "врастал" в свою роль. В середине 1550-х, по отзывам нескольких независимых источников иностранного происхождения, Иван Васильевич выглядел как человек, идеально соответствующий своему статусу. Один итальянский дипломат оставил весьма привлекательный его портрет: "...Князь и великий император по имени Иван Васильевич имеет от роду 27 лет, красив собою, очень умен и великодушен. За исключительные качества своей души, за любовь к своим подданным и великие дела, совершенные им со славою в короткое время, достоин он встать наряду со всеми другими государями нашего времени, если только не превосходит их... Император руководствуется своими несложными законами, по которым он с величайшей справедливостью царствует и управляет всем государством... Император запросто разговаривает и обращается со всеми; он обедает со всеми вельможами всенародно, но с истинным благородством: с царским величием он соединяет приветливость и человечность".

Как видно, в ту пору естественный артистизм натуры монарха нашел удачные обстоятельства для реализации.

Царь правил играя. И его игра была хороша. Те, кто духовно окормлял Ивана Васильевича, давали простор лучшему, что содержалось в его личности.

Укрепиться в роли главы страны заставил царя страшный московский бунт 1547 года. Двенадцатого, 20 и 21 апреля в Москве вспыхивали большие пожары. Последний из них

приобрел катастрофический масштаб: рвались пороховые погреба, пылали церкви, падали колокола, были объяты пламенем Пушечный двор, Оружейная палата, Постельная палата, Казенный двор, царская конюшня и добрая половина города. Митрополита Макария попытались спустить из крепостного тайника на веревках к Москва-реке. Но вожжи оборвались, и митрополит, ударившись оземь, чуть не отдал богу душу. В огне погибло 1700 москвичей. Царь, к счастью, пребывал под городом в селе Воробьеве и не пострадал. Это бедствие, не случавшееся в Москве ни разу на памяти современников, воспринято было как Божья кара за грехи и, в частности, за "беззаконие". По всей видимости, партия Шуйских попыталась использовать последний шанс на восстановление своего политического лидерства и спровоцировала посадских людей на страшный, бессмысленный, разрушительный мятеж. Этот бунт острием своим был направлен на группировку, поддерживавшую царя, в частности Глинских, которых вовремя пущенные слухи обвиняли в колдовстве и бесчинствах.

Летопись рассказывает о мятеже лапидарно, без особого красноречия: "Черные люди града Москвы от великие скорби пожарные восколебашася, яко юроди, и пришедше в град и на площади убиша камением царева великого князя болярина кнзя Юрья Василиевича Глинскаго и детей боярских многих побиша, и живот княжей розграбиша, рекуще безумием своим, яко "вашим зажиганием дворы наши и животы погореша".

Царь... повелел тех людей имати и казнити; они же мнози разбегошася по иным градом". Иван Васильевич пережил смертный ужас: к нему в Воробьево явилась взбунтовавшаяся чернь и потребовала выдать главную колдунью княгиню Анну Глинскую и ее сына князя Михаила Васильевича Глинского, оставшегося главой рода. Недалеко было до того, что руки мятежников потянутся и к государеву горлу... Впоследствии царь станет с ужасом вспоминать события 1547 года: "...вниде страх в душу мою и трепет в кости моя, и смирися дух мой, и умилися, и познах свои согрешения". Иван Васильевич получил представление о том, как страшна бывает народная стихия, как дорого может обойтись любой неверный ход монарха.

Страна в ту пору управлялась сложно и пестро. Каждая область имела собственные административные и правовые обычаи. "Церковная область", рассыпанная по всей державе, управлялась по особым законам и правилам. Служилая знать получала в "кормление" доходы от административной деятельности на местах, занимая должности по очереди, на сравнительно короткий срок, чаще всего на год. Следовательно, эти доходы распределялись неравномерно — в зависимости от силы и слабости аристократических партий, способных реже или чаще продвинуть на кормление своих ставленников. При этом люди, получавшие должности как разновидность жалованья, отличались большими или меньшими способностями к работе, которую им вменялось в обязанности выполнять. Помимо того, государственное устройство России было отмечено многочисленными следами политической раздробленности, то есть суверенного положения разных земель, позднее вошедших в состав Московского царства. Военно-служилый класс отлично помнил прежние времена и ностальгировал по самовластию и независимости удельной старины. Центральное управление не успевало за все нарастающим валом задач, которые возникали на колоссальной территории, — ведь размеры страны увеличились в несколько раз по сравнению с началом правления Ивана III! Не существовало даже единого для всей России пантеона святых...

Административной структуре, правовой сфере и церковному устройству требовались реформы. В 30-х — первой половине 40-х годов преобразованиям уделялось мало внимания: борьба за власть пожирала творческие силы политической элиты. В активе того периода — лишь денежная реформа Елены Глинской. Однако ко второй половине 40-х проблем накопилось слишком много.

После венчания государя наконец наступил период, благоприятный для реформаторства. У

кормила власти стояли всё те же аристократические кланы, но среди них не было первенствующей партии. Иными словами, наступило примирение могущественнейших людей России, они договорились между собой о более или менее равномерном распределении власти. Число "думных людей" возросло. Государь уже не являлся мальчишкой, которым нетрудно помыкать; теперь он мог выполнять функции арбитра и влиять на политический курс в желательном для себя направлении. Однако совокупной силе русской знати Иван Васильевич мало что мог противопоставить. Сам он впоследствии напишет о своем аристократическом окружении тех времен (конец 1540-х — 1550-е годы): "...всю власть вершили по своей воле, не спрашивая нас ни о чем, словно нас не существовало, — все решения принимали по своей воле и желаниям своих советников. Если мы предлагали даже что-либо хорошее, им это было неугодно, а их даже негодные, плохие и скверные советы считались хорошими". Впрочем, источники показывают, что влиять на дела в то время (особенно ближе к середине 1550-х) государь все-таки был в силах.

Формальное примирение между монархом и его недоброжелателями происходит в 1549 году: царь публично снимает с них вину за прежние злоупотребления. На митрополичьей кафедре стоит человек государственного ума, великого милосердия и обширных знаний — святой Макарий. Как видно, у него получалось направлять неистовую энергию молодого царя в доброе русло и не давать ей выхлестываться бурно, разрушительно. У этого покоя, правда, была своя цена: государь прекрасен в роли арбитра, милостивца, стоя-теля за православную державу, но... неполновластеи.

В ходе реформаторской деятельности образовалась некая коллегия, впоследствии поименованная князем Андреем Михайловичем Курбским Избранной радой. На протяжении поколений историки спорят, чем она являлась: постоянно действующим административным органом, политическим клубом, Ближней думой, группой теснейших сотрудников царя? Не так давно вышла книжка А. И. Филюшкина, автор которой вообще отрицает существование Избранной рады.

По всей видимости, Избранная рада была чем-то наподобие того политического кружка, который работал при Александре I в начальные годы его правления. С той лишь разницей, что деятельность Избранной рады оказалась намного результативнее. В ее состав, помимо самого государя, входили: окольничий Алексей Федорович Адашев, священник кремлевского Благовещенского собора Сильвестр, боярин князь Дмитрий Иванович Курлятев, возможно, митрополит Макарий. Что касается других политических деятелей того времени, то их присутствие в составе менее вероятно. Однако, поскольку ни в летописи, ни в каких-либо архивных комплексах работа Избранной рады не отражена, о ее функционировании и составе больше приходится гадать, чем делать выводы на устойчивой информационной основе.

Вероятно, Избранная рада играла роль политического консультативного совета, а также буфера между государем, аристократическими партиями и церковью. Здесь согласовывались позиции по важнейшим вопросам внутренней политики и рождались окончательные формулировки административных решений. Но реальной властью наделена была все же не Избранная рада, а Боярская дума и государь.

Итак, государь и боярское правительство, используя в качестве инструмента Избранную раду, провели ряд серьезных реформ.

Были отменены кормления, и на их место пришел сбор "кормленого окупа", то есть денежных средств, которые потом распределялись казной между представителями военно-служилого класса. На местах ограничена была власть наместников и волостелей — администраторов, присылаемых из Москвы; значительная часть их прерогатив перешла к выборным

должностным лицам: излюбленным головам, земским и губным старостам. Они теперь занимались оперативной работой, следствием и судом по воровским, разбойным делам и прочей уголовщине, а также урегулированием поземельных вопросов.

Казенные денежные сборы возросли. Представители знати и монастыри, освобожденные от уплаты государственных налогов и пошлин так называемыми тарханными грамотами, утратили эту льготу (хотя и не повсеместно). Специальным уложением о службе определялось следующее: служилые люди обязаны приходить на воинские смотры "конны, людны, оружны", а количество бойцов, которых они должны были выставлять, рассчитывалось по строго установленным нормам в зависимости от размеров их земельных владений.

Сформировалась стройная система центральных ведомств. Их тогда называли избами (Поместная изба, Челобитенная изба, Розбойная изба) или приказами. Умножилось количество "приказных людей" (грамотных профессиональных чиновников) — дьяков и подьячих.

В 1550 году вступил в силу новый Судебник, заменивший своего предшественника — маленький Судебник 1497 года: тот содержал целый ряд устаревших за полстолетия норм. Новый свод общерусских законов оказался значительно обширнее. Он является аналогом современного Уголовно-процессуального кодекса, но помимо этого содержит ряд важных норм по другим отраслям права. Многие области Московского государства получили территориальные своды законов — "уставные грамоты". Некоторые земли России имели подобные документы и прежде, так что выдача грамот была не столько нововведением реформаторов, сколько последовательной политикой. Приказные органы того времени работали в соответствии со специальными инструкциями, по значению и составу своему соответствующими современным профильным кодексам. Известен, например, подобного рода документ, специально разработанный для Разбойного приказа. Он представляет собой аналог значительной части Уголовного кодекса в современном его понимании.

Церковь, ведомая святым Макарием, создала "Великие Минеи Четьи", то есть тот самый общерусский пантеон святых, а на соборе 1551 года одобрила "Стоглав" — важнейший универсальный сборник, содержащий юридические, нравственные, вероисповедные и административные нормы. В нем же декларировалось исключительно важное для истории русского просвещения решение учредить по городам "книжные училища".

В 1551 году также удалось прийти к приемлемому компромиссу в вопросе о церковном землевладении, полемику по которому московские митрополиты вели с правительственными кругами на протяжении нескольких десятилетий. Государство всячески стремилось ограничить аппетиты священников, а еще того лучше — реквизировать владения архиерейских домов и монашеских обителей. Напротив, церковь желала сохранить и приумножить свое достояние: выходу поместий и вотчин из "службы" в пользу монастырей и архиереев были поставлены жесткие ограничения. Теперь же в честь казанской победы 1552 года был воздвигнут великолепный Покровский собор, более известный нашим современникам в качестве храма Василия Блаженного. Это была великая по объему работа, и выполнили ее в необычайно короткий срок — всего-то за десятилетие!

Ко второй половине 1550-х годов главное реформаторам удалось завершить. Административно-политическая структура державы обрела черты устойчивости и здравой унификации. Можно сказать, при Иване III старая Русь очищалась в плавильном горне, вытекая оттуда чистым металлом России, а при Иване IV Россия отливалась в конкретные формы государственного бытия.

В марте 1553 года царь слег с тяжелой болезнью, от которой не чаял оправиться. Он написал

завещание и велел привести к присяге царевичу Дмитрию Ивановичу бояр, а также князя Владимира Андреевича Старицкого. Большинство не изъявило воли к сопротивлению, некоторые сказались хворыми, но Старицкие не торопились повиноваться. Некоторые вельможи (князья Давыд Федорович Палецкий и Дмитрий Иванович Курлятев, казначей Никита Афанасьевич Фуников-Курцев) начали с ними переговоры. В них явственно звучало предположение, что новым государем будет не малолетний Дмитрий Иванович, а Владимир Андреевич. Сильвестр также пытался помочь Старицким. Князь Иван Михайлович Шуйский, а также окольничий Федор Григорьевич Адашев затеяли настоящий скандал: "И бысть мятеж велик и шум, и речи многия в всех боярех, а не хотят пеленочнику служити". Сторонники и противники принятия присяги "бранились жестоко". Оказалось, что не желающих приносить присягу мальчику не столь уж мало... Сам царь с ложа болезни принялся воодушевлять верных ему людей. Оробевшим Захарьиным-Юрьевым, прямой родне царевича Дмитрия, он бросил: "А вы... чего испужались? Али чаете, бояре вас пощадят? вы от бояр первые мертвецы будете! и вы бы за сына моего и за матерь его умерли, а жены моей на поругание бояром не отдали!" Князя Владимира Андреевича пришлось принуждать к целованию креста, угрожая применением силы...

В конце концов государь выздоровел, и вопрос о присяге на верность маленькому Дмитрию потерял актуальность. Но "боярский мятеж" показал Ивану Васильевичу в очередной раз, сколь зыбко его положение и сколь мало у него возможностей в случае скорой кончины обеспечить достойную судьбу своей семье. От него отошли доверенные люди, знать вновь принялась прикидывать, как бы переделить власть в отсутствие сильного монарха. Казалось бы, мощная партия сторонников царя позволяла ему питать добрую надежду на будущее. Но как знать, не была ли верность этих людей знаком тонкого расчета: ведь у Старицких были свои приоритеты, и не всем при их владычестве оставили бы прежнее высокое положение. А попечение о благе очередного царя-мальчика давало богатые возможности... Запахло вторым изданием "Шуйского царства". Та же Избранная рада не проявила особенной лояльности, скорее напротив. И видимо, царь не очень понимал, как ему дальше строить отношения с аристократическими "столпами державы", с Боярской думой...

Сюжет, уже воздвигшийся в сознании Ивана Васильевича, вдруг оказался под угрозой. Роли, принятые участниками "спектакля", нарушились по смысловому наполнению, отошли от идеала. И государь вспомнил свой детский и юношеский опыт: он ведь, занимаясь своими играми, видел, кто чего стоит из служилой знати, кто о чем мечтает, кто ищет возможность урвать свое и на каком основании! Потом, казалось бы, утихла стихия аристократических интриг. Царь покаялся и простил участникам смутной поры их прегрешения, они и сами проявили склонность ко всеобщему примирению. Настала вроде бы пора идеального христианского царствия... Ан нет, всё ложь, всё фальшь, и все отошли от положенного!

Глубоко пустил корни в его сердце гнев, а вместе с ним и страх. Но пуще всего прочего — горькое недоумение: если я, первенствующий, верно исполнял свою роль, почему же остальные посмели отойти от своих амплуа?!

Вскоре после событий, связанных с болезнью Ивана Васильевича, государь отправился в длительную поездку по иноческим обителям. Там он получал разного рода советы от церковных деятелей, обладавших незаурядным духовным авторитетом. Среди них — преподобный Максим Грек (Михаил Триволис) и видный иосифлянин Вассиан Топорков, лишившийся архиерейской кафедры в годы "Шуйского царства". Князь Андрей Курбский впоследствии прокомментировал эту встречу бранными словами, назвав Вассиана Топоркова "сыном дьявола" и обвинив его в дурных советах, поданных царю. С точки зрения беглого князя, именно они разрушили взаимопонимание Ивана Васильевича и Избранной рады.

Разумеется, Андрей Михайлович, как и многие аристократы того времени, склонялся к нестяжательскому лагерю Русской церкви. Еще бы! Домовитые сторонники преподобною Иосифа Волоцкого стерегли пуще глаза колоссальные земельные угодья церкви — лакомый кус для знати! — в то время как не-стяжатели готовы были с ними расстаться. Конечно, Курбский и не мог иначе отнестись к рекомендациям, поданным государю *в духе укрепления его, монаршей, власти.* За счет кого ее можно укрепить? Только за счет той же служилой аристократии, не очень-то допускавшей царя к делам правления. Влияние на Ивана Васильевича стяжателей (хотя бы того же Вассиана Топоркова), неуютно чувствовавших себя рядом с боярской вольницей, весьма вероятно. В те годы их поддержка могла воодушевлять царя.

На протяжении второй половины 40-х — середины 50-х годов XVI века русская аристократия сделала немало полезного для страны; низкий ей поклон. Но тогда же она возжелала увековечить правящее свое положение на веки вечные, а этого уже не требовалось никому, кроме нее самой. Рано или поздно подобное положение дел должно было привести к очередному острому конфликту с государем.

Так и получилось — когда стали обсуждаться перспективы активной внешней политики. Иван Васильевич вошел в противоречие с прежними ближайшими советниками и настоял на своем. Какие рычага он при этом использовал, не вполне понятно, — возможно, создал партию своих сторонников из числа аристократов, одобрявших курс на активизацию усилий в западном направлении. Ко второй половине 50-х годов XVI столетия, в связи с подготовкой и началом Ливонской войны, царь окончательно избавился от контроля аристократического правительства, преодолел авторитет Избранной рады и начал проводить достаточно самостоятельный курс. Несколько лет спустя прежние лидеры Избранной рады оказались в опале и сошли с арены большой политики.

Воля царя, прежде стесненная, теперь освободилась от ограничений и стремилась к самовластию. Только самовластие давало ему возможность укрепить в мире истинный порядок, то и дело нарушаемый знатью.

Отношения государя Ивана Васильевича с верхушкой военно-служилого класса никогда не были идиллическими на протяжении всего периода его правления. До середины 1540-х годов он вообще мало значил в делах правления — по малолетству и неискушенности. Конец 40-х — 50-е — время неустойчивого, но плодотворного для всей страны компромисса. Аристократы кое-чем поступились в пользу царя и кое о чем договорились между собой. Политические и материальные приоритеты у старомосковской знати за все это время ничуть не изменились; память разнузданных лет "Шуйского царства" была свежа и грозила рецидивом — при первом же удобном случае. Государь научился сдерживать свой крайне эмоциональный, своевольный и бурный характер, возжелал потрудиться на благо державы, однако тепла в его общении со знатью увидеть невозможно…

Видимо, в ту пору очень большую роль играл авторитет церкви. Именно он был скрепляющим материалом для всей этой конструкции, пребывавшей в динамическом равновесии. За многими реформами — прямо или косвенно — видится подвижническая фигура святого Макария. Вероятно, его пастырское рвение стало главным фактором, сдерживавшим страсти и направлявшим хаотические выплески молодой нации в сторону созидательного общественного строительства.

В первой половине 60-х прежние деятели, составлявшие буферную группу Избранной рады, уходят в тень. Государь стремится усилить свою власть, и успехи первых лет войны за Ливонию как будто способствуют этому… Но именно тогда происходит несколько событий, пошатнувших

русский дом, до тех пор стоявший крепко волей Божьей и стараниями святого Макария. Во-первых, умирает (возможно, будучи отравлена) первая жена Ивана IV, Анастасия Захарьина-Юрьева (1560), и на ее место рядом с царем быстро приходит Мария Темрюковна Черкасская, кавказская княжна, для которой собственно-русский политический узор был делом не особенно интересным: видимо, ей не удалось поддержать в царе ощущение ответственности за собственную семью и за семью большую — всю Россию. Уходит к Господу и сам митрополит Макарий (1563). Военные успехи сменяются неудачами. Жесткость царя и непокорство знати усиливаются, взаимно питая друг друга.

Идет 1564 год. Страна пребывает в шаге от опричной бездны.

Глава 3. "За державу стоятелен..."

"Военная" глава в этой книге больше всех прочих по объему. Причина такова: именно войны, военная организация и военное дело объясняют важнейшие повороты в царствовании Ивана IV. Историки разных времен искали то в социальном, то в экономическом развитии страны причины реформаторской деятельности, воздвижения опричнины и самодержавных устремлений Ивана IV, или же, соблазнившись психоаналитическими домыслами, диагностировали у самого царя признаки сумасшествия. Но, кажется, основа всего — географическое положение русской цивилизации, в силу которого она вынуждена была воевать очень много, и все ее внутреннее устройство в значительной степени "заточено" под масштабные ратные усилия, предпринимаемые регулярно.

В XVI столетии Московское государство сражалось часто и на всех границах — за исключением разве что северной, проходившей по побережью Северного Ледовитого океана. Иван IV не обязан был лично принимать участие во всех крупных походах и битвах, но положение государя принуждало его самым активным образом заниматься обороной страны. Историки спорят о том, насколько Иван Васильевич сумел проявить полководческие способности, решительность, волю и энергию в качестве главного защитника страны. Впрочем, современники также расходились во мнениях на этот счет. Одни обвиняли Ивана IV в трусости, а другие считали, что царь был "ко ополчению дерзостен и за державу стоятелен..."

Все монархи из династии московских Даниловичей в большей или меньшей степени получали опыт боевых действий, водили армии, с юных лет привыкали к обстановке крупных военных кампаний. Вдосталь хлебнули такого опыта и Василий II, и Иван III, и Василий III. Они рисковали своими жизнями, побеждали и терпели поражения, а Василий II даже побывал в плену у ордынцев. Правда, если большое войско татар двигалось на Москву, оборонительный корпус обычно возглавлял не государь, а "большие" воеводы. Татары считались самым серьезным, самым страшным врагом как в XV столетии, так и в XVI. Рисковать в подобных обстоятельствах монаршей особой было все равно что ставить на кон судьбу всего государства, и великий князь, как правило, отправлялся в "замосковные" города собирать войска. А в остальных случаях присутствие государя в полевой армии диктовалось масштабом боевых действий, конкретной надобностью, в конце концов, характером самого великого князя... Так, например, Даниил Московский, Иван Калита и Иван III дипломатию предпочитали войне, а большую политику — личному геройству на поле боя. Зато Юрий Данилович, Василий II и Василий III, кажется, любили хорошую драку. Так или иначе, ремесло полководца самым естественным образом входило в круг обычных занятий монарха.

Иван IV был своего рода исключением среди государей московских. Учителей в воинском деле для него не нашлось — по разным причинам. Во-первых, его отец не дожил до времени, когда сын стал взрослым. Во-вторых, настоящих больших войн во времена его юности Россия просто

не вела.

Правда, когда Иван Васильевич был маленьким мальчиком, шла так называемая Стародубская война с великим княжеством Литовским. Без "хозяйской руки" старомосковская служилая аристократия показала поистине необычный способ ведения боевых действий. Если обратиться к истории столкновений великого князя Литовского и Москвы, то при Иване III они дважды заканчивались для Литвы значительными территориальными потерями. Василию III тоже удалось свести итог целого ряда тяжелых и кровопролитных кампаний в пользу Московского государства: за ним остался Смоленск. Во всех этих случаях боевые операции российских войск делились на две части: во-первых, набеги на территорию неприятеля, разорение литовских земель, захват добычи; во-вторых, умелые осады вражеских укрепленных пунктов и оборона собственных крепостей. Большие полевые сражения были относительно редки, в основном они оказывались способом защитить города на дальних подступах. Так вот, в московско-литовских войнах до 30-х годов XVI века два упомянутых вида боевых операций присутствовали примерно в равной пропорции. Стародубская же война действий второго типа с русской стороны почти не знала. Служилая аристократия увлеклась грабежом и отгоном скота. Она почти не пыталась всерьез и основательно осаждать города Литовской Руси и недостаточно заботилась о защите собственной территории. Польский жолнер Войтех, бежавший из русского плена, сообщил полоцкому воеводе Яну Юрьевичу Глебовичу, что московская знать перегрызлась между собой и дело близится к резне, поэтому воевать бояре не торопятся. В 1535 году литовские войска сожгли Радогощь и Стародуб, в плен попал стародубский наместник князь Федор Васильевич Телепнев-Оболенский. Позднее литовцами был захвачен Гомель. По "перемирным грамотам" города Любеч и Гомель с волостями перешли под власть великого князя Литовского. Пока шла Стародубская война, казанские татары совершали разорительные набеги на Нижегородские, Вологодские, Устюжские и Костромские места; попытки организовать им отпор закончились без особого успеха. Казанцев активно поддерживал Крым, и набеги с юга приносили разорение на степные окраины России.

За всем этим чувствуется недостаток дисциплинирующей монаршей воли. Впоследствии Иван Васильевич гневно писал о служилых аристократах 1530-х годов: "Они, как подобает изменникам, стали уступать нашему врагу, государю Литовскому, наши вотчины, города Радогощь, Стародуб, Гомель... если в своей земле некого подучить, чтобы погубили славу родной земли, то вступают в союз с иноплеменниками — лишь бы навсегда погубить землю..." Но в те годы ему рановато было выезжать на театр военных действий с полками. А в возрасте двенадцати, четырнадцати, семнадцати лет великому князю негде было учиться военному делу: подходящих кампаний в те годы не случилось.

Летом 1541 года огромная орда крымского хана сделала попытку форсировать Оку и угрожала Москве с юга. Бояре с митрополитом решили оставить государя-мальчика в столице, поскольку замосковные города были тогда небезопасны от набега казанцев, а Псков и Новгород — от удара литовцев. Летопись сообщает, что юный правитель принял участие в организации обороны столицы. Впрочем, войско крымцев удалось отбить на Оке, и приготовления к защите Москвы стали ненужными.

Наконец, в середине 40-х годов XVI века произошло очередное обострение отношений с Казанью, вылившееся в трудную затяжную войну. Однако первые походы на Казань, по всей видимости, не отличались особым размахом. Иван Васильевич в них не участвовал.

В 1547 году великий князь Московский венчался на царство и женился. Через несколько месяцев юный государь начал подготовку к большому походу на Казань, в котором должен был принять участие лично. Однако масштабное зимнее 1547–1548 годов наступление сорвалось — как будто из-за ранней оттепели и таяния льда на реках. Иван Васильевич оставил армию и

вернулся в Нижний Новгород, нимало не понюхав пороху. Между тем его воеводы, несмотря на путевые сложности, добрались до столицы Казанского ханства и даже нанесли под ее стенами полное поражение противнику. Возникает предположение, что сам государь не очень-то рвался участвовать в рискованном воинском предприятии.

Через два года он все-таки дошел до Казани, но так и не приступил к штурму. Простояв под городом недолгое время, царь вновь ретировался по той же самой причине — из-за оттепели и дождей. Таким образом, для него это были "мирные" походы.

В 1552 году на Казань опять отправились объединенные силы Московского государства, во главе которых вновь должен был встать сам государь. Тогда он был совершенно взрослым по тем временам человеком — 22 года. В соответствии с обычаями XVI столетия, монарх в подобном возрасте не считался слишком юным, чтобы возглавлять армии. Более того, Иван Васильевич успел к тому времени дважды побывать во главе московских войск, хотя и не вступил ни разу в сражение с неприятелем. Но из его переписки с князем Андреем Курбским, бежавшим в 1564 году за пределы России и перешедшим на службу к великому князю Литовскому, известны странные подробности очередного казанского похода, которые показывают, что Иван Васильевич, по всей вероятности, не ладил с собственными воеводами, а то и опасался плена.

Позднее, через много лет, царь напишет Курбскому: "Когда мы Божьей волей с крестоносной хоругвью всего православного воинства ради защиты православных христиан двинулись на безбожный народ казанский, и по неизреченному Божьему милосердию одержали победу над этим безбожным народом, и со всем войском невредимые возвращались обратно, что могу сказать о добре, сделанном нам людьми, которых ты называешь мучениками? А вот что: как пленника, посадив на судно, везли с малым числом людей сквозь безбожную и неверную землю! Если бы рука Всевышнего не защитила меня, смиренного, наверняка бы я жизни лишился. Вот каково доброжелательство к нам тех людей, о которых ты говоришь, и так они душой за нас жертвуют — хотят выдать нас иноплеменникам!"

Трудно сказать, насколько эти заявления соответствуют истине.

Тот же Курбский сообщает, что царь сам, под влиянием "шуринов", решил спешно отплыть из Казани, а конницу отправил крайне неудобной дорогой, из-за чего большинство лошадей пало.

Однако царские укоризны наводят на мысли иного рода: в армии во время большого похода государь не является полновластным хозяином и распорядителем. Отчасти это могло происходить в силу его нулевого опыта в ведении боевых действий, отчасти же — по причине мощного влияния аристократических кланов, видимо истинных властителей войска.

Вызывает определенное недоумение сама необходимость присутствия монарха в частях, отправленных на Казань. В подавляющем большинстве случаев *государями не рисковали* — например, когда речь шла о большой и опасной воинской операции против Крыма, нога-ев или Казани. Видимо, пленение Василия II и последующий колоссальный выкуп за него многому научили Москву. Тот же Иван III Великий, удачно действовавший против казанцев, сам ни разу не возглавлял армии, выступавшие на восточного соседа.

В 1571 году крымцы во главе с ханом Девлет-Гиреем разорили и спалили русскую столицу; в следующем, 1572 году силы Девлет-Гирея были разгромлены у Молодей, на южных подступах к Москве. Отнюдь не Иван IV оба раза руководил обороной, а его воеводы, хотя, казалось бы, решалась судьба страны. Гибель государя или его пленение, очевидно, рассматривались как худшее зло, даже по сравнению с захватом столицы.

Возвращаясь к походу на Казань 1552 года (да и предыдущим двум с участием монарха): очевидно, воеводы могли обойтись без молодого царя, несведущего в тактике крупных соединений. Эта военная операция натолкнулась на упорное сопротивление неприятеля, а движение по вражеской территории происходило в условиях нехватки пищи и воды. Вероятно, фигура государя потребовалась для воодушевления войск. Вряд ли стоит всерьез воспринимать фразу Ивана IV: "...хотят выдать нас иноплеменникам!" — но участие его в походе было, объективно говоря, мерой необязательной и рискованной.

Возникает вопрос: до какой степени победы и поражения русского войска в тех кампаниях, где его возглавлял Иван IV, могли зависеть от его личного полководческого таланта, воли, отваги?

В отношении походов 1547–1548,1549-1550 годов и Казанского взятия 1552 года подобную зависимость приходится ставить под сомнение. Реальными командующими были все те же крупные воеводы, то есть служилая аристократия. Летопись и разряды дают возможность указать людей, сыгравших в Казанском взятии решающую роль, занимавших тогда высшие должности и являвшихся, по всей видимости, истинными хозяевами положения. Это прежде всего князья Иван Федорович Мстиславский и Михаил Иванович Воротынский (первый и второй воеводы большего полка), князь Владимир Иванович Воротынский и Иван Васильевич Шереметев (первые и второй воеводы государева полка), а также князья Александр Борисович Горбатый и Семен Иванович Микулинский (возглавляли отдельное полевое соединение, действовавшее против татарских отрядов, которые нависали над русскими тылами). Ни один из них не играл сколько-нибудь серьезной роли в Стародубской войне. Зато большинство участвовало в боевых действиях против Казани на значительных должностях. Все это — верхушка титулованной знати, самые ее сливки, люди весьма богатые и влиятельные. Трудно определить, до какой степени молодой Иван IV был волен отдавать им распоряжения...

С одной стороны, Андрей Курбский в "Истории о великом князе Московском", сочинении крайне недружелюбном в отношении Ивана Васильевича, отмечает личную храбрость и энтузиазм государя: "...сам царь исполнился усердием, сам и по собственному разумению начал вооружаться против врага и собирать многочисленные храбрые войска. Он уже не хотел наслаждаться покоем, жить, затворясь в прекрасных хоромах, как в обыкновении у теперешних царей на западе (прожигать целые ночи, сидя за картами и другими бесовскими измышлениями), но сам поднимался не раз, не щадя своего здоровья, на враждебного и злейшего своего противника — казанского царя". Далее Курбский как будто пишет о полной самостоятельности Ивана Васильевича: "он велел...", "он отправил...". Однако важнейшие решения принимались государем только по совету "со всеми сенаторами и стратегами". И особенно характерный эпизод произошел в день решающего штурма Казани. Московские войска уже проникли в город, но в уличных боях под напором его защитников некоторые отряды обратились в бегство; государь, по словам Курбского, утратил твердость духа. Видя беглецов, он "...не только лицом изменился, но и сердце у него сокрушилось при мысли, что все войско христианское басурманы изгнали уже из города. Мудрые и опытные его сенаторы, видя это, *распорядились* воздвигнуть большую христианскую хоругвь у городских ворот, называемых Царскими, *и самого царя, взяв за узду коня его, — волей или неволей — у хоругви поставили*: были ведь между теми сенаторами кое-какие мужи в возрасте наших отцов (по всей вероятности, имеются в виду дворовые воеводы князь Владимир Иванович Воротынский и боярин Иван Васильевич Шереметев-Большой. — Д. В.), состарившиеся в добрых делах и в военных предприятиях. И тотчас приказали они примерно половине большого царского полка... сойти с коней, то же приказали они не только детям своим и родственникам, но и самих их половина, сойдя с коней, устремилась в город на помощь усталым... воинам". Отметим, что вскоре после взятия Казани у царя произошел острый конфликт с воеводами. В частности, его спешное возвращение в Москву противоречило мнению высшего военного

командования.

Насколько свидетельства Курбского находят подтверждение в официальном летописании того времени? Определенные признаки несамостоятельности государя в вопросах руководства армией имеются. Видно, что стратегические решения принимаются им "по совету" с аристократической верхушкой. Так, например, неудача похода 1549–1550 годов заставила Ивана IV построить на подступах к Казани опорный пункт Свияжск. Впоследствии его наличие сильно облегчило жизнь наступающим русским войскам и сыграло, быть может, решающую роль в успехе 1552 года. Так вот, решение о постройке Свияжской крепости и выбор места производились по совету с бывшим казанским царем Шигалеем, "воеводами" и "казанскими князьями", "и с бояры, и со князьми", по благословению митрополита Макария…

Что же в итоге произошло? Картина участия Ивана IV в Казанской войне 1545–1552 годов реконструируется следующим образом.

1. Государь-юноша не знает военного дела и не имеет ни малейшего представления о тяготах большой войны. Но он желает попробовать, что это такое. В конце концов, такова его работа: сражаться за православную страну с басурманами всех сортов. До совершеннолетия его стремление вяло (вспомним 1541 год!) сдерживается окружающими.

2. Впоследствии царь бросается в военную стихию и с маху сталкивается с трудными обстоятельствами Казанской войны. Служилая аристократия не препятствует ему: присутствие государя в действующей армии может воодушевить воинов, а в случае его гибели есть достойный наследник престола в лице князя Владимира Андреевича Старицкого… Невероятно сложная, рискованная, кровавая война с Казанским ханством не стала предметом, способным воодушевить юного государя. Видимо, он то преисполняется боевого пыла, то падает духом. Свидетельством тому служит скорое возвращение из неоконченного похода 1545 года, припадок робости во время решающего штурма Казани в 1552 году, но в то же время и упорство, с которым Иван IV выходил с полками на Казань. В конечном итоге все, что требовалось от православного монарха, было им совершено.

3. Отношения между Иваном Васильевичем и его воеводами далеко не безоблачны. Важнейшие решения принимаются совместно, и, следовательно, царь не является полновластным командующим полевой армией. Вероятно, не столько он руководит, сколько руководят им. Это порождает конфликтные ситуации. Какой истинный, по глубочайшей внутренней предрасположенности, артист пожелает и одобрит ситуацию, в которой не он играет, а играют им, и притом играют столь грубо, оставляя ему так мало собственной воли?

4. Однако в целом результат положительный: колеблющейся воли молодого государя и понимания его воевод, что "дело делать надо", оказывается достаточно для триумфального Казанского взятия.

Иван Васильевич выдержал тяжелое испытание и узнал вкус победы. Казанские походы надолго закалили волю царя. Пройдет двенадцать лет, прежде чем она вновь начнет давать сбои.

Кроме того, Иван Васильевич обрел тот бесценный опыт, которого ему так не хватало. По ходу последнего противоборства с казанцами он получил представление о самых разных типах боевых операций. Сконцентрированные для решающего удара вооруженные силы Московского государства двигались к Казани через Коломну, Муром, Свияжск, но по дороге им пришлось завернуть в Тулу, чтобы отразить фланговый удар крымцев. Это был наглядный урок, насколько опасен союз Крымского ханства с кем-либо из серьезных противников Москвы.

Осадив неприятельскую столицу, русские полки широко использовали артиллерию и военных инженеров — "розмыслов", как их тогда называли. Были построены осадные башни, сооружены земляные укрепления, засыпаны казанские рвы, осуществлялись подкопы, и был взорван вражеский источник воды. В конечном итоге именно подрыв стен Казани обеспечил удачу решающего штурма. Позднее Иван Васильевич покажет, сколь успешно он усвоил урок: без мощной артиллерии, "розмыслов" и многолюдной "посохи" (вспомогательных войск, несущих инженерную службу) крупные, хорошо укрепленные города не берутся. Его отец Василий III умел при захвате городов "заболтать" или купить защитников. Иван IV знал, что такие методы иной раз оказываются эффективнее орудийных залпов. Впрочем, ему впоследствии отлично удавалось брать мощные крепости силой — не серебром и не посулами, а с помощью пороха и ядер. Наконец, русским полкам, осаждавшим Казань, извне угрожали мобильные отряды, наносившие страшный урон внезапными ударами. Пока князья Александр Борисович Горбатый и Семен Иванович Микулинский не разбили их, дела не пошли на лад. Урок номер три: осаждающие войска должны быть избавлены от назойливой активности деблокирующего корпуса.

Государь ничего не забыл из казанского опыта, полученного дорогой ценой.

Более поздние военные кампании проходили в совершенно иных условиях, там царь явно не был лишь номинальным предводителем войска: воеводы обязаны были ему подчиняться в полной мере. И у него хватало возможностей применить полученный опыт на деле.

В 1555 году Иван Васильевич вышел с войсками к Туле, навстречу воеводе боярину Ивану Васильевичу Шереметеву, столкнувшемуся с крымцами. Царя отговаривали от столь опасного шага, но он решился возглавить войско. Шереметев задержал хана, вступив с ним в сражение, отчаянно сопротивлялся, однако был разбит. Часть наших сил заняла укрепленную позицию и отбила яростные атаки татар, не позволив себя уничтожить. Измотанное вражеское войско не решилось вступать в бой с основными силами русских. В свою очередь, полки под водительством государя не стали преследовать отступающего неприятеля. Таким образом, Иван IV показал подданным: у него хватает мужества и воли выйти против самого опасного врага, иными словами, "за державу" он "стоятелен"…

Вместе с тем всерьез рисковать удачным исходом сражения царь не стал, отказавшись от преследования татар. Это может показаться признаком нерешительности. Но на самом деле Иван Васильевич принял мудрое, взвешенное решение. Оторвавшись от коренных земель Руси, наше полевое соединение могло наткнуться на свежие отряды крымцев и подвергнуться уничтожению. Разгром московского войска в южных степях означал бы одно: столица остается без защиты и без монарха. Как при Батые.

Есть вещи поважнее репутации.

Та же история повторилась через год. В мае 1556-го, узнав, что крымские татары готовят поход на Русь, Иван IV двинул полки к Серпухову. Готовность русских войск к отпору и моровое поветрие, поразившее Крым, предотвратили очередное нашествие. А Иван Васильевич вновь показал твердость.

С 1556 года в военной деятельности государя наступил долгий перерыв. Он решал стратегические проблемы, сидя в Москве, и не участвовал в походах на протяжении семи лет. И в кратком, но жестоком столкновении со шведами, и даже когда началась исключительно важная для царя и всей страны война в Ливонии (1558), Иван Васильевич доверял осуществление боевых действий воеводам.

В середине 50-х годов решалось, какое направление ратных усилий должно стать основным: Ливония или Крым. Царь должен был сделать стратегический выбор.

Казалось бы, тяжелое положение Крымского государства (подданные хана страшно пострадали от массовой эпидемии) и ряд частных успехов русского оружия давали уникальную возможность одним мощным ударом ликвидировать угрозу набегов с юга. Речь шла ни много ни мало об уничтожении ханства. Это избавило бы российские земли от чудовищных потерь.

В худшие годы татарский набег мог нанести стране урон в десятки тысяч угнанных, притом что российская система обороны от татарских набегов была заметно действеннее, чем литовская, и, возможно, превосходила польскую. Источники сообщают, что крымцам удавалось в результате "урожайного" похода увести до 100 000 пленников из Литовской Руси. Невольничьи рынки Черного и Средиземного морей были переполнены русскими рабами. Потери нашего народа в этой исторической трагедии сравнимы с результатами работорговли в Северной Америке и холокостом. Горели города, окраины теряли нажитое имущество, скот. Плодородная земля Дикого поля не осваивалась, притом что в центральных районах Московского государства ощущался настоящий земельный голод.

Кроме того, с исчезновением южной угрозы военнослужилое сословие оказалось бы избавленным от тяжкой и опасной вахты "на берегу" (как писали в документах того времени), то есть на степных рубежах государства, по линии Оки. Там военное командование постоянно держало мощные гарнизоны, работала система оповещения об очередном набеге, русские отряды должны были то и дело выходить на юг и становиться заслоном на пути захватчиков. Кровавая, изматывающая военная работа страшным грузом лежала на "слу-жилых людях по отечеству". Дворянство несло значительные потери, в том числе и его аристократическая верхушка. Разгром Крымского ханства, казалось бы, столь близкий и столь желанный, устраивал многих и выглядел очень полезным для страны.

Наконец, многие аристократические семейства были кровно заинтересованы в южном направлении. Вот что пишет по этом поводу известный исследователь XVI столетия П. А. Садиков: "...княжьё и боярство явно предпочитали... вести наступление на юг, в сторону Крыма, где на Диком поле открывались широкие перспективы к освоению больших черноземных участков и где у некоторых из них (кн. Мстиславского, боярина И. В. Шереметева) имелись уже целые "городки" с вооруженными отрядами и огромные вотчины; да и старинные, бывшие когда-то "удельными" владения массы княжат расположены были к югу от Москвы, в "заоцких" и "украинных" уездах, постоянно находившихся под угрозой набегов крымцев".

Целый регион России жил из года в год на краю беды. По нему пролегала цивилизационная граница между крестом и полумесяцем. Передвижение ее "на полдень" происходило невероятно медленно, и каждый год мог принести резкое отступление сил креста "на полночь".

Но Иван IV предпочел иное направление для приложения военных усилий — Ливонию. Историки, исповедующие западничество, нередко упрекали его в "стратегической ошибке": не стоило воевать с Европой, надо было дружить с ней, а нажать следовало на Крым, тем более, страна остро нуждалась в решении этой проблемы. В подтексте читается: ах, почему мы так варварски набросились на европейцев! Они обиделись... Последней в этом духе писала А. Л. Хорошкевич, сетуя, что не суждено было Ивану Грозному "...вывести Российское царство на путь интеграции с Европой Нового времени". Исследовательница не задумывается над вопросом: а нужна ли была нам в XVI веке интеграция с Европой? Да и какой Европой? Ни о какой единой Европе для XVI столетия и речи быть не может. Во всяком случае, Европарламента тогда точно не существовало, а интегрироваться с Ливонским орденом было

бы немного странно.

В советское время этот шаг Ивана Васильевича склонны были оправдывать следующим образом: России требовался выход к морю, к балтийской торговле, а когда удалось на завоеванных землях наладить так называемое "нарвское плавание", то есть использовать порт города Нарвы в качестве ключа к масштабной торговле со всей Европой, от этого вышла большая польза государству. И кстати, если до того западные соседи имели склонность не допускать на территорию России европейских специалистов военно-технического профиля, а также некоторые виды товаров, то "нарвское плавание" решило все проблемы подобного рода.

Это, конечно, серьезный аргумент. Но… неизвестно, насколько Иван IV принимал в расчет торговый аспект завоеваний в Ливонии. Ни один источник не содержит сведений об этом, остается строить гипотезы. Более того, у Московского государства был выход на Балтику — например, то же устье Невы. Его Россия потеряет лишь после тяжелой борьбы на протяжении Смуты начала XVII века и вернет ценой огромных усилий через сто лет. Если бы речь шла о расширении товарообмена с Европой, там всего-навсего требовалось построить город-порт, чем спустя полтора века и занялся Петр I… Незадолго до начала Ливонской войны у Ивангорода, стоящего, как и Нарва, на реке Нарове, русские стали возводить портовые сооружения. Но строительство ничуть не предотвратило боевые действия.

Как раз в середине 1550-х годов Россия установила дипломатические отношения с британской короной: англичане открыли торговый маршрут вокруг Скандинавского полуострова, ставший впоследствии весьма оживленным. Держава могла невозбранно пользоваться северным мореходным путем.

Наконец, судя по переписке Ивана Васильевича с Елизаветой I, русский царь вообще считал купеческие дела второстепенными… Так что прямой необходимости воевать в Ливонии по причинам торгового плана у Московского государства не было.

Зато были другие, и достаточно серьезные причины.

Во-первых, сколь бы ни было соблазнительно прикончить крымскую силу раз и навсегда, но уж слишком этот проект напоминает военно-политическую авантюру. Замечательный российский историк С. Ф. Платонов высказался по данному поводу с исчерпывающей ясностью: "Отказываясь "подвигнуться" против Крыма сам "с великим войском", Грозный был, несомненно, прав. Хотя Курбский обругал его советников, отвративших будто бы царя от Крымской войны ласкателями" и "товарищами трапез и кубков", однако эти ласкатели — если вина на них — были на этот раз умнее "мужей храбрых и мужественных", толкавших Грозного на рискованное, даже безнадежное дело". Крым не раз впоследствии попадал в неприятное положение, однако окончательно сбросить эту фигуру с шахматной доски большой политики смогла лишь необъятная Российская империя времен Екатерины II — государство с ресурсами и военной мощью на порядок выше, чем у Московии грозненской эпохи. Наша страна неоднократно сталкивалась с Крымом, но всякий раз русской военной мощи не хватало для решительной победы — и в XVII столетии, и большую часть XVIII. Только при Потемкине и Суворове, в "век золотой Екатерины", это наконец удалось. Борясь на уничтожение с Крымом, даже ослабленным эпидемией, Россия эпохи Грозного многим рисковала. Можно было перенести мор в ряды русской армии, а там и в русскую столицу. Можно было положить лучшие полки вдалеке от русских границ, в голодных степях. Можно было, в конце концов, увязнуть в противостоянии с политическим патроном Крымского ханства — Османской империей (так оно и произойдет во второй половине XVII — начале XVIII столетия).

Во-вторых, Ливония, истерзанная междоусобьями, разделенная на несколько слабых

государственных образований, была несравненно менее опасным противником, нежели агрессивный Крым. Первые несколько лет Ливонской войны показали это наглядно.

В-третьих, балтийские государства располагали значительным фондом издавна обрабатываемых земель, притом земель с крестьянами. Ни Казань, ни Крым ничего подобного предложить не могли: там устойчивых очагов землепашества не имелось. А освоение целинных участков требовало переселения на "голые" места крестьянства; только откуда его взять? Особенно если учесть, что отправлять его придется в полосу постоянных бунтов и военных действий, чуть ли не на верную смерть, а потери надо будет вновь и вновь возмещать очередными "вливаниями"... Нет, "подрайская" землица Казани и Дикого поля на первых порах для российского дворянства оказалась совершенно бесполезной. Ливония — другое дело. Между тем небогатые и воинственные "служилые люди по отечеству" давно испытывали недостаток доброй поместной землицы. Имеющиеся "дачи" заметно уступали положенным им земельным "окладам". "Городовые" и "выборные" дети боярские составляли основу вооруженных сил, самую надежную опору трона. Ведение войны в их интересах соответствовало интересам самого государя. Есть документальные свидетельства того, что русские дворяне впоследствии получали поместья в завоеванных землях на территории Ливонии. Грамот по русскому землевладению в захваченной части Прибалтики известно довольно много.

Наконец, в-четвертых, на территории Прибалтик и Литовской Руси кипела борьба католиков с протестантами, причем среди последних попадались, помимо умеренных лютеран, антитринитарии самого отчаянного пошиба. Русские еретики (например, Феодосий Косой) бежали не в Крым, а на Запад... Волны Реформации, подкатывающие к самым стенам России — страны-крепости, — тревожили правительство и церковь. Позиции православия западнее литовского рубежа подверглись мощному прессингу. В ближайшем будущем "конфессиональный натиск" мог стать серьезной опасностью и для самого русского царства.

Таким образом, решение Ивана Васильевича о начале военных действий в Ливонии имело под собой серьезные основания. Это не каприз деспота, а продуманная, логически объяснимая стратегия.

Итак, в 1558 году московские воеводы вошли с полками на Ливонские земли. Сам Иван Васильевич вплоть до зимнего 1562–1563 годов похода на Полоцк в боевых действиях не участвовал. Как и прежде, он вполне доверял высшие военные должности представителям княжеско-боярской знати.

До 1562 года события на Ливонском театре военных действий развиваются в основном благоприятно для Московского государства. Ливонский орден разрушен, его войска разгромлены по частям, российские воеводы заняли Нарву, Юрьев, Феллин, Мариенбург и целый ряд других городов.

В 1560–1561 годах заинтересованность в дележе ливонского "наследства" проявили Дания, Швеция и Польско-Литовское государство. Открытое противостояние с литовскими силами принесло русским воеводам частные успехи под Перновым и Тарвастом. Но в 1562 году российские полки потерпели поражение у Невеля, причем возглавлял тогда войско не кто иной, как сам князь Андрей Курбский, вследствие этой неудачи лишившийся царского благоволения.

Иван IV принимает решение нанести сокрушительный удар объединенными силами Московского государства — так сказать, произвести демонстрацию русской военной мощи. Эта военная операция оказалась самой крупной и самой удачной в карьере полководца Ивана

Грозного.

По всей видимости, состояние политического компромисса между царем и верхушкой служилой аристократии сохранялось на протяжении как минимум всего десятилетия — с начала 1550-х. Причем самостоятельность Ивана Васильевича росла, и боярско-княжеская знать испытывала на себе растущее давление. Косвенным, но серьезным свидетельством этого являются сведения о побегах русских аристократов и переходе их на службу к великому князю Литовскому. Один из таких беглецов объяснял свое желание переменить государя так: по его мнению, Иван Васильевич "бесчестит" "великие рода", приближая к себе худородных ("молодых") людей.

В трудах историков общим местом является датировка острого конфликта между царем и знатью концом 50-х — началом 60-х годов. Но уточняется эта широкая хронологическая полоса по-разному. В данном случае важно следующее обстоятельство: два удавшихся побега значительных людей Московского государства приходятся на 1562 и 1564 годы (окольничий Богдан Никитич Хлызнев-Колычев и князь Андрей Михайлович Курбский). Притом Курбский принадлежал к Ярославскому княжескому дому и стоял в аристократической иерархии России весьма высоко. Кроме того, он был одним из опытных воевод, участвовал в крупных кампаниях на высоких постах, знал стратегические планы русского командования... Время от времени случались побеги и менее значительных персон. Попытки переметнуться совершали знатнейшие князья Иван Дмитриевич Бельский и Дмитрий Иванович Курлятев. Опалы сыпались направо и налево. Так, оказался в немилости и был отправлен в ссылку князь Михаил Иванович Воротынский, один из главных козырей в колоде высшего командования России, полководец умный и отважный. Казнь постигла родню Алексея Федоровича Адашева, занимавшего важные воеводские должности и умершего в 1560 году.

В чисто военном отношении это означает следующее: царь берет бразды правления на себя, понемногу оттесняя "сливки" военно-служилого сословия от руля управления страной и армией, и делает это жестко, не щадя родовитых и заслуженных людей. В Невеле им был собственноручно убит князь Иван Шаховской — возможно, в связи с изменным делом Хлызнева-Колычева... Следовательно, во время зимнего похода 1562–1563 годов Иван Васильевич является уже полновластным командующим. Удачи и просчеты, таким образом, можно относить к его способностям и его воле: "коллективный разум" тут уже ни при чем.

Время наступления и точка приложения усилий были выбраны исключительно удачно. В силу политических обстоятельств литовцы не имели возможности собрать значительные силы. Небольшой корпус (около двух с половиной тысяч человек) во главе с гетманами Николаем Радзивиллом и Григорием Ходкевичем оперировал на значительном расстоянии от русских полков, опасаясь вступать с ними в битву. Литовцы могли только оттягивать на себя часть сил с главного направления да устраивать стычки с нашими разъездами. Таким образом, один из самых важных уроков казанской кампании был государем отлично усвоен.

Основной удар был направлен на Полоцк. При Василии III московские воеводы пытались взять его как минимум четырежды. Этот город представлял собой стратегически важный пункт по целому ряду причин. Полоцк был богат, многолюден, имел большой посад и стягивал значительное количество пахотной земли. На протяжении XVI века он являлся крупнейшим населенным пунктом на территории современной Белоруссии, а потому представлял собой выгоднейшее приобретение. Полоцк нависал над левым флагом русской воинской группировки в Ливонии. Он также был отличным плацдармом для наступления на Вильно — столицу Великого княжества Литовского. Еще в XIV столетии Полоцк являлся столицей крупного самостоятельного княжества, а в XV веке на несколько лет оказался центром мощного, хотя и эфемерного политического образования Великое княжество Русское.

Как заметила А. Л. Хорошкевич, вся Ливонская война велась "...под лозунгом овладения наследием, якобы оставленным Августом-кесарем своему далекому потомку Рюриковичу". Иван IV считал Ливонию и, тем более, западнорусские земли своим по праву владением, грабительски отторгнутым соседями. И древняя слава Полоцка, центра важного княжения, как нельзя более привлекала царя с этой точки зрения. Кроме того, Полоцк оказался одним из центров распространения Реформации на землях Литовской Руси. Здесь в конце 50-х — начале 60-х годов возник Кальвинистский собор, разогнанный после прихода московских войск. Здесь же проповедничал русский еретик-феодосианин Фома, ставший протестантом. Рассадник ереси — а именно так воспринимали в Москве XVI столетия любые виды протестантизма — у самых русских границ вызывал озабоченность у Церкви и государства.

Трудно выбрать пункт, более подходящий для генерального наступления!

Подготовка к походу началась как минимум в сентябре 1562 года. По своему масштабу это военное мероприятие было грандиозным. Оно едва ли уступало Казанскому взятию 1552 года и требовало тщательной организации. Поздней осенью отдельные отряды двинулись к месту общего сбора из 18 населенных пунктов: Москвы, Калуги, Можайска, Ярославца, Кременска, Вереи, Вышгорода, Боровска, Рузы, Звенигорода, Волока, Погорелого Городища, Зубцова, Ржева, Холма, Молвятиц, Пскова и Вязьмы. Боевое ядро полевого соединения составляло порядка 60 тысяч воинов (дворянское ополчение, стрельцы, пушкари, казаки, служилые татары, черкасы, мордва). К ним добавилась многочисленная посоха: по разным подсчетам, от 30 до 81 тысячи человек. Артиллерия ("наряд") насчитывала более полутора сотен орудий разных типов.

Вообще этот род войск был предметом особых забот царя Ивана IV. На пушки не жалели средств; пушкарей натаскивали, устраивая учебные стрельбы. Один английский дипломат оставил рассказ об искусных действиях русских артиллеристов, разбивавших во время подобных учений фигуры изо льда. Теперь вместе русскими войсками отправились в поход итальянские военные инженеры.

В назначенный день 5 января 1563 года рать собралась в Великих Луках и стояла там четверо суток. Удивительно, насколько отлаженной была боевая машина Московского государства в первые годы Ливонской войны! В организационном смысле она представляла собой настоящее совершенство. Историк Р. Ю. Виппер в восхищении пишет: "В механизме военной монархии все колеса, рычаги и приводы действовали точно и отчетливо, оправдывали намерения организаторов..." На первом этапе похода Ивану Васильевичу удалось сконцентрировать в приграничной области колоссальные силы. Как свидетельствуют источники, для польско-литовского командования это стало неприятной неожиданностью.

Тридцатого января 1563 года армия московского государя подошла к Полоцку, а на следующий день началась расстановка полков.

Городской гарнизон составлял, видимо, одну-две тысячи бойцов, но они располагали мощным артиллерийским арсеналом. Особую стойкость придавал обороне отряд поляков, настроенных защищаться до последней крайности. К тому же Полоцк славился своими укреплениями. Взятие города представляло собой трудную задачу.

С первого же дня осады московские ратники обстреливали противника из пищалей и легких пушек. Стрелецкий отряд приступом захватил одну из башен, но впоследствии то ли получил приказ отступить, то ли был отброшен контрударом — летопись не дает ясности. Через неделю под город прибыли тяжелые осадные орудия. Их залпы произвели на полоцкие стены и башни сокрушительное воздействие. Один из очевидцев осады впоследствии с ужасом рассказывал:

гром от московский пушек стоял такой, будто небо и земля обрушились на город. Летопись рассказывает: "...якоже от многого пушечного и пищального стреляния земле дрогати и в царевых великого князя полкех, бе бо ядра у больших пушек по двадцати пуд, а у иных пушек немногим того легче..." Сила артиллерийского удара увеличивалась благодаря малой дистанции от орудийных жерл до цели, поскольку полоцкий воевода Станислав Довойна подпустил московский наряд под самые стены. Случилось это так: с первого дня осады русские полки занялись интенсивными инженерными работами — они сооружали деревянные щиты и туры (передвижные деревянные каркасы, заполненные мешками с песком). Эти самые туры постепенно пододвигались к стенам, а под их прикрытием шла пехота и подтягивался "наряд". Довойна попытался отвлечь внимание московского командования переговорами, надеясь, по всей видимости, на помощь деблокирующего корпуса, собранного Николаем Радзивиллом. Но вышло только хуже для него самого: пока представители обеих сторон пытались прийти к соглашению, взаимный огонь не велся… и русские беспрепятственно подтаскивали туры. Когда переговоры сорвались, туры уже стояли у самых стен. Таким образом, осадные орудия били по городу в упор.

Стены полоцкого посада перестали быть преградой для русских войск. Гарнизон нес серьезные потери. В результате воевода велел посад сжечь, а гарнизону отойти в Верхний замок — городскую цитадель. Задержавшиеся поляки были, по образному выражению летописи, "вбиты" в замок атакой русских отрядов князей Дмитрия Хворостина и Дмитрия Овчинина.

Со стороны Ивана Васильевича переговоры с Довойной были двойной уловкой. Ему удалось не только придвинуть туры поближе к неприятелю, но и смутить умы полочан. В городе имелась партия доброжелателей Москвы (например, православное духовенство). В далеком 1514 году Василий III получил в свои руки Смоленск отчасти потому, что многие тамошние жители склонялись к переходу под руку Москвы, и это обстоятельство удалось с выгодой использовать. И теперь горожане, вышедшие из горящего полоцкого посада в расположение московских войск, оправдали ожидания царя. Они не могли открыть ему ворота или помочь в штурме замка, но русским воеводам были показаны секретные лесные ямы со значительным запасом продовольствия.

Осадные орудия встали на пожарище, передвинулись туда и туры. В течение 11–14 февраля московский "наряд" возобновил разрушительную работу на новых позициях. Ядра разбивали крепостные укрепления, достигая противоположной стены; защитники замка несли жестокий урон. Русские артиллеристы использовали зажигательные снаряды (то ли раскаленные ядра, то ли сосуды со специальной смесью). В замке заполыхали пожары.

Очевидно, казанский урок по части инженерного дела и артиллерии также был отлично усвоен государем…

Пушки били без перерыва на протяжении нескольких суток. Московские ядра уничтожили 20 процентов замковых стен, превратив их в подобие стариковской челюсти с выпавшими зубами. Гарнизон оказался принужден одновременно защищать крепость, чинить стены и тушить пожары. Довойна устроил отчаянную вылазку, но наши ее отбили. За всю осаду русская армия потеряла менее ста бойцов, хотя защитники и нападающие как минимум трижды вступали в рукопашный бой. Таким образом, положение обороняющихся стало безнадежным, в то время как московские полки, понеся лишь незначительные потери, готовились к решающему штурму. Его начало планировали на 15 февраля.

Но в этот день полоцкий воевода утратил твердость духа. Он сдал городское знамя и отправил епископа со священниками за ворота, чтобы те уговорили Ивана IV начать переговоры о капитуляции замка. Царь захотел вести их только с самим Довойной, и тот отправился в

русский стан, где смог выторговать лишь одно условие — жизнь. Уже после сдачи, по некоторым источникам, поляки попытались наперекор достигнутому соглашению организовать оборону. Однако и они в конце концов оставили позиции, когда царь пообещал отпустить их, беспрепятственно проведя со всем имуществом сквозь ряды московских полков. Обещание русская сторона впоследствии добросовестно выполнила.

Великий град Полоцк пал к ногам Ивана Васильевича. Вкупе с территорией была взята богатая добыча. Поселение на шестнадцать лет стало частью Московского государства. Иван IV добавил к своему титулу звание "великий князь Полоцкий". Государь оставил в крепости значительный русский гарнизон во главе с воеводами-ветеранами — князьями Петром Ивановичем Шуйским, Петром Семеновичем и Василием Семеновичем Серебряными, повелев возвести новые, более мощные укрепления. Полоцкая шляхта, а потом и мещане отправились под охраной в Москву. Впоследствии часть полоцких шляхтичей обменяли на русских пленников, другую же часть отдали за выкуп — обычная для войн того времени практика. После сдачи Полоцка, очевидно, в ходе разграбления его войсками победителя, пострадало католическое духовенство. Было также казнено несколько представителей иудейской общины, не пожелавших креститься.

Взятие Полоцка стало величайшим успехом русского оружия за всю Ливонскую войну, пиком военных достижений России на протяжении XVI века и к тому же личным триумфом Ивана IV. Лебедевская летопись, служащая основным источником по истории Полоцкого взятия, в этом месте представляет собой запись очевидца. По всей видимости, заготовку для летописного текста составил участник событий, скорее всего дворянин Михаил Безнин. Так вот, Иван Васильевич представлен здесь как абсолютно самостоятельный в своих решениях полководец, полновластный хозяин армии, к тому же смелый человек, попадавший во время Полоцкой кампании в рискованные ситуации, но не терявший присутствия духа. Со времен Казани многое изменилось…

Иван Васильевич отправил было в направлении Вильно татар — развивать успех Полоцкого взятия, однако боевые действия вскоре прекратились: литовцы запросили перемирия и получили его. Для Великого княжества Литовского падение Полоцка было как гром с ясного неба. В долгосрочной перспективе оно инициировало процесс политического сближения Польши и Литвы, закончившийся их объединением в 1569 году. А в краткосрочной — польский король Сигизмунд II Август вынужден был пойти на уступки литовско-белорусской православной шляхте, уравняв ее в правах со шляхтой католической (жалованная грамота от 7 июля 1563 года). В этом акте видно стремление сплотить все наличные силы для дальнейшей борьбы с Московским государством. Известие об успехе Ивана IV прокатилось по половине Европы, вызывая тревогу. Наоборот, в России полоцкую победу долго помнили и гордились ею. Сведения о Полоцком взятии 1563 года вошли во многие летописи, в том числе и в краткие летописцы (сборники наиболее интересных произведений).

Однако Иван IV недолго радовался своему триумфу. Уже следующий, 1564 год крепко подпортил впечатление и от Полоцка, и от всей войны, начавшейся столь удачно.

Русский корпус, двинувшийся в пределы Литовской Руси, был разбит на реке Уле (январь 1564 года). Разгром вышел ужасный, потери оказались очень велики. Среди главных воевод были князь Петр Иванович Шуйский и боярин Иван Васильевич Шереметев — опытные, заслуженные, доверенные люди. Но в этот раз они явно оплошали и покрыли свое имя позором. Сам Шуйский погиб; воевод Захария Ивановича Очина-Плещеева и князя Ивана Петровича Охлябинина литовцы пленили.

В апреле того же года сбежал в Литву князь Андрей Михайлович Курбский. Впоследствии он

участвовал как один из командиров в литовских походах против Московского государства, и первый раз это произошло всего через несколько месяцев после его побега. В том же году воевод стародубских заподозрили в сговоре с целью передать город великому князю Литовскому; дело кончилось для них казнями. Литовские войска вторгались на исконно русские территории. Осенью крымцы совершили опустошительный набег на рязанские земли.

Однако русская армия не потеряла ни способности к обороне занятых ею площадей, ни способности дальше вести активные боевые действия в поле. И другой московский экспедиционный корпус достиг в ноябре успеха, хоть и незначительного: его поход против литовцев закончился взятием Озерища. Однако впечатление от предыдущих бед, особенно от страшной резни на Уле, было ошеломляющим. К тому же потери в людях вряд ли позволяли теперь собирать столь же мощные соединения, как во время полоцкого похода. А наступление на Минск, Новогрудок, Ревель и уж тем более на Вильно требовало очень значительных сил…

Конфликт между царем и служилой аристократией, очевидно, нарастает, до взрыва уже недалеко. В том же злополучном 1564-м гибнут либо по повелению, либо непосредственно от рук царя князья Михаил Петрович Репнин, Юрий Иванович Кашин и Дмитрий Федорович Оболенский-Овчинин. Первый и второй из них — участники нескольких удачных кампаний, опытные воеводы.

В декабре Иван Васильевич отправляется к Троице, а затем к Александровской слободе, — поход, закончившийся учреждением опричнины.

Трудно отделаться от впечатления, что именно военные неудачи, особенно после успеха, достигнутого русскими полками под командой самого царя, привели Ивана Васильевича к мысли о необходимости этого странного формирования.

Последние полстолетия причину появления опричнины ищут в социально-экономической и социально-политической сферах. Но по всей вероятности, преобладающим фактором был все-таки сбой военной машины Московского государства, заставивший царя почувствовать всю шаткость своего положения. Со времен казанских походов Иван IV находился в состоянии вынужденного компромисса со служилой аристократией, поставлявшей основные кадры командного состава и значительную часть войск. Несколько десятков человек являлись ядром начальствующего звена русской армии с середины 40-х по середину 60-х годов XVI столетия. Заменить их было некем, поскольку иного сословия, по организационному и тактическому опыту равного служилой аристократии, просто не существовало. Иван Васильевич не жаловал высшую знать, особенно гордых княжат, и отлично помнил те времена, когда высокородные кланы фактически правила страной через голову юного, "игрушечного" монарха. Но обойтись без них он никак не мог. Аристократические семейства, в свою очередь, не симпатизировали растущему самовластию царя, но отнюдь не планировали изменить государственный строй России. Таким образом, обе стороны соблюдали "худой мир". Он продержался до тех пор, пока не перестал удовлетворять и царя, и княжат. Аристократическая верхушка, не вынеся давления центральной власти, принялась "перетекать" в стан противника. Но это полбеды: московская знать и раньше регулярно бегала от царской опалы на литовский рубеж; некоторые ее представители даже успели повоевать на стороне врага, как, например, было с князем Семеном Федоровичем Бельским и окольничим Иваном Васильевичем Ляцким, ушедшими из московских пределов в 1534 году. Попытки перехода — как удачные, так и неудачные — стали привычным делом и вряд ли могли привести к катастрофическим последствиям, хотя при Иване IV бегать стали чаще, чем при Василии III или при Елене Елинской. Хуже другое: аристократия перестала быть надежным орудием решения военных задач. Невель, Ула и разор рязанских земель показали: высшее командование не справляется со своими обязанностями, оно не эффективно. Следовательно, для продолжения войны требуются перемены.

Московское государство с 1492 года без конца сражалось с литовцами, а непримиримую, страшную войну с татарами и вовсе унаследовало от далеких предков. Игры с перераспределением земельной собственности и изменениями в структуре высшей политической власти не должны заслонять простого факта: зазевайся воеводы, годовавшие на "берегу", прояви они недостаток боевого духа — и всему русскому расцвету можно было бы заказывать гроб да могильную плиту. В XVI столетии наша цивилизация во всем ее великолепии висела на волоске, и порой этот волосок истончался почти до невидимости, а пару раз не порвался только благодаря великой любви Господней к многострадальной русской земле… Следовательно, вялая верхушка военно-служилого сословия не нужна была никому. Слабость выглядела хуже измены и опаснее самовольства.

Собственно, военный или — шире — внешнеполитический фактор считали главным изо всех, которые повлияли на учреждение опричнины, разные историки. Данная точка зрения не является чем-то абсолютно новым. Высказывались в этом смысле Р. Ю. Виппер, К. В. Базилевич, И. И. Полосин, П. А. Садиков и (более сдержанно) А. Л. Хорошкевич; имелись идеи в подобном ключе и у Р. Г. Скрынникова. Виппер, в частности, писал: "Опричнина отражает взгляд на служилое сословие, в силу которого оно должно явиться вполне послушным орудием центра; порядки, заведенные с 1564 года, составляют верх напряжения военно-монархического устройства… То обстоятельство, что реформа совершалась во время трудной войны, что она осложнялась столкновением с княжатами… придало ей характер судорожно-резкий. Но не в террористических мерах Грозного заключалась сущность перемен. Работая над введением нового военного строя, реформатор не имел покоя и простора. Преобразование было задумано как орудие для устранения опасных людей и для использования бездеятельных в интересах государства, а сопротивление недовольных превращало самое реформу в боевое средство для их уничтожения, и вследствие этого преобразование становилось внутренней войной".

Чем была опричнина в отношении армии? Ведь именно военные причины заставили царя вести ее и, следовательно, в этой сфере следовало ожидать значительных изменений.

Так и было. Прежде всего произошел "перебор" основного состава высших воевод. Показательна расстановка на воеводские должности в действующей полевой армии. Беглый князь Андрей Михайлович Курбский в "Истории о великом князе Московском" писал: "Убиты им [Иваном IV] многие стратеги или командиры, люди храбрые и искусные в военном деле…" В первом послании к Ивану Васильевичу он вопрошает: "Зачем, царь, сильных во Израиле истребил, и воевод, дарованных тебе Богом для борьбы с врагами, различным казням предал, и святую кровь их победоносную в церквах Божьих пролил… Не они ли разгромили прегордые царства и обратили их в покорные тебе во всем, а у них же прежде в рабстве были предки наши? Не отданы ли тебе Богом крепости немецкие благодаря мудрости их? За это ли нам, несчастным, воздал, истребляя нас и со всеми близкими нашими?" В третьем послании та же тема выражена предельно ясно и концентрированно: "Лютость твоей власти погубила… многих воевод и полководцев, благородных и знатных, и прославленных делами и мудростью, с молодых ногтей искушенных в военном деле и в руководстве войсками, и всем ведомых мужей — все, что есть лучшее и надежнейшее в битвах для победы над врагами, ты предал различным казням и целыми семьями погубил без суда и без повода… И, погрязнув в подобных злодеяниях и кровопролитии, посылаешь на чужие стены и под стены чужих крепостей великую армию христианскую без опытных и всем ведомых полководцев, не имеющую к тому же мудрого и храброго предводителя или гетмана великого, что бывает для войска особенно губительно и мору подобно, то есть, короче говоря, — без людей идешь, с овцами и с зайцами, не имеющими доброго пастыря и страшащимися даже гонимого ветром листика, как и в прежнем послании я писал тебе о каликах твоих, которых ты бесстыдно пытаешься превратить в воеводишек взамен тех храбрых и достойных мужей, которые истреблены и изгнаны тобою". Таким образом,

опальный князь обвиняет царя в том, что тот, уничтожив командирский корпус, фактически лишил армию лучших воевод.

А значит, остается добавить, и боеспособности.

Следует проанализировать, кого понимает Курбский под именем "храбрых и достойных мужей", а кого воспринимает как бездарных в военном отношении бродяг. А поняв это, проверить, таково ли было на самом деле положение командного состава грозненской армии. Если же все было именно так, придется заняться проверкой иного рода: действительно ли худородные "калики" проявили неспособность к военным делам, или им удавалось справляться с обязанностями аристократической верхушки, не роняя боеспособности войск.

Что касается первого вопроса, то ответ на него не вызывает особых проблем. Сам же Андрей Михайлович поместил в "Истории о великом князе Московском" список казненных аристократов, отметив, в частности, кто из них славился как талантливый полководец или хотя бы имел опыт и авторитет в военном деле. Список этот и не полон, и не вполне достоверен. После его проверки и добавления данных из летописей и разрядов автору этих строк удалось составить итоговый перечень служилых аристократов, входивших в костяк военного руководства и пострадавших от террора.

Вот этот реестр:

Алексей Федорович Адашев (сведения о его смерти противоречивы; был под арестом и в опале, но казни не подвергся)

Данила Федорович Адашев

Алексей Данилович Басманов

Никита Васильевич Борисов-Бороздин

князь Петр Андреевич Булгаков-Куракин

Василий Андреевич Бутурлин

князь Михаил Иванович Воротынский

князь Иосиф (Осип) Федорович Гвоздев-Приимков (или Гвоздев-Ростовский)

Михаил Петрович Головин

Петр Петрович Головин

князь Александр Борисович Горбатый-Суздальский

князь Петр Иванович Горенский

Василий Дмитриевич Данилов

князь Семен Иванович Засекин-Баташев

Михаил Андреевич Карпов

Федор Андреевич Карпов

князь Андрей Иванович Катырев-Ростовский

князь Юрий Иванович Кашин

князь Дмитрий Андреевич Куракин

князь Владимир Константинович Курлятев

князь Михаил Матвеевич Лыков

Иван Михайлович Морозов

Михаил Яковлевич Морозов

князь Никита Васильевич Оболенский

князь Петр Семенович Оболенский-Серебряный

князь Никита Романович Одоевский

Захарий Иванович Очин-Плещеев

князь Дмитрий Федорович Палецкий (?)

князь Иван Иванович Турунтай Пронский

Василий Васильевич Разладин-Квашнин

князь Василий Волк Васильевич Ростовский

Тимофей Замятия Иванович Сабуров

Григорий Степанович Сидоров

князь Федор Васильевич Сисеев

князь Василий Иванович Темкин-Ростовский

князь Федор Иванович Троекуров

Василий Иванович Умной-Колычев

Иван Петрович Федоров-Челяднин

князь Дмитрий Иванович Хилков (?)

князь Михаил Темрюкович (или Темгрюкович) Черкасский

Данила Григорьевич Чулков-Ивашкин

Дмитрий Ильич Шафериков-Пушкин

Андрей Иванович Шеин

князь Петр Михайлович Щенятев

Иван Васильевич Шереметев-Большой

Петр Иванович Яковлев

Семен Васильевич Яковля (Яковлев)

князь Александр Иванович Ярославов

Всего, таким образом, около пяти десятков с конца 50-х годов по вторую половину 70-х годов XVI столетия. Много это или мало? Если учесть, что в середине XVI века на воеводские должности в полках действующей армии и крупных городах могли претендовать человек сто, от силы сто пятьдесят, то получится, что из высшего эшелона русского командования выбыла как минимум треть. Катастрофический результат!

По большей части в список попали служилые аристократы — "худородных" тут крайне мало, зато персон, принадлежащих к высшей знати, предостаточно. Высок процент видных представителей нетитулованной знати — старинных боярских родов, особенно московских. То крепкое боярство, на которое опирались когда-то московские Даниловичи, как на самый надежный резерв, при государе Иване Васильевиче потеряло лучших командиров и в конечном счете получило самый страшный удар. Причем во всех сословиях выбыли главным образом талантливые, искусные, удачливые полководцы.

Но гибель "генералитета" — еще полбеды. Реставрированные Скрынниковым синодики показывают: счет ведется на тысячи жертв. Из них большую часть занимают служилые люди по отечеству, гибнувшие под секирой террора вместе с семьями и слугами. Они не принадлежат к боярско-княжеской аристократии, это в основном дети боярские московские, выборные и городовые — от очень заметных родов до совершенно неизвестных. Трудно установить, сколько именно и по какому "делу" было их казнено. Однако масштаб ущерба, нанесенного военно-служилому сословию в целом, весьма велик. В 1563 году под Полоцком Иван IV располагал корпусом дворянской конницы численностью в 18 тысяч бойцов (к самим дворянам добавляют, как правило, такое же количество вооруженных холопов) — для XVI столетия это высший предел. Больше, теоретически, могло выйти только в казанский поход 1552 года, но не сохранилось документов, способных пролить свет на этот вопрос. В ливонских кампаниях 70-х годов царю удавалось собрать примерно в два раза меньше помещиков-кавалеристов. Конечно, многих из них повыбило на войне. Кое-кто скрывался от службы "в нетях". Но видимо, и террор сказал веское слово: урон, понесенный от него дворянской конницей — основой русской армии того времени, — был таков, как если бы основные силы Московского государства подверглись разгрому в генеральном сражении.

С кем же Иван Васильевич остался? Каких московских военачальников князь Курбский презрительно именует "каликами"? Хороши ли они в деле? Много ли у государя осталось незаменимой и верной поместной конницы? Тот же Скрынников считает, что к 1577 году у Ивана IV "...не оказалось способных воевод, которые могли бы овладеть опорными крепостями Ригой и Таллином".

Между тем сам Иван Грозный более оптимистично смотрел на этот вопрос. Полемизируя с Курбским, писавшим об истреблении "сильных во Израиле", он демонстрирует уверенность и в своей правоте, и в работоспособном состоянии командирского корпуса: "Сильных во Израиле мы не убивали, и не знаю я, кто это сильнейший во Израиле, потому что Русская земля держится Божьим милосердием, и милостью Пречистой Богородицы, и молитвами всех святых, и благословением наших родителей, и, наконец, нами, своими государями, а не судьями и воеводами, а тем более не платами и стратигами. Не предавали мы своих воевод различным

смертям, а с Божьей помощью мы имеем у себя много воевод и помимо вас, изменников. А жаловать своих холопов мы всегда были вольны, вольны были и казнить".

И в годы опричнины, и после ее отмены московская армия регулярно совершала крупные операции — главным образом наступательные на западе и северо-западе, а также оборонительные на юге. Всякий раз с началом новой операции требовалось назначить с десяток воевод в полки. Их, разумеется, назначали: имена этих людей дошли до нас благодаря разрядным книгам, а также источникам иностранного происхождения (царское летописание прервалось на 1567 годе). И если анализировать их социальный состав, то выяснится, что в подавляющем большинстве случаев они были… все теми же служилыми аристократами. Провинциальных дворян в командирский корпус добавилось совсем немного; дворян московских — тоже не столь уж большое количество.

Художественная литература многим привила неадекватное восприятие военной стороны опричнины: царь будто бы дал возможность представителям низшей ступени в иерархии военно-служилого класса проявить себя на воеводских должностях! Энергичные дворяне будто бы заменили в полках "ленивых богатин", жирных бояр! Да ничего подобного. Правда состоит в том, что русское армейское командование в опричные и постопричные годы стало всего лишь… *несколько менее аристократичным* — за счет включения в него ряда родов второстепенной знати.

Кто возглавлял армии в главных походах, а также оборонительных операциях на юге в 1565–1584 годах — от воздвижения опричнины до кончины царя? Если не считать представителей "старой гвардии", вроде князей Михаила Ивановича Воротынского или Ивана Дмитриевича Бельского, сгинувших в начале обозреваемого периода, то в 60-х — начале 70-х годов — князь Иван Андреевич Шуйский, в 70-х — князья Иван Юрьевич и Василий Юрьевич Голицыны, на рубеже 70-х и 80-х — князь Михаил Петрович Катырев-Ростовский, а также князь Иван Федорович Мстиславский, единственный ветеран из "старой гвардии", уцелевший после всех опричных и постопричных репрессий, хотя неприятности были и у него. Последний в 80-х передает "вахту" сыну, Федору Ивановичу Мстиславскому. И если отец был исключительно опытен, сражался на высоких воеводских должностях еще со времен последней казанской войны, неплохо проявил себя в 1552 году, взял Феллин в 1560-м, то сын, по общему мнению, военных талантов был лишен. В самом конце набирают высоту князья Семен Данилович Пронский и Тимофей Романович Трубецкой (этот еще послужит и государю Федору Ивановичу, и Борису Годунову).

Помимо перечисленных, на службе у царя оставалось несколько выдающихся, талантливых военачальников, не занимавших, однако, первенствующего положения в полевых армиях: князь Дмитрий Иванович Хворостинин, Иван Васильевич Шереметев-Меньшой, князь Иван Петрович Шуйский.

Есть ли среди них хотя бы один "калика"? Иными словами, хотя бы один ничтожный — по сравнению с любым служилым аристократом — городовой сын боярский? Или хотя бы выборный сын боярский? Или хотя бы один дворянин, служащий по московскому списку, но не принадлежащий к знаменитой древностью рода знати? Ничуть не бывало. Все те же аристократические "сливки". Удалось ли "худородным" отметиться хотя бы раз среди "больших воевод", то есть пробиться не в постоянные командующие, а хотя бы в полководцы на одну кампанию? Случай именно один-единственный за все 20 лет: Никифор Павлович Чепчугов в 1582 году ходил во главе маленькой рати из двух полков из Казани на Каму, Начинал он из стрелецких голов и долго выслуживал высокие воеводские должности; был, видимо, по-настоящему талантливым военачальником, к тому же сумел возвыситься с помощью удачной матримониальной комбинации. Его почетное воеводство никак не связано с опричниной:

назначение произошло через 10 лет после ее отмены.

Правда, на воеводские должности, рангом стоящие ниже "больших воевод", попадали опричники с тех самых "придонных" уровней служилой старомосковской иерархии. В основном они "годовали" в порубежных крепостях и ходили в походы вторыми или третьими полковыми воеводами. Среди них следует назвать прежде всего Михаила Андреевича Безнина, Малюту Лукьяновича Скуратова-Бельского, Романа Васильевича Алферьева, Константина Дмитриевича Поливанова. Григория Осиповича Полева, Петра Васильевича Зайцева, Ивана Боушева, Игнатия Борисовича Блудова. Ивана Ивановича Мятлева. Ивана Ивановича Бухарина, Афанасия Новокшенова. Но их немного, да и карьера их складывалась довольно своеобразно. В конце опричного периода гвардия Ивана Грозного и земские войска действовали вместе. На закате опричнины туда записали многих родовитых аристократов, потеснивших худородных "воинников" первых лет. — таким образом, у "молодых волков" уже возникли сложности. А после "закрытия" опричнины бывшим ее командирам пришлось строить довольно сложные отношения с прежними земскими воеводами, в большинстве случаев заведомо превосходившими их по знатности. Некоторых из предыдущих выдвиженцев Ивана Грозного мы встречаем в роли уже не воевод, а всего-навсего стрелецких голов... От начальной опричной генерации сохранили высокое служебное положение главным образом самые дельные и толковые люди (например, Михаил Андреевич Безнин и Роман Васильевич Алферьев). Их в итоге оказалось совсем мало. Благодаря покровительству Ивана IV они счастливо дослужили до царствования государя Федора Ивановича, но затем их статус был резко понижен.

Период, когда существовала самостоятельная опричная армия, довольно краток — всего несколько лет. И появление когорты опричных воевод из низов военнослужилого класса — тоже явление единичное. Государи московские и прежде опричнины, и после нее приближали к себе "худородных" фаворитов. Иван IV в годы опричнины попытался сделать из этого систему, несколько лет экспериментировал, а потом отказался от нее, оставив за собой право на сохранение *некоторых элементов* радикальной опричной схемы.

Собственно, демонтаж ее начался за два года до официальной отмены, еще в 1570 году, когда государь наложил опалу на видных опричников "первого призыва": Басмановых, Плещеевых, Вяземских. Вместо казненных, отправленных в тюрьмы и разжалованных деятелей старой формации государь Иван Васильевич срочно набирает в опричную думу и в опричное военное командование высшую знать. А после поражения от крымцев Девлет-Гирея в мае 1571 года опричнина более не формирует самостоятельных полевых соединений. Доверие к ней утрачено.

Причины здесь надо искать опять-таки в военной сфере.

Опричное войско представляло собой ударные отряды из поместной конницы, одновременно служившей для охраны государевой особы и для участия в обычных боевых действиях. Нет сведений, что на уровне тактики, вооружения и походного снаряжения опричная армия сколько-нибудь отличалась от земской. Но она *управлялась по-другому*, и в этом все дело.

Русская военная система, унаследованная государем Иваном IV от своего отца, Василия III, и деда, Ивана III, была исключительно сложна. Удельные князья со своими боярами и собственными армиями. Князья, сохранившие огромные вотчины в княжествах, где их предки были полновластными хозяевами, и обладающие на этих территориях значительными судебно-административными привилегиями. Князья — крупные землевладельцы. Князья — рядовые помещики. Князья — рвань, князья — нищета, однако же способные носить оружие и ищущие карьеры при царском дворе. Князья, давным-давно попавшие на службу московским государям.

Князья, выехавшие к Москве совсем недавно. Бояре из родов, служивших еще Даниилу Московскому или Ивану Калите. Бояре из семей, подчинявшихся совсем другим князьям, в том числе прямым противникам Московского княжеского дома в политической борьбе. Захудалые происхождением и богатством бояре, способные исправить личный служилый статус и положение рода только в Москве, на "дворовой" службе. Знатные в провинции дети боярские "по выбору", они же — никто или почти никто в Москве. И — самое дно, городовые дети боярские… При Василии III все это варево еще кипело и булькало, не застыв, не оформившись до конца. Иногда градус повышали выезды к Москве настоящих магнатов, например того же князя Михаила Львовича Глинского…

Многие из воинов армии еще помнили эпоху неограниченного владычества отцов и дедов на землях, впоследствии подчинившихся Москве. Некоторые (те же Воротынские, например) продолжали чувствовать себя хозяевами таковых. Привести эту гордую, своевольную, хорошо вооруженную массу к повиновению, заставить ее "честно и грозно" служить великому князю Московскому было непростым делом. Иван III виртуозно балансировал, учитывая интересы различных аристократических группировок: то жаловал, то налагал опалу, но в целом на казни был скуп. Мощь Москвы многих привлекала. Блистательный политик, Иван III умел сделать так, чтобы могущественные княжеские семейства бежали к нему, а не от него. В его времена московская армия, поразительно пестрая по своему составу, управляемая, на первый взгляд, хаотично, добилась, тем не менее, грандиозных успехов. Василий III действовал попроще, для него более свойственно было применять силу. Переезды при нем шли в обе стороны.

Но при Василии III уже во всю действовала социальная машина местничества. Автор этих строк полагает, что первому государю, позволившему работать местническому механизму, надо бы поставить памятник. Эта мудрая система иной раз, конечно, выходила во время боевых действий боком, зато она сглаживала противоречия внутри правящего класса и позволяла находить компромиссные пути выхода из конфликтов между отдельными аристократическими группами. А компромиссные — значит прежде всего мирные. Орава воинственной, пассионарной знати, оказавшейся в распоряжении великого князя Московского, могла ведь и передраться, как это бывало, например, в Польше и Литве… А могла стать сокрушительным орудием завоеваний. Полки, состоящие из выносливых, агрессивных, спаянных единой верой служилых людей, пугали соседей России. Тем более во времена, когда страна была на подъеме и территория ее стремительно увеличивалась.

Так вот, русская военная система второй половины XV — середины XVI века напоминает мощный гоночный автомобиль со сверхсложной приборной доской. Умея управляться со всеми этими нагромождениями, можно было выжать из машины невиданную скорость и маневренность (Иван III). Заблокировав кое-какие возможности и научившись жесткому вождению в стиле "только наверняка" — преодолевать довольно сложные трассы (Василий III). Но если выпустить руль из рук, машина начнет взбрыкивать, как норовистый конь (регентство Елены Глинской). Еще того хуже — перестать вмешиваться в ее работу. Едет сама, ну и едет… Так было, в силу сложившихся обстоятельств, на протяжении детских лет Ивана Грозного. Тогда автомобиль, во-первых, постарался свернуть туда, куда хотелось ему самому, а не шоферу, и, во-вторых, попробовал произвести апгрейд своего водителя.

Детские ужасы Ивана Васильевича — вовсе не плод подростковой фантазии и не признак паранойи. Мальчик ехал во взбесившемся автомобиле: тот вез его прямо в логово страшных татар, заботился о водителе очень умеренно и, когда шофер протягивал руки к рулю, старался не дать ему власти над собой…

А испытывалось на прочность не стальное хладнокровие Ивана III, а нервная, артистическая натура его внука. Иван Васильевич знал, что у матери и особенно у отца получалось привести

служилую аристократию к несравненно большей покорности, чем удавалось ему самому — до поры до времени. Понимал, что такое положение вещей для страны неестественно. Боялся влететь на сбрендившей машине в большую аварию. Но как управлять доставшимся по наследству военнослужилым классом, не знал. Просто научить было некому…

Между тем татарская опасность нависала над Московским государством постоянно. Войны с Казанью вовсе не были своего рода футбольным матчем, где одна команда заведомо сильнее другой и игра идет в одни ворота. Сцепились два молодых хищника; обе стороны получали глубокие, исходящие кровью раны. А сражения на западе затихли только по одной причине: московское правительство поспешило зафиксировать результаты неудачной для России Стародубской войны. В результате обе стороны — и Москва, и Литва — остались неудовлетворенными. Таким образом, и здесь граница всегда могла трансформироваться в линию фронта. Требовалось как-то обрести контроль над ситуацией.

Хорошо же, если с этой системой справиться трудно, — мог рассуждать молодой Иван Васильевич, — не заменить ли ее на другую, более простую? А значит, и более управляемую. Вместо поисков баланса интересов, лавирования, четкого выбора, в какой момент и в каком направлении стоит использовать всю мощь военной машины, следует прежде всего установить другую… "приборную панель". Попроще. Новая система должна основываться на двухчастном принципе администрирования: отдать приказ — получить отчет о выполнении. Тогда можно не ломать голову о том, кто и как отнесется к тому или иному заданию, кого задуманный план заденет, а кто охотно его поддержит, не выстраивать из года в год "домены" союзного большинства в аристократической среде, не оставлять "деталям" машины некоторую самостоятельность, а просто — приказать и выслушать потом отчет о выполнении. Пусть будут почти неодушевленные "винтики", лишь бы система упростилась до того, чтобы ею мог управлять даже полный идиот в состоянии расслабленности. Как бы это осуществить? И можно ли в принципе сделать это, не сокрушив прежнюю, традиционную систему?

Сначала государь Иван Васильевич идет путем компромисса. Во время последней войны с Казанью он учреждает стрелецкое войско, абсолютно не зависимое от служилой аристократии и призванное прежде всего охранять царскую особу. Судя по многочисленным известиям иностранцев (Ф. Тьеполо, Дж. Горсей, Г. Штаден), государь постоянно нанимал на службу выходцев из Европы — в качестве солдат, артиллеристов, младших командиров, военных инженеров и инструкторов. Русские источники подтверждают участие целых отрядов иностранных наемников в боевых действиях. На западном фронте Иван Грозный постоянно использовал служилых татар. Все это были силы, которыми принципиально легче управлять, нежели дворянским ополчением. Однако последнее являлось ядром вооруженных сил, да и самой боеспособной их частью…

Удается государю также чуть-чуть ограничить местничество, приведя его в какую-то систему указом 1550 года о старшинстве воевод в полках. Но именно ограничить, дисциплинировать, а вовсе не отменить: ни Иван IV, ни его ближайшие преемники не пытались ликвидировать местничество.

Иван Семенович Пересветов, русский публицист конца 40-х годов XVI столетия и, по словам А. А. Зимина, "горячий защитник прав и прерогатив "воинников"-дворян", советует царю поставить на дворян и стрельцов, как на ядро армии, а также по возможности возвышать наиболее мужественных из них до командных должностей. Государь пытается обеспечить поместьями "избранную тысячу" дворян, способных стать основой для нового, легко управляемого войска. Ученые спорят о том, удалось ли решить эту задачу в полной мере, но, во всяком случае, хотя бы часть "тысячников" землю получила. В "избранной тысяче" уже виден прообраз опричнины: ведь и та начнется с назначения "…князей и дворян, и детей боярских

дворовых и городовых, 1000 голов", то есть формирования нового командирского корпуса. Хорошо было бы заменить капризных и самолюбивых княжат на небогатых дворян, кушающих у государя с рук! Или хотя бы на выходцев из старинных боярских родов, веками служивших московским правителям, а в середине XVI столетия претерпевших немалое утеснение от тех же княжат. Управляемость войсками, надо полагать, резко повысится…

Выйдя живым и невредимым из кампании 1552 года, Иван Васильевич понимает: обойти, обмануть старую систему не удастся. Можно либо смириться с нею, либо пытаться давить на нее, либо разрушить ее совсем и на этом месте построить новую… Внук Ивана III никогда не пытался действовать в духе великого деда; сама манера балансирования и тонких манипуляций противна была его характеру.

В результате государь довольно долго пытается действовать методами Василия III, оказывая давление на служилую аристократию. Та в ответ затевает бесчисленные побеги. Жесткий режим ее не устраивает. Но не устраивает он и царя: по всей видимости, он боится, что руль опять вырвется из его рук. Полоцкая победа и весь 1563 год вроде бы примиряют Ивана IV с общим положением дел. Однако следующий год, 1564-й, с его поражениями, изменами, а значит, яркой демонстрацией слабостей военной машины вызывает у государя нервный срыв.

И тогда он наконец начинает свой "исторический эксперимент": вырывает из страны и военно-служилого сословия фрагмент, чтобы в рамках этого фрагмента создать более простую, более управляемую и в конечном итоге более эффективную систему. Набирает для нее людей, не имеющих столь высокого социального статуса, как величайшие семейства княжат, а значит по идее в большей степени зависимых от престола. Наделяет себя неограниченной властью над этим войском, а само войско — неограниченной властью над страной.

Система действительно оказалась намного проще предыдущей, сохраненной в земщине. Да и более управляемой, хотя и не настолько, как рассчитывал Иван IV. Но только — вот беда! — эффективность ее оказалась невелика. За опричными боевыми формированиями числится только одна самостоятельная, вне взаимодействия с земскими войсками, победа над неприятелем: в 1570 году великий полководец князь Дмитрий Иванович Хворостинин разгромил крымцев под Зарайском. Добавить нечего. Опричное войско годилось для охранных целей и было незаменимым инструментом репрессий. Но даже в период борьбы с земскими заговорами, даже во время грабительского похода на Новгород и Псков 1570 года опричники покидали царя, предпочитая кровавой, страшной, но все же службе личное обогащение. В записках немца-опричника Генриха Штадена есть очень характерное место: царь после этого похода делает в Старице смотр опричному войску, желая знать, "*…кто остается при нем* и крепко его держится". И мемуары Штадена и записки других иностранцев о том времени изобилуют свидетельствами многочисленных злоупотреблений опричных должностных лиц, не меньше заботившихся о собственном обогащении, чем старая, аристократическая администрация, но более "голодных", а значит, менее сдержанных в методах и масштабах вымогательств, взяточничества, открытого грабежа. При этом они еще и осмеливались оставлять Ивана IV в его походах…

Но это, так сказать, цветочки.

Ягодки подкинула очередная военная кампания в Ливонии. Летом 1570 года русское войско, усиленное отрядами ливонского короля Магнуса, союзника Ивана IV, осадило Таллин (Ревель). В распоряжении воевод были отличная артиллерия и значительные по численности полки. Однако и город оказывал упорное сопротивление. Через два месяца после начала осады из России подошло подкрепление — опричный корпус. Его присутствие в осаждающей армии дало эффект, прямо противоположный ожидавшемуся. В хронике таллинского пастора

Бальтазара Рюссова, в частности, сообщается: "Этот отряд гораздо ужаснее и сильнее свирепствовал, чем предыдущие, убивая, грабя и сжигая. Они бесчеловечно умертвили много дворян и простого народу". В итоге решимость защитников города лишь возросла, а мирные переговоры с ними потеряли всякий смысл. Проведя всю зиму под стенами неприступной крепости, русские полки в марте 1571 года вынуждены были отступить.

Воеводы, виновные в срыве ревельской операции, под арестом отправились в Москву.

Тогда же немец-опричник Таубе попытался поднять мятеж в Юрьеве-Ливонском.

Еще хуже складывались дела на южном фронте. Во второй половине 1560-х годов опричные полки не раз выходили на юг "по крымским вестям": напряженность в отношениях с Крымом не убывала. Но в боевых действиях царские гвардейцы принимали участие довольно редко. Уже осенью 1565 года опричный корпус был выдвинут под Болхов, где стоял с войсками крымский хан Девлет-Гирей. Однако тогда дело не пошло дальше авангардных стычек. Впоследствии войско опричников отправляли в Одоев, Мценск, Калугу, на Хотунь и другие поселения. В 1569 году турки совместно с крымцами и ногаями угрожали Астрахани, но взять город и разбить русских воевод не смогли. В 1570 году татары совершили несколько дерзких набегов малыми силами. Как уже говорилось, сам царь, встревоженный обстановкой на юге и уверенный в силе своей новой армии, ненадолго выезжал к Серпухову.

Гром грянул весной следующего года. Разразившаяся тогда военная катастрофа пошатнула здание опричнины. Впрочем, зашаталась и вся Россия…

Девлет-Гирей явился на южные "украины" Московского государства с большим войском и полный решимости разорить страну, а еще того лучше — погубить ее. Между тем Москва равноценных сил выставить в поле не могла: значительная часть русских войск занята была в Ливонии, да и поредели полки Ивана IV после многолетней войны на два фронта.

Более того, действия наличных сил трудно было скоординировать: командование-то делилось на опричное и земское.

С русской стороны к татарам перебегают дети боярские, напуганные размахом опричных репрессий. И один из перебежчиков показывает крымцам дорогу в обход оборонительных позиций русской армии. Другой сообщает, сколь малы силы, противостоящие хану. Девлет-Гирей переходит Оку вброд и, сбивая наши заслоны, стремительно движется к Москве. Опричным отрядам не удается затормозить его наступление.

Царь с частью опричного корпуса отступает к Москве, оттуда — к Александровой слободе, а из слободы — аж в Ростов. В ту несчастную весну все идет неудачно, все не работает, все происходит не по плану. К тому же Московское государство ослаблено: страну терзает моровое поветрие; два года засухи привели к массовому голоду. Людей, которых можно поставить в строй, катастрофически не хватает.

Иван Васильевич испытывает настоящее потрясение. В 1552 году под Казанью он боялся по милости собственных воевод попасть к неприятелю в руки. Теперь старые его страхи оживают и материализуются. Неожиданно для Ивана IV татары оказываются в непосредственной близости от его ставки. Никто не привел государю "языка". Никто не позаботился о ведении сторожевой службы. Прежде всего допустили странное легкомыслие командиры передового и сторожевого полков, на которых возлагались обязанности авангардных частей армии. Опричные воеводы проходят мимо царя с полками в растерянности, не зная, что предпринять. Иван IV опасается, как бы кто-нибудь не взял его коня под уздцы, как тогда, под Казанью, и не

привел его вместе со всадником к Девлет-Гирею. Отступление кажется государю меньшей из бед: так поступали многие князья Московского дома, застигнутые татарским набегом врасплох.

Курбский в третьем послании Ивану Грозному напишет: "…мог бы ты… вспомнить… какие язвы были Богом посланы, — говорю я о голоде и стрелах поветрия [мора), а напоследок и о мече варварском, отомстителе за поругание закона Божьего; и внезапное сожжение славного града Москвы, и опустошение всей земли Русской, и, что всего горше и позорнее, — царской души падение, и позорное бегство войск царских, прежде бывших храбрыми; некие здесь нам говорят, будто бы тогда, хоронясь от татар по лесам, с кромешниками своими, едва ты от голода не погиб!" Для Штадена тоже все понятно: "…великий князь вместе с воинскими людьми — опричниками — убежал в незащищенный город Ростов". Но в той ситуации государю, вне зависимости от того, испытывал он необоримый ужас или был способен преодолеть его, не следовало рисковать жизнью. Его гибель могла ввергнуть Московское государство в еще горшие неприятности. Другое дело опричное войско. Стоило ли значительную часть его уводить с собой, оголяя оборону Москвы, и без того скудную? Бегство *царя* в обстоятельствах 1571 года логично и понятно. Но… бегство *войска* и непонятно, и нелогично.

Английский торговый агент Джером Горсей сообщает, что вместе с царем из-под Москвы ушел и огромный стрелецкий корпус. Почему? Нет ответа. Совершенно также непонятно и то, почему Иван Васильевич не оставил для обороны столицы большую часть опричного воинства. Если бы дело заключалось в одном только страхе, если бы царь вел себя на протяжении всей жизни как патологический трус (чего не было), то и в этом случае не находит объяснений желание уйти с тысячами отлично вооруженных опричников в неукрепленный город, в то время как из-под Таллина в Россию возвращалась первоклассная полевая армия. Или же сами опричники не очень-то соглашались остаться и дать бой крымскому хану? На эти вопросы нет здравых и точных ответов.

В отсутствие опричного корпуса земские воеводы попытались организовать оборону столицы. Им удалось собрать полки под Москвой незадолго до подхода Девлет-Гирея. Во главе земской рати стояли опытные и храбрые военачальники: князья Иван Дмитриевич Вельский (старший из воевод), Иван Федорович Мстиславский и Михаил Иванович Воротынский. Оставленной для защиты столицы частью опричного корпуса руководил князь Василий Иванович Темкин. Казалось, положение города небезнадежно. Вельский контратаковал татар и, видимо, добился успеха. Как сообщает летопись, князь "…выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за болото и дело с ними дела!", а по другим источникам, даже "забил" крымцев "за болото, за луг". Как видно, земская рать изготовилась драться до последнего. Вот уж воистину: "отступать некуда, позади — Москва!"

К сожалению, во время атаки на татарское войско главнокомандующий князь Бельский получил ранение. Он был отвезен на свой двор. Его отсутствие, по мнению Р. Г. Скрынникова, внесло известную дезорганизацию в действия обороняющихся.

Не сумев взять город, Девлет-Гирей велел запалить его. Он намеревался разграбить все, что не смогут защитить русские воеводы, занятые тушением пожара. Татары подожгли сначала царскую летнюю резиденцию в Коломенском, а на следующий день — московские посады. Пожар обернулся огненной бурей, настоящим бедствием. Результат превзошел все ожидания хана. Огонь стремительно и неотвратимо уничтожал город. Земские ратники оставались в Москве. Не покидая позиций, они сражались с крымцами посреди пылающих улиц. Тогда погибли боярин Михаил Иванович Вороной-Волынский и раненый князь Вельский, а также множество наших воинов. Девлет-Гирей так и не смог занять Москву. Ужаснувшись зрелищем

разбушевавшейся стихии, понеся значительные потери, татары отошли прочь, прихватив с собой трофеи и полон. К тому времени в русской столице армии уже не было — лишь несколько сотен чудом спасшихся детей боярских…

Небольшой полк Воротынского стоял на отшибе и уцелел. Князь преследовал крымцев, однако, по малолюдству своего отряда, не сумел отбить пленников. Орда ушла, по дороге разорив Рязанщину.

Невозможно без ужаса и печали читать источники, повествующие о смерти великого города в огне. Блистательная Москва, многолюдная, богатая, защищенная прочными стенами, украшенная храмами, кипящая на торгах, грозная своими полками, окруженная кольцом тихих и славных обителей, отчего ты пала? Отчего допустили к тебе врага? Отчего была ты венценосной владычицей, а стала грязной нищенкой? Отчего царь и его слуги дозволили бесчестие православной столицы? Невозможно забыть этой боли и этого позора — только Бог, наверное, в силах простить такой грех!

У нас нет надежных данных ни о населении Москвы в XVI столетии, ни о потерях, нанесенных русской столице в несчастный год Девлет-Гиреева нашествия. Но записки иностранцев, побывавших в городе тогда или несколькими годами позднее, дают общее представление о масштабах катастрофы.

Вот письмо неизвестного англичанина, ставшего свидетелем событий 1571 года: "Двенадцатого мая в день Вознесения крымский хан пришел к городу Москве с более чем 120 тысячами конных и вооруженных людей. Так как царские воеводы и воины были в других городах как охрана, а москвичи не приготовлены, то названные татары зажгли город, пригороды и оба замка. Все деревянные строения, какие там находились, были обращены в пепел, и я убежден, что Содом и Гоморра не были истреблены в столь короткое время… Утро было чрезвычайно хорошее, ясное и тихое, без ветра, но когда начался пожар, то поднялась буря с таким шумом, как будто обрушилось небо, и с такими страшными последствиями, что люди гибли в домах и на улицах… На расстоянии 20 миль в окружности погибло множество народу, бежавшего в город и замки, и пригороды, где все дома и улицы были так полны людей, что некуда было притесниться; и все они погибли от огня, за исключением некоторых воинов, сражавшихся с татарами, и немногих других, которые искали спасение через стены, к реке, где некоторые из них потонули, а другие были спасены… Большое число [людей] сгорело в погребах и церквях. Среди них, между прочим, 30 человек в погребах Английской компании… Это великое и ужасное и внезапное разрушение, постигшее москвитян, сопровождалось сильной невиданной бурей, а под конец погода снова прояснилась и стала тихой, так что люди могли ходить и видеть великое множество трупов людей и лошадей, не говоря уже о тех, которые обращены были в пепел. Молю Бога не видеть впредь подобного зрелища. В ночь после того, как собака-татарин учинил это злодейство, он бежал со всею ратью к реке Оке… В два месяца едва ли будет возможно очистить от человеческих и лошадиных трупов город, в котором остались теперь одни стены, да там и сям каменные дома, словно головки водосточной трубы…"

Генрих Штаден, современник событий, офицер опричного войска, скорее всего, оказался в сожженной Москве вскоре после отхода Девлет-Гирея. Он, в частности, пишет: "…за шесть часов выгорели начисто и город, и Кремль, и Опричный двор, и слободы. Была такая великая напасть, что никто не мог ее избегнуть!.. В живых не осталось и трехсот боеспособных людей. Колокола у храма и колокольня, на которой они висели. [упали], и все те, кто вздумал здесь укрыться, были задавлены камнями. Храм вместе с украшениями и иконами был снаружи и изнутри выжжен пламенем; колокольни также. И остались только стены, разбитые и раздробленные. Колокола, висевшие на колокольне посреди Кремля, упали на землю и некоторые разбились. Большой колокол упал и треснул. На Опричном дворе колокола упали и

врезались в землю. Также и все [другие) колокола, которые висели в городе и вне его на деревянных [звонницах] церквей и монастырей. Башни или цитадели, где лежало пороховое зелье, взорвались от пожара — с теми, кто был в погребах; в дыму задохнулось много татар, которые грабили монастыри и церкви вне Кремля, в опричнине и земщине... Одним словом, беда, постигшая тогда Москву, была такова, что ни один человек в мире не смог бы того себе и представить... Татарский хан приказал поджечь весь тот хлеб, который еще необмолоченным стоял по селам великого князя... Татарский царь Девлет-Гирей повернул обратно в Крым с сотнями тысяч (viel hundert tausent) пленников и положил в пусте у великого князя всю Рязанскую землю".

Джером Горсей, агент Московской компании англичан, прибывший в Москву в 1573 году, доносит в своих записках несколько страшных подробностей столичного разгрома: "Река и рвы вокруг Москвы были запружены наполнившими их тысячами людей, нагруженных золотом, серебром, драгоценностями, ожерельями, серьгами, браслетами и сокровищами и старавшихся спастись в воде, едва высунув поверх нее головы. Однако сгорело и утонуло так много тысяч людей, что реку нельзя было очистить от трупов в течение двенадцати последующих месяцев, несмотря на все предпринятые меры и усилия. Те, кто остался в живых, и люди из других городов и мест занимались каждый день поисками и вылавливанием на большом пространстве [реки] колец, драгоценностей, сосудов, мешочков с золотом и серебром. Многие таким путем обогатились. Улицы города, церкви, погреба и подвалы были до того забиты умершими и задохнувшимися, что долго потом ни один человек не мог пройти [мимо] из-за отравленного воздуха и смрада..."

Антонио Поссевино, папский посол, побывавший в России в 1581–1582 годах, слышал о былом величии Москвы: "Конечно, и при нынешнем государе [Иване Грозном] Москва была более благочестива и многочисленна, но в 70-м году нынешнего века она была сожжена татарами (на самом деле в 1571 году. — *Д. В.),* большая часть жителей погибла при пожаре, и все было сведено к более тесным границам. Сохранились следы более обширной территории в окружности, так что там, где было 8 или, может быть, 9 миль, теперь насчитывается уже едва 5 миль".

Расправа с видными деятелями опричнины, непосредственно виновными в московском кошмаре, произошла моментально. Как пишет Р. Г. Скрынников, "...в ближайшее время после майской катастрофы были казнены опричные бояре, подставившие монарха под удар противника и допустившие уничтожение Опричного двора в Занеглименье, — второй воевода передового полка... боярин князь Василий Темкин-Ростовский с сыном, первый воевода сторожевого полка Василий Петрович Яковлев-Захарьин, опричный кравчий Федор Салтыков". И разумеется, нашел свою смерть человек, считавшийся главным виновником поражения, — князь Михаил Темрюкович Черкасский. Между ним и царем и до того существовали неприязненные отношения. Тот же Скрынников намекает на возможность осознанной и заранее спланированной Черкасским мести за смерть жены и сына, убитых по приказу Ивана Грозного. Казнили еще нескольких влиятельных опричников, в том числе воеводу Петра Васильевича Зайцева из захудалого боярского рода. По свидетельству немцев-опричников Таубе и Крузе, вместе с Василием Петровичем Яковлевым насмерть забили палками его брата, земского боярина Ивана Петровича Яковлева, воеводствовавшего в несчастливом Таллинском походе. Обвинили было в измене крупнейшего политического деятеля земщины боярина князя Ивана Федоровича Мстиславского, но, видимо. Иван Васильевич не решился снести голову фигуре такой величины — последнему из воеводской "старой гвардии" начала царствия, столпу государства. Тем более, что Мстиславский ни от кого не бегал, а стоял за Москву вместе с покойным Бельским. Или, по мнению ряда историков, само расследование "измены" князя Мстиславского, которого демонстративно заставили признать вину, а потом быстро простили,

было своего рода инсценировкой: не одним же опричникам быть виноватыми…

Но все эти расследования не должны заслонять одного факта: за московский разгром 1571 года ответствен прежде всего сам царь. Людей не хватило для обороны? А где они, эти люди? Страна еще не запустела, и было откуда взять людей. В Ливонии главные полки? Почему они оказались в Ливонии, если вот уже несколько лет над столицей России нависает угроза с юга? Почему она вообще идет, эта война за чужие земли, если положение собственной столицы небезопасно? Воеводы оказались слабы? Но кто поставил этих воевод? Изменники провели войска крымского хана в обход русской армии? А откуда они взялись, эти изменники? Почему их так много? Из-за чего явилось в них такое рвение? Перед лицом христианской общины за тактические просчеты отвечают военачальники, но за стратегическое поражение, столь страшное, столь унизительное, — только сам государь. Ничего подобного не было со времен Дмитрия Донского, со времен Тохтамышевой рати 1382 года. Государь Василий Дмитриевич, располагавший намного меньшими силами, чем Иван Грозный, не отдал русскую столицу Едигею, подступавшему под самые ее стены. При Иване III враг даже издалека не угрожал ей. А Иван IV почему-то позволил врагам креста нанести удар в самое сердце державы…

Царь потерпел поражение, а опричная военная система не оправдала ожиданий Ивана Васильевича. Более того, она чуть не привела его к гибели. Поэтому и свернута была довольно быстро. Сначала "задвинули" выдвиженцев, не проявивших ни достаточной преданности, ни достаточного искусства в военном деле. Потом пришлось отказаться и от системы в целом. К этому подтолкнула царя вторая военная гроза на юге — события 1572 года.

Девлет-Гирея ждали и готовились к новому вторжению. Иван IV готов был поступиться Астраханью и дать хану значительные "поминки", то есть фактически дань. Однако хан, почувствовавший запах победы, требовал, помимо Астрахани, еще и Казанских земель, а в противном случае был настроен разорить все Московское государство.

Побережье Оки по приказу царя укреплялось. Весной в Коломне прошел смотр полков. Опричные и земские отряды объединялись под общим командованием нелюбимого государем Михаила Ивановича Воротынского. Опальный князь был идеальным главнокомандующим русского юга: опытный и храбрый человек, он отлично знал все особенности обороны "на берегу" и даже составил нечто вроде устава пограничной службы. Князь Воротынский отличился еще под Казанью в 1552 году, а полки начал водить и того раньше. Видимо, его назначение стало для Ивана Васильевича вынужденной мерой, зато для дела — наилучшим выбором.

У Воротынского под командой оказался сильный воеводский состав: Иван Васильевич Шереметев-Меньшой, князь Никита Романович Одоевский и особенно второй воевода в передовом полку князь Дмитрий Иванович Хворостинин. С русскими воинскими частями вышел также отряд иностранных наемников под командой Юрия Францбека. Скорее всего, Генрих Шта-ден, участник сражения, отправился в поход вместе с солдатами Францбека.

Наконец, в июле 1572 года Девлет-Гирей появился в Поочье. Армия крымского хана по разным оценкам насчитывала от 40 000 до 100 000 воинов. По мнению Р. Г. Скрынникова, русские воеводы могли противопоставить интервентам не более 30 000 бойцов, но доказательно можно говорить лишь о 20 000 с небольшим. Штаден пишет о том, что крымцы "расписали" между собой русские земли — кто чем будет владеть. Последнее вызывает сомнения: откуда бы опричнику, не принадлежавшему к "дворовой" верхушке, знать планы крымского хана? Скорее всего, в записках Штадена отразились устрашающие слухи, наполнившие русское общество…

Впрочем, еще одного удара, подобного прошлогоднему, вероятно, могло бы хватить для

полного государственного крушения России, разделения страны и низведения ее остатков до роли третьего плана в политическом театре Восточной Европы. Татарское вторжение 1572 года угрожало повтором Батыева разорения, случившегося более чем за 330 лет до того.

И русская цивилизация бросила последнюю горсть защитников в направлении главного удара. Терять им было нечего. В случае разгрома — смерть. В случае отступления — тоже смерть, поскольку татар больше некому было останавливать... Свет клином сошелся на православном воинстве, насмерть вставшем против Девлет-Гирея в обезлюдевших южных землях. Если бы они тогда дрогнули, если бы побежали, быть может, 1572 годом от Рождества Христова и закончилась бы история России.

Сначала крымцев счастливо отбили от переправ через Оку. Но потом врагу все же удалось перейти реку вброд недалеко от Серпухова, уничтожив сторожевой отряд. Русские заслоны не могли сдержать наступление татар, устремившихся к Москве. У воеводы Федора Васильевича Шереметева не выдержали нервы, и он бежал с поля боя, бросив оружие... Но крымцев неутомимо преследовал князь Дмитрий Хворостинин, выбирая удобный момент для удара. Наконец он напал на арьергард Девлет-Гирея и рассеял его. Хану пришлось приостановить движение к Москве и вступить в бой с полком Хворостинина, а в это время князь Воротынский развернул полевой "гуляй-город" — передвижную крепость из деревянных щитов на возах.

Итак, дорогу на русскую столицу перекрыли основные силы армии Воротынского, расположившиеся в районе села Молоди. Первый татарский приступ был отбит огнем из орудий и пищалей. Теперь судьба сражения, Москвы и всей державы должна была решиться на поле у "гуляй-города". Поэтому крымцы в течение нескольких дней, то устраивая передышки, то вновь тараня русские позиции, с остервенением штурмовали нашу крепость. Атакующие несли колоссальные потери от огня государевых ратников, однако их решимость победить не ослабевала.

Штаден сообщает: "Мы захватили в плен главного военачальника крымского царя Дивей-мурзу и Хаз-Булата. Но никто не знал их языка. Мы [думали], что это был какой-нибудь мелкий мурза. На другой день в плен был взят татарин, бывший слуга Дивей-мурзы. Его спросили — как долго простоит [крымский] царь? Татарин отвечал: "Что же вы спрашиваете об этом меня! Спросите моего господина Дивей-мурзу, которого вы вчера захватили". Тогда было приказано всем привести своих полоняников. Татарин указал на Дивей-мурзу и сказал: "Вот он — Дивей-мурза!" Когда спросили Дивей-мурзу: Ды ли Дивей-мурза?", тот отвечал: "Нет!

Я мурза невеликий!" И вскоре Дивей-мурза дерзко и нахально сказал князю Михаилу Воротынскому и всем воеводам: "Эх вы, мужичье! как вы, жалкие, осмелились тягаться с вашим господином, с крымским царем!" Они отвечали: "Ты [сам] в плену, а еще грозишься". На это Дивей-мурза возразил: "Если бы крымский царь был взят в полон вместо меня, я освободил бы его, а [вас], мужиков, всех согнал бы полоняниками в Крым!" Воеводы спросили: "Как бы ты это сделал?" Дивей-мурза отвечал: "Я выморил бы вас голодом в вашем "гуляй-городе" в 5–6 дней". Ибо он хорошо знал, что русские забивают и едят своих лошадей, на которых они должны выезжать против врага. Русские пали тогда духом".

В российском лагере действительно не хватало воды и пищи. Однако следующая попытка штурмовать "гуляй-город" встретила мощный контрудар. В завязавшемся бою татар опять отбросили, положив нескольких военачальников. Девлет-Гирей получил известие о движении крупных сил князю Воротынскому на подмогу. По всей видимости, русское командование подкинуло "фальшивую грамоту": никаких резервов для спасения Москвы не было. Все, что можно, заранее стянули под команду Воротынского. Однако крымский хан мог этого и не знать. Угроза нового большого сражения, видимо, подтолкнула его к назревшему решению:

отступать…

Так была спасена страна.

Николай Михайлович Карамзин пишет: "Сей день принадлежит к числу великих дней воинской славы: россияне спасли Москву и честь: утвердили в нашем подданстве Астрахань и Казань: отомстили за пепел столицы и если не навсегда, то, по крайней мере, надолго уняли крымцев, наполнив их трупами недра земли…"

Это далось целой необыкновенной стойкости, мужества и больших потерь. Тот же Штаден пишет: "Все тела, у которых были кресты на шее, были погребены у монастыря, что около Серпухова. А остальные были брошены на съедение птицам… Все русские служилые люди получили придачу к их поместьям, если были прострелены, посечены или ранены спереди. А у тех, которые были ранены сзади, убавливали поместий, и на долгое время они попадали в опалу…"

Опыт боевых действий против Девлет-Гирея показал: даже если соединить опричные и земские полки, этих сил едва-едва хватает, чтобы отразить крымцев. Дальнейшее разделение страны и, что еще опаснее, армии в любой момент могло вновь привести к катастрофическим последствиям.

Государь Иван Васильевич вплоть до полного отражения крымцев сидел в Новгороде Великом, пережидая бурю. Затяжной характер боев на юге, недостаток сил и, напротив, удачный пример сотрудничества опричных воевод с земскими показывали со всей очевидностью: опричнина как военная система бессмысленна и опасна. Ее эффективность оказалась иллюзорной, зато вред — явным. Это, по всей видимости, нетрудно было понять хоть в Москве, хоть в Новгороде. Достаточно было почитать "отписки" (отчеты) воевод, которые по обязанности составлялись ими для Разрядного приказа и самого государя.

Между тем царь замышлял новый взрыв военной активности. Ему требовалось сплочение войска и, в частности, командного состава. В Казанских землях опять бушевало восстание. Планировался новый большой поход в Ливонию. После поражения Девлет-Гирея многое показалось возможным, и государь вновь принялся азартно тратить полки в мясорубке большой войны…

Но опричнина была в 1572 году отменена — видимо, осенью, скорее всего в сентябре.

Большинство историков грозненской эпохи сходится на том, что главным поводом для отказа от "государевой гвардии" стали военные события 1571–1572 годов; автору этих строк остается лишь присоединиться к сему здравому мнению: война породила опричные порядки, война же их и дискредитировала.

Все-таки боярско-княжеская знать представляла собой настоящую расу господ, выпестованную на протяжении многих поколений. С детства ее представители проникались ролью правящего сословия, рано узнавали от родителей основные принципы современной военноадминистративной практики, могли воспользоваться опытом предков. Узкий круг служилой аристократии продуцировал лучших в России управленцев и военных командиров. Попытка заменить их выдвиженцами из нижних слоев военно-служилого класса потерпела крах: не тот материал поставляла дворянская масса, качеством пониже, попроще… Можно ведь и кухарку заставить управляться с государственными делами, но они идут существенно лучше, когда ими занимается тот, кого сама жизнь предназначила для этого. Русская служилая аристократия XVI столетия, энергичная, разворотливая, выносливая, мужественная,

готовая к самопожертвованию, отличавшаяся "книжностью", дает сто очков вперед высшему российскому дворянству, скажем, первой половины XIX века. Люди времен Александра I успели привыкнуть к тому, что им можно не служить на великого государя, не готовить себя к тяготам военной работы или грузу администрирования, изнежились, стали стремительно превращаться в обломовых... Дворянство восприняло право на "вольность", дарованное ему матушкой Екатериной II, как великое благо; с него и начинается история погибели наших дворян. Сначала они стали социально ненужным элементом — что полезного эти люди умели делать, кроме царской службы? — а потом утратили само умение служить. Лучших из них, самых твердых, самых отважных, прикончили буденновские сабли. Всех прочих погубила вольность... Но в грозненскую эпоху о ней и речи быть не могло. Первая и самая сладкая вольность удельного периода потрескивала косточками в страшной мясорубке, а на вторую, либеральную и просвещенную, рассчитывать тогда не приходилось никому. В этих условиях наша знать была очень хороша, и Россия должна бы ею гордиться; но все, что существовало ниже ее уровня, пусть и среди "служилых людей по отечеству", заменить высшую знать на ее месте явно не могло. Конечно, аристократия была несколько избалована обстоятельствами "боярского правления", лелеяла проекты реорганизации центральной власти, проявляла своеволие и даже принималась строить заговоры. Однако капризы обходились ей дорого: Иван III, Василий III и — до поры до времени — Иван IV ставили ее на место *адекватными методами*. Твердость государевой руки была благодетельна: аристократия, как и любой другой социальный слой, участвует в общественном разделении труда и не может иметь монополии на власть. Во всяком случае, вся полнота военно-политической власти в русской православной державе принадлежит монарху, а не знатной верхушке, как бы ни манили ее привилегии польско-литовской магнатерии, как бы ни хотелось ей сделать из царя пожизненного премьер-министра. При всем том наша знать никак не заслуживала ни опричного террора, ни страшного унижения грозненской эпохи. И главное, не достойна была она разрушения той социальной машины, которая составляла самую суть ее иерархического устройства. Иван Васильевич решил по одному своему произволу поднимать из дворянских низов военачальников, дипломатов, судей и равнять их с высшей знатью. Но военное командование и административная служба составляли смысл социальной работы аристократии, и, следовательно, у последней были все права претендовать на рекрутирование управленцев *только из ее среды* и допускать противное лишь в виде исключения, малым ручейком, в честь очевидных заслуг перед державой... К тому же дворянство, стоявшее ступенькой ниже аристократии в иерархии военно-служилого класса России, оказалось неспособным дать достаточное количество искусных, талантливых, энергичных воевод и администраторов.

Итак, Иван IV попытался эту систему сломать и на ее место поставить новую. В начале 70-х годов XVI столетия он оказался в ситуации, когда армии его были разгромлены, страна пришла к грани мощного социального взрыва, грозный неприятель добрался до столицы, а новая система не давала монарху возможности справиться со всеми этими напастями. В итоге опричнина "закрывается", служебно-родовая организация правящего класса сохраняется, а государь взамен получает право косметических вторжений в его структуру, но более никогда не посягнет на фундаментальные свойства старой системы...

"Когда эта игра была кончена, — пишет Штаден. — все вотчины были возвращены земским, так как они выходили против крымского царя. *Великий князь долее не мог без них обходиться.* Опричникам должны были быть розданы взамен этого другие поместья". Курсивом здесь выделено главное: без собственной знати, организованной именно так, как сложилось еще при Василии III, Иван Васильевич *не мог обходиться*. Ему оставалось только признать это.

Однако всякий эксперимент и всякий поворот на попятный имеют свою цену. Если вспомнить приведенную выше аналогию, Иван IV когда-то получил по наследству нечто вроде гоночного

автомобиля с чудовищно сложной системой управления. Так вот, после всех попыток упрощения этой системы, после всех общественных и военных "аварий", автомобиль пришел в полуразбитое состояние и нуждался в ремонте. Но пока продолжалась Ливонская война, у Московского государства не было времени на необходимую паузу, накопление новых сил, восстановление разрушенного. Автомобиль с каждым годом ездил все медленнее, а на поворотах из него сыпались гайки. Лишь в царствование Федора Ивановича страна получила долгожданную передышку. Правда, слишком краткую и явно недостаточную для "капремонта".

В военном отношении это означало следующее: у России не было ни достаточного количества талантливых военачальников, ни достаточного количества простых воинов.

Как уже говорилось, в 1577 году Иван IV во втором послании к Андрею Курбскому высказался в том духе, что хороших воевод у него хватает. Между казнями 1573 года и составлением этого послания промежуток невелик. Кое-что известно о потерях в воеводском корпусе, но, в сущности, они были незначительны. Самой серьезной из них стала казнь бывшего опричного воеводы, опытного военачальника Василия Ивановича Умного-Колычева в 1575 году, да кончина еще одного незаурядного полководца, князя Юрия Ивановича Токмакова, в 1576 году. Последний нередко принимал на себя обязанности командира русской полевой артиллерии. В целом же ущерб, нанесенный армии во время боевых действий и от казней несравним с утратами 1565–1573 годов. Значит, одно из двух: либо государь делает хорошую мину при плохой игре, либо лучшие полководцы были выбиты в последние годы войны с Ливонией — позже, чем появилось второе царское послание Курбскому.

Период между 1578 и 1581 годами — самый несчастливый для русской армии, наверное, за все XVI столетие. Подробнее о нем будет рассказано ниже, здесь же хотелось бы остановиться на потерях в списке военачальников.

В 1577 году скончался от ранения Иван Васильевич Шереметев-Меньшой. В 1578 году под Венденом (Кесью) пали князь Василий Андреевич Сицкий, окольничий Василий Федорович Воронцов, дворянин "из Слободы" (то есть приближенный к царю) Данила Борисович Салтыков, князь Михаил Васильевич Тюфякин. Тогда же попали в плен князья Петр Иванович Татев, Петр Иванович Хворостинин, Семен Васильевич Тюфякин. В 1579 году Стефан Баторий взял Полоцк. В плену оказались тамошние воеводы: князь Василий Иванович Телятевский (когда-то он возглавлял основные силы опричной армии!), князь Дмитрий Иванович Щербатый, Петр Иванович Волынский да Иван Григорьевич Зюзин. В крепости Сокол был убит Борис Васильевич Шейн и попал в плен Федор Васильевич Шереметев. Тогда же погибли князья Михаил Юрьевич Лыков и Андрей Дмитриевич Палецкий. В 1580 году после падения Великих Лук и ряда других укрепленных пунктов русская армия потеряла пленными князя Федора Ивановича Лыкова, князя Михаила Федоровича Кашина, Юрия Ивановича Аксакова, Василия Петровича Измайлова, Василия Бобрищева-Пушкина. В Заволочье умер от ран Василий Юрьевич Сабуров и был захвачен поляками Иван Степанович Злобин. В результате поражения русского полевого корпуса под Торопцом думный дворянин Деменша Иванович Черемисинов и Григорий Афанасьевич Нащокин попали в плен. В 1581 году перебежал к литовцам стольник Давыд (Нежданович) Бельский.

Литовцы взяли Холм, и в плену оказались князь Петр Иванович Борятинский да Меньшой Панин. Под Старой Руссой был также пленен князь Василий Муса Петрович Туренин. И это далеко не полный список.

Особенно неприятно то, что выбыли из строя Шереметев-Меньшой, князья Тюфякин, Туренин, Лыков, Лобанов-Ростовский, Телятевский, Татев и Хворостинин, а также Борис Шейн. Все это опытные люди, костяк воеводского корпуса. Утрата их дорого стоила армии.

А в целом это колоссальные потери. В 1577 году ни Курбский, ни царь представить себе не могли, что такое возможно. Приходится вернуться к тезису об отсутствии в Московском государстве надежных и талантливых полководцев в постопричное время и все-таки частично принять его. Разберемся.

Иван Васильевич прав был в том, что служилая аристократия по-прежнему исправно поставляла ему высшее офицерство. Вовсе не "калики" возглавляли русские полки под Венденом. И уж совсем не "калики" отстаивали в 1581 году Псков от нашествия Батория. К началу последнего раунда войны с западными соседями у Московского государства оставалось еще достаточно воевод для осуществления боевых действий. Пусть их состав и нельзя назвать столь же "звездным", с каким Иван Грозный начинал Ливонскую войну, но армия отнюдь не была обезглавлена. У царя еще оставались опытнейший Иван Мстиславский, старик, битый палкой по подозрению в измене и на несколько лет отставленный от дел; стойкий Иван Шуйский; деятельный Иван Шереметев, сложивший голову на государевой службе; гениальный Дмитрий Хворостинин, впоследствии жестоко униженный царем за то, что не дошел до врага из-за "великих снегов". И все они честно сражались, закрывая собой Россию.

С другой стороны, в середине 60-х вооруженные силы Московского государства были способны безболезненно возместить потери в командном составе, пусть и значительно большие, чем оказалось в реальности. А к концу 1570-х полководцев-"звезд" под рукой осталось мало, государю приходилось использовать в основном тех, кто считался дюжину лет назад — как бы получше выразиться? — пожалуй, вторым и третьим составом. "Дублерами", по футбольной терминологии. Растратив и этих, царь оказался на безрыбье...

Одним безотказным Дмитрием Хворостининым всех брешей в обороне великой державы не закроешь, даже если учитывать ветерана Шуйского.

В недостатке живой силы позволяет убедиться история последнего десятилетия Ливонской войны и, в частности, сообщения ряда иностранцев, совершенно не связанных друг с другом.

Датский дипломат Якоб Ульфельд в 1578 году проехал половину России. По дороге он вдосталь навидался нищеты, безлюдья, запустения земель и описал все это в красках.

Тот же Антонио Поссевино отмечает: "Московскому князю нужно было размещать гарнизоны в чрезвычайно удаленных друг от друга областях и в многочисленных крепостях, а войну вести с помощью почти только своих солдат в разных местах и в течение многих лет. Защитники крепостей оставляли дома жен бездетными. Если кто-нибудь из них погибал, его место занимал другой, — в результате народ очень поредел. К тому же нужно было еще обучать стрельцов... которые пользуются небольшими ружьями. Этот вид оружия был неизвестен его [Ивана IV] предкам, пользовавшимся почти только луками и стрелами. В войско набирают каждого десятого. Они становятся либо княжескими телохранителями, либо служат на войне, либо размещены по гарнизонам крепостей. Дома они оставляют жен и детей, и иногда, в случае их гибели, дома мало-помалу лишаются людей. Многих погубила чума, о которой никогда до этого времени не было слышно в Московии из-за очень сильных здешних холодов и обширных пространств. Многочисленные войны, казни многих тысяч людей (даже знатных), постоянные набеги татар, сожжение ими 12 лет тому назад столицы (к этому можно прибавить постоянные победы короля Стефана [Батория] в течение последних трех лет) довели князя до такого состояния, что его силы можно считать не только ослабленными, но почти подорванными. Известно, что иногда на пути в 300 миль в его владениях не осталось уже ни одного жителя, хотя села и существуют, но они пусты. В самом деле, ровные поля и молодые леса, которые повсюду выросли, являются свидетельством о ранее более многочисленных жителях".

Во второй половине 1570-х воеводы, не боясь царского гнева, угрожавшего опалой, ссылкой и казнью, отказывались решать боевые задачи, докладывая, что сил явно не хватает. Гарнизоны самовольно покидали крепости. Дети боярские бежали из полков — в 1579 году князь Василий Иванович Ростовский и Михаил Иванович Внуков разыскивали тех из них, которые со службы "изо Пскова сбежали". Р. Г. Скрынников нашел множество документальных свидетельств разорения русских земель, в частности Новгородчины, особенно пострадавшей от войны, голода и массовых эпидемий. Учитывая лишь строго документированные потери Новгорода Великого с пригородами, опричные казни и разгром 1570 года обошлись в 2700–2800 жизней, а стихийные бедствия и потери от боевых действий стоили намного больше. Б. Н. Флоря пишет о том, что в Деревской и Шелонской пятинах, судя по писцовым книгам, "население составляло 9-10 % от того количества, которое проживало здесь в начале XVI столетия".

До наших дней дошел фронтовой архив небольшого корпуса, стоявшего в 1580 году на великолукском направлении и подчиненного князю Василию Дмитриевичу Хилкову. Бумаги красноречиво свидетельствуют о распространении "нетства", то есть невыезда детей боярских на место службы. Вот характерные отрывки из грамот Разрядного приказа, адресованных командиру корпуса Василию Дмитриевичу Хилкову: "Писали к нам в Невля воеводы Меньшой Колычев с товарыщи, что от них *с Невля дети боярские нижегородцы и невляне розбежались*, а на Невле с ними людей мало. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас послали на Невль детей боярских из коломнич, да из ярославцов пятьдесят человек, выбрав лутчих..." (20 августа 1580 года); или: "Писали есте к нам и неты детей боярских ярославцов имяна, которые к вам на службу не приехали, к нам прислали, и *мы тех нетчиков по поместьям сыскали пять человек и, бив их кнутом на Москве, послали к вам* з зборщиком с Смиряем с Симановым, и список есмя тех детей боярских к вам послали с Смиряем ж. И как Смиряй тех нетчиков... к вам приведет, и вы б, по списку пересмотря, тем детем боярским ярославцем велели быти на нашей службе с собою... А вперед бы есте того берегли накрепко, *чтоб дети боярские от вас с нашей службы не разъезжались*" (21 августа 1580 года). Корпус, испытывавший очевидные сложности с комплектованием, был разгромлен под Торопцом в сентябре 1580 года. По свидетельству поляков — участников той кампании, полки Хилкова не проявили достаточной стойкости в бою. Немудрено, если учесть, с каким трудом их собирали и доводили до фронта; там явно не хватало бойцов.

Таким образом, московская сила была перемолота ливонскими жерновами. Великие армии без следа сгинули, и Московское государство едва-едва в состоянии было наскрести малые полки для пассивной обороны. Между тем Казанские земли пылали очередным восстанием, южная "украйна" по-прежнему небезопасна была от крымцев. В начале 1580-х слово "война" и слово "смерть" стали для России синонимами.

Остается рассказать о том, какова была езда государя Ивана Васильевича на "гоночном автомобиле", который он сам же и разломал, — в таких-то условиях!

Ливонская война стала одновременно делом чести и идеей фикс Ивана Васильевича. В 1570-х царь пытался добиться перелома личным участием в боевых действиях. Это вновь показывает, что несмотря на изменчивый, неровный нрав и впечатлительный характер, государь не был тем фатальным трусом, каким его порой изображают. Вообще, идея была плодотворной: когда сам царь возглавлял войска, отправляясь в поход, московской армии сопутствовала удача; воеводы проявляли чудеса храбрости и рвения — то ли от страха перед крутым нравом Ивана IV, то ли исполнившись уверенности в успехе кампании, если уж государь лично взялся за дело. Да и тактиком Иван Васильевич проявил себя недюжинным. В 1572 году он возглавил зимний поход на Ливонию, в результате которого была взята Пайда (Вайссенштайн). При штурме крепости 1 января 1573 года "на пролом" были расписаны виднейшие опричники "первого призыва", среди них Михаил Андреевич Безнин, Роман Васильевич Алферьев,

Василий Григорьевич Грязной… Тогда же погиб главный фаворит государя Малюта Лукьянович Скуратов-Бельский. Царь, видимо, хотел приучить старых своих любимцев к новому положению: мол, будете служить как все, а если надо, жизнь ставить на кон тоже придется на общих основаниях. Удачным продолжением взятия Пайды стал поход объединенной армии Магнуса Ливонского и русского корпуса Никиты Ромновича Юрьева на Каркус. Эта крепость также пала.

Несмотря на успех, Ивану Васильевичу недоставало оснований быть довольным. Пайда — не Полоцк; ценность ее на два уровня ниже. Каркус — еще менее богатый приз. Зато корпус князя Ивана Федоровича Мстиславского, отправленный под Колывань (Таллин), потерпел поражение и отступил, понеся большие потери. Погиб один из воевод, князь Иван Андреевич Шуйский. Подводя итоги, можно сказать: результат похода, пусть и положительный, был довольно скромным. Надо полагать, иного ожидал государь, впервые за всю войну выйдя с полками в Ливонию…

Между тем продолжать наступление в Ливонии явно было нечем. Восстание на казанских землях и напряженные отношения с Крымом не позволяли сконцентрировать значительные резервы для захвата ливонских территорий, оставшихся неподконтрольными. Русские воеводы предприняли в середине 1570-х несколько удачных экспедиций на этом фронте, действуя сравнительно небольшими силами. В 1575 году Юрьеву удалось взять Пернов, правда положив немало своих бойцов на штурме. В 1576 году капитулировал порт Гапсаль, города Коловерь, Лиговерь и Падца. Таким образом, наши армии медленно, но верно выталкивали шведов из Ливонии.

Однако такие стратегически важные пункты, как Рига, Таллин, Венден, стояли крепко. Очередная попытка взять Таллин провалилась весной 1577 года.

Вероятно, именно последняя неудача вызвала у Ивана Васильевича желание вновь самому взяться за ливонский театр военных действий и исправить создавшуюся ситуацию.

Летом 1577 года он выходит с большой армией в Южную Ливонию. Сдавшимся городам и замкам царь обещает оказать милость и действительно мягко обходится с их жителями. Напротив, сопротивление подавляется с большой жестокостью. Впрочем, польско-литовские гарнизоны малочисленны и не способны противопоставить русской мощи эффективную оборону. Где-то добрыми обещаниями, а где-то силой Иван Васильевич приобретает несколько городов, в том числе Режицу и Чествин.

Неожиданной помехой на пути к осуществлению царских планов оказывается Магнус, правитель буферного королевства Ливонского. Доселе он являлся верным союзником Московского государства. Но в 1577 году Магнус проявляет излишнюю самостоятельность. Он договаривается с местной знатью о передаче городов ему, то есть в состав его королевства. Многие идут на это с радостью, опасаясь прямого захвата русскими войсками и власти переменчивого нравом Ивана IV. Бояться им было чего: когда-то жители Юрьева-Ливонского (Дерпта, или Тарту) и Полоцка жестоко пострадали от Ивана Васильевича, а молва о новгородском разгроме 1570 года и бесчинствах опричников под Таллином получила широкое распространение. Прибалтика наполнена была летучими листками и публицистическими сочинениями о зверствах Ивана IV. Уже после окончания войны вышла книга немца пастора Павла Одерборна, живописавшего кровопийство русского государя с небывалыми выдумками, в духе едва ли не ветхозаветного суперзлодейства. Одерборн врал изрядно; однако труд его поучителен тем, что в нем отразился панический ужас ливонского населения перед властью Ивана Грозного.

К сожалению, отчасти этот ужас был оправдан…

Магнусу один за другим сдаются города и замки, однако государь Иван Васильевич не рад этому. Ведь он сам явился "в свою вотчину"! К чему теперь посредник между ним и местным населением, когда русские пушки способны уговорить кого угодно? К чему буфер между царем и плательщиками податей, держателями земель, каковые могут быть отданы русским помещикам? Взятие городов обойдется дороже, чем их мирное подчинение? Но во-первых, для силы, собранной в 1577 году, потери не страшны, а во-вторых, двойное подчинение, хотя бы и установленное мирным путем, недорого стоило в глазах Ивана IV.

Государь отправляет ливонскому королю гневное послание. Там он говорит ясно: у России сейчас достаточно сил для очистки всей страны без вмешательства Магнуса; если ему мало владений, доставшихся раньше, он может убираться к себе в Данию или отправиться на воеводство в Казань. Полки Грозного занимают Магнусовы новые приобретения. Сам король ливонский со свитой по требованию Ивана Грозного выходит из сдавшегося ему Вендена. Царь всячески унижает и бесчестит его, подвергает аресту и некоторое время держит в ожидании смертной казни. Потом прощает и даже дает небольшой удел. Но отношения между прежними союзниками, как видно, оказались капитально испорченными. Более того, Венден затворяет двери перед Иваном IV и начинает артиллерийский обстрел русского лагеря. Город берут штурмом. Инициаторы сопротивления подрывают себя порохом, с прочими русское командование обходится весьма неласково; впрочем, население иных городов, сдавшихся Магнусу, а потом занятых русскими войсками, также стало свидетелем серии казней — наказывали приближенных короля…

В итоге русские войска устанавливают контроль над тремя десятками городов и замков. Но жестокость по отношению к тем, кто защищал свои земли, и суровость, проявленная Иваном Васильевичем в "деле Магнуса", настроили местное население неблагожелательно по отношению к новым властям. Состоявшийся далее переход земельных владений к русским помещикам явно не улучшил отношений. С самого начала Ливонской войны местные жители по большей части находили мало поводов радоваться русскому завоеванию и поддерживать наши армии; теперь они получили еще несколько весомых аргументов в пользу мятежа. Если наш государь хотел навеки закрепить за Россией этот край, наверное, ему стоило подумать о более мягкой и гибкой политике на присоединенных землях. Вероятно, несколько большая лояльность была уместна и в отношении Магнуса. Да, тот повел себя как авантюрист, пытаясь спекулировать на "русской угрозе", но слабый и своевольный союзник все же намного лучше, нежели открытый враг.

Вся военная кампания 1577 года уподоблена была масштабному театрализованному представлению. Так случалось и раньше. Например, походу 1562–1563 годов предшествовал крестный ход, а также иные события, придавшие военной кампании характер борьбы против поругания веры. Но тогда главную роль играло православие, и было это вполне справедливо. Теперь же основным действующим лицом государь делает не веру, а себя самого.

Еще до начала боевых действий Иван Васильевич прислал вице-регенту князю Александру Полубенскому, начальствовавшему над силами Речи Посполитой в Ливонии, торжественное письмо. Оно послужило своего рода "третьим звонком". В послании царь сообщил о намерении управить дела в "своих вотчинах" ливонских, а потому предложил вывести все польско-литовские гарнизоны, дабы предотвратить лишние конфликты между Московским государством и Речью Посполитой. Основной смысл состоял в следующем: "Всем будет лучше, если ваши войска подобру-поздорову уйдут восвояси".

Но это, так сказать, "сухой остаток", голая суть. Между тем письмо государя было

необыкновенно обширным и содержало философические рассуждения. Мало того, что Полубенский, участвовавший в военной экспедиции на Изборск, в ходе которой православные церкви подверглись ограблению, ставился на одну доску с вероотступниками и предводителями бродяг, то есть сущей уголовщиной. Ему еще и предъявляли полную неправомерность сопротивления государю, который назначался оружием воли Господней. А именно к этому вел дело Иван Васильевич, помещая длинное историко-философское отступление о сути государства и собственной власти, об утверждении себя истинным царем истинной веры по всей земле.

Зачем понадобилась вся эта риторика? Ради одного лишь устрашения противника? Ради вразумления заблудшего нечестивца? Князь Полубенский, человек не юный, тертый калач в делах войны и большой политики, вряд ли мог быть напуган или же вразумлен образчиком русской изящной словесности того времени. И государь, конечно, понимал это. Но для задуманного им спектакля письмо Полубенскому послужило ярким началом; Иван IV загодя заботился о том, чтобы произвести эффект на зрителей, как заботится светская дама о роскошном наряде, отправляясь на бал.

Во время военной кампании царь милует и казнит широкими мазками, судит ливонского короля и ни во что не ставит его претензии, утверждает власть истинной веры над целой страной и, ликуя, пирует под занавес.

По окончании похода государь Иван Васильевич, завершая "постановку", пишет горделивое письмо князю Курбскому: "Вы ведь говорили: Нет людей на Руси, некому обороняться", — а ныне вас нет; кто же нынче завоевывает претвердые германские крепости? Это сила животворящего креста, победившая Амалика и Максентия, завоевывает крепости. Не дожидаются бранного боя германские города, но склоняют головы свои перед силой животворящего креста! А где случайно за грехи наши явления животворящего креста не было, там бой был. Много всяких людей отпущено [из плена]: спроси их, узнаешь... Писал ты нам, вспоминая свои обиды, что мы тебя в дальноконные города как бы в наказание посылали, — так теперь мы со своими сединами и дальше твоих дальноконных городов, слава Богу, прошли и ногами коней наших прошли по всем вашим дорогам — из Литвы и в Литву, и пешими ходили, и воду во всех тех местах пили, — теперь уж Литва не посмеет говорить, что не везде ноги наших коней были. И туда, где ты надеялся от всех своих трудов успокоиться, в Воль-мер, на покой твой привел нас Бог: настигли тебя, и ты еще дальноконнее поехал..."

Другие изменники московские, активно помогавшие неприятелю, — Тимофей Тетерин да прежние государевы опричники Таубе и Крузе, — получили еще более издевательские письма.

Гетман Ходкевич удостоился послания, равнозначного фамильярному похлопыванию по плечу. Общий смысл его: не стоит расстраиваться, убытка никакого операция московских войск не нанесла (читай: поскольку вся занятая территория все равно не принадлежит Речи Посполитой), да и пора бы начать переговоры "...о покое християнском".

Короля Стефана Батория царь ставил в известность о результатах своего похода и призывал "досаду отложить", поскольку не при нем эта война началась, да и все происходящее на ливонских землях — не его, Батория, дело. Иван Васильевич со вкусом объяснил королю, какие политические действия тому "непригоже" предпринимать, не видя в нем противника, достойного серьезного отношения. Он не столько просил Стефана Батория о начале мирных переговоров, сколько повелевал ему, "не мешкая", прислать послов.

В Московском государстве по городам и областям были разосланы царские послания с известиями о приобретении новых земель и крепостей в Ливонии. Об этом можно судить по

неофициальным летописным памятникам того времени: в них вошли известия об удачных походах середины 1570-х годов, причем переданы они примерно одинаковыми словами.

По этой эпистолярной игре можно понять две вещи. Во-первых, государь видит в последнем своем походе исполнение воли Божьей и одновременно решающее усилие по овладению ливонским наследством. То, что Рига и Таллин не открыли ворота перед русскими полками, по всей видимости, не особенно волнует его. Надо полагать, Иван Васильевич считал их падение делом времени: для него прибалтийская постановка была завершена, а сцены, выпавшие из нее при последнем сокращении сценария, можно вписать и постфактум… Во-вторых, Иван Васильевич уверовал в свою непобедимость, подобно тореадору, щелкающему бешеного быка по носу.

Что ж, тактически действия державного полководца безупречны, результат вторжения в Ливонию — явно позитивный. Но стратегически итоги масштабного вторжения в Ливонию оказались ничтожными. Пик успехов русского оружия в этой войне был пройден пятнадцатью годами ранее, после взятия Полоцка. Формально в 1577 году под контролем у московского государя оказалось значительно большая территория, нежели в 1563-м. Но во-первых, после катастрофы 1571 года любая компенсация на Западе представляется далеко не достаточной. Во-вторых, все занятые города оптом не стоили одного Полоцка с прилегающими землями — невозможно из сотни карамелек слепить шоколадный торт! В-третьих, внутренние области России к тому времени пришли в такое состояние, когда любую наступательную войну требовалось прекратить, поскольку экономический и демографический ресурс был на исходе. Наконец, в-четвертых, последние завоевания оказались непрочными: не доставало сил, чтобы их удержать. Вскоре после того, как русская армия покинула занятые ею земли, неприятель с легкостью отбил несколько городов. Единственный союзник Московского государства на этом театре военных действий, Магнус, в 1578 году перешел на сторону поляков. Вероятно, ему трудно было простить то страшное унижение, которому подверг его Иван Васильевич, и потери, понесенные им в связи с крахом своей авантюры. Таким образом, эмоции государя дорого обошлись стране.

Победы 1577 года рухнули как карточный домик от первого же дуновения войны…

Последним значительным успехом русской армии в Ливонии было взятие Полчева в конце 1578 года. К тому времени Венден уже был потерян (притом латыши, находившиеся в городе, помогли полякам занять его), и государь, вероятно, очень досадовал, лишившись главной жемчужины в короне триумфального похода 1577 года. Эта потеря обессмысливала успехи, достигнутые нашими полками при личном участии Ивана Васильевича, а царь ко всякой своей победе относился трепетно. Он велел воеводам идти отбивать Венден. Но тут произошло странное событие, о котором кратко сообщает разрядная книга: "И воеводы сделали не по государеву наказу, не пошли к Кеси (Вендену), а пошли в Юрьев в Ливонской". С чем связано феноменальное неповиновение командующего русской армией князя Ивана Юрьевича Голицына? Воевода ссылается на то, что наступать просто "…не с кем, людей мало".

Этот малозаметный эпизод маркирует перелом в последних наших успехах на ливонском театре военных действий и одновременно точку, откуда началось падение в бездну. Все рушилось. Страна истощила военные ресурсы.

Итак, 1578 год — переломный…

Именно с него начинается сползание русской военной стратегии к череде нескончаемых поражений. Именно с него потери в русском воеводском корпусе множатся с поразительной скоростью.

Очень важна реакция Ивана IV. Он не замечает знамений времени, не желает их видеть. Ему все мерещится тот великий час, когда русским полкам сдался Полоцк. Ему все кажется, что Московское государство неистощимо. Ему видится та идеальная военная машина, которая работала на него пятнадцать лет назад. А ее больше нет. "Автомобиль" находится в полуразбитом состоянии, бензин на исходе, покрышки облысели, гайки сыплются на поворотах, вода закипает в карбюраторе...

Государь велит: брать Венден! Он пытается усилить армию, снимает "з берега" воевод князя Василия Андреевича Сицкого, а также князя Петра Ивановича Татева и, возможно, их отряды. Как видно, страшный урок 1571 года Иваном IV уже забыт... Затем под Венден отправляются государевы эмиссары "из Слободы" Данила Борисович Салтыков и дьяк Андрей Щелкалов. Их задание: "промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам с ними", то есть поторопить действия западной армии. Фактически царь делает последнюю крупную ставку в ливонской игре, еще не зная, что больше у него таких возможностей не будет.

Сценическое действие заканчивается, начинается расплата за спектакль. Зрители требуют вернуть деньги, отданные за билеты, и лезут на сцену — бить актеров...

Воеводы осаждали город, жестоко местничая друг с другом. Московские пушки пробили брешь, но до штурма дело не дошло.

Польско-литовские и шведские войска предприняли совместную наступательную операцию против осаждающих. Их внезапное нападение, а также неспособность русского командования организовать должный отпор привели к трагическим результатам.

Наши войска побежали. Часть воевод погибла, другие покинули поле боя, заботясь лишь о спасении жизни. Среди последних оказался и князь Иван Юрьевич Голицын, большой воевода. Курбский глуповато злорадствует, поминая несчастную судьбу плененных тогда военачальников: "...здесь, на великом сейме, на котором бывает множество народа, [они] подверглись всеобщим насмешкам и надругательствам, окаянные, к вечному и немалому позору твоему и всей святорусской земли, и на поношение народу — сынам русским". Потери были огромными. Неприятель захватил в качестве трофея 17 орудий. Русские полки не проявили стойкости, характерной для первых лет войны или хотя бы для Молодинской битвы. Видимо, сказывалась общая усталость от боевых действий, нежелание драться всерьез.

Далее поражения следуют одно за другим, каскадами. В 1579 году польский король Стефан Баторий, блестящий полководец, взял Полоцк, затем важную крепость Сокол, где были сконцентрированы крупные силы русских, а также ряд других укрепленных пунктов. Этим он нанес личное оскорбление царю Ивану Васильевичу, ведь тот так гордился грандиозной победой, достигнутой в 1563 году! Кроме того, сами полочане, видимо, не рвались остаться под скипетром Ивана IV. Местное население, прежде склонное доверять единоверным подданным русского царя, пострадало от жестокости, проявленной при взятии города, депортационной политики государя, а также опричных репрессий, и теперь оно склонялось к поддержке Батория. Так, польской армии помогал полочанин Коссонский. Впрочем, Стефан Баторий тоже не церемонился с местным населением. Его солдаты ограбили город, а потом король отдал православные храмы иезуитам, хотя большинство полочан исповедовало православие.

В Соколе наемники из армии Стефана Батория учинили такую резню, что даже не смогли остановиться, перебив всех живых русских, и принялись с остервенением кромсать трупы.

Затем поляки взяли Великие Луки и устроили там жесточайший разгром, вполне достойный опричного террора в самые худшие его периоды. Была захвачена мощная крепость Заволочье,

пали Невель, Велиж, Холм и Старая Русса. Наши корпуса под Торопцом и у той же Старой Руссы подверглись уничтожению. Вражеские отряды разоряли ржевские и зубцовские места в сердце тверской земли и почти дошли до новой резиденции Ивана Васильевича в Старице.

Ливонские замки сдаются шведским войскам. Шведы берут Нарву, затем, осмелев, — Ивангород. Ям, Копорье, Корелу... Захват Нарвы оканчивается жутким погромом, хуже татарского.

Опять восстает "луговая черемиса", и казанское направление требует новых войск. На юге крымцы и ногаи жестоко разоряют русские области. Московских полков не хватает прежде всего там, но пока не завершилась война в Ливонии, снять их с северного и западного фронтов невозможно.

В последние годы войны русским командованием несколько раз предпринимались попытки контрнаступления. Воеводам Трубецкому, Бутурлину, Хилкову и Хворостинину удавалось отбросить неприятеля. Под Смоленском польско-литовские войска потерпели серьезное поражение. Однако это были частные успехи. Они, скорее, могли показать способность нашей армии сопротивляться и в дальнейшем, нежели вести к стратегическому разгрому неприятеля.

Многие историки подчеркивают нравственное опустошение Ивана Васильевича в последние годы войны. Он вел себя вяло, нерешительно, запрещал воеводам вступать в сражения со значительными силами поляков. Из Разрядного приказа в полки шли инструкции следующего содержания: "А будут пойдут против вас литовские люди на прямое дело, и вы б от них отходили, а на прямое дело с литовскими людьми не ставилися..." Относительно крепостных гарнизонов у царя было прямо противоположное требование: стоять насмерть. Но и здесь имелись исключения: по некоторым сведениям, Иван IV позволил отступить гарнизону Суши, выдвинутой в литовские владения и, очевидно, обреченной в условиях того времени. Кажется, воля его надломилась. Он опять всюду начал видеть измену. Вождь, потрясенный неудачами, утративший стремление к победе, вряд ли мог переломить несчастливый ход боевых действий.

Р. Ю. Виппер прямо пишет о нем как о человеке физически и нравственно разбитом, "старике в пятьдесят лет", правда способном еще на сильные дипломатические ходы... Н. М. Карамзин строго судит царя: "...гибли добрые россияне, предаваемые в жертву врагам Иоанновой боязливостью... Имея силу в руках, но робость в душе, Иоанн унижался исканием чуждого, отдаленного вспоможения, ненужного и невероятного (речь идет о тщетных попытках Ивана Васильевича добиться помощи от германского императора. — *Д. В.*). Он не думал сам выступить в поле; расположил войско единственно для обороны... Иоанн был в ужасе, не видел сил и выгод России, видел только неприятельские..."

Да, возможно, царь переживал не лучшие свои дни. Он был деморализован, он впервые осознал свою беспомощность в борьбе против западных соседей. Но его требование избегать столкновений с армией Батория опирались на здравое суждение о боеспособности вооруженных сил России. Люди измотаны, живую силу трудно собрать в кулак, командный состав по большей части — не первого сорта, и, главное, утрачен боевой дух. Венден и Торопец четко показали: полки разбегаются, едва почувствовав серьезный напор неприятеля. Но сам противник еще не до конца уверен в слабости московской армии, привыкнув к прежней ее мощи. Вступить в битву с ним означает, скорее всего, лишиться последних сил, еще способных *изображать* заслон на пути во внутренние области державы. Государю в таких обстоятельствах гораздо полезнее побыть трусом, нежели броситься в бой очертя голову. Политика бездействия, перемежающегося короткими и редкими контрударами, — лучшее из возможного. Здесь Ивану Васильевичу трудно отказать в благоразумии...

В конечном итоге ресурсы главных противников Ивана IV также исчерпались. Стефан Баторий осадил Псков с армией в 25–27 тысяч бойцов, да и застрял там надолго. Напал на Псково-Печерский монастырь, но тамошние монахи и воинские люди храбро сдерживали приступы. Воевода князь Иван Петрович Шуйский искусно устроил оборону Пскова, отбивал все атаки королевских солдат и крепко досаждал им вылазками. Огонь мощной городской артиллерии способствовал утрате неприятелем боевого духа. В итоге королевские войска понесли тяжелые потери, однако выполнить задачу не смогли и вынуждены были отступить от Пскова, проведя под его стенами около четырех месяцев.

В феврале 1582 года великолепная армия Стефана Батория, усиленная отрядами наемников, набранных по всей Европе, пошла прочь от города. По значению своему Псковская осада близка к Молодинской битве. Внутренние области России оказались избавлены защитниками Пскова от почти неминуемого вторжения поляков. Теперь у самой Польши недоставало сил и средств для продолжения войны.

Между тем наступление шведов также затормозилось. Их полевой корпус потерпел поражение, а осенью 1582 года попытка взять Орешек на Ладоге окончилась неудачей. Талантливый шведский полководец Делагарди положил немало своих солдат, пытаясь захватить крепость, стоящую на острове, там, где Нева вытекает из Ладожского озера. Но Орешку вовремя подоспела на помощь рать князя Андрея Ивановича Шуйского. Шведам пришлось отступить.

В январе 1581 года было заключено Ям-Запольское перемирие с Речью Посполитой, а в августе 1583 года — Плюсское перемирие со Шведским королевством. Россия лишилась значительной территории. Потеряны были все прежние завоевания, а также собственно русские земли — Велиж, Ивангород, Копорье, Ям. Лаконичный итог тяжелой Ливонской войны, вчистую проигранной Московским государством, подведен Псковской летописью: "Царь Иван не на велико время чужую землю взем, а помале и своей не удержа, а людей вдвое погуби". Б. Н. Флоря завершает рассказ о четвертьвековой борьбе за Ливонию справедливым вопросом: "Был ли неизбежен столь плачевный исход этой войны для русского государства? Не привели ли к такому шагу ошибки и просчеты, допущенные самым главным инициатором войны Иваном IV, который, правильно наметив цель, не смог найти верные средства для ее достижения?"

По мнению некоторых историков, Иван IV жаждал реванша и был настроен возобновить войну при удобном стечении обстоятельств. Он мог надеяться на ссору Речи Посполитой и Швеции из-за ливонских земель: это создало бы благоприятную дипломатическую и военную ситуацию для Московского государства. Государь искал также военного союза с англичанами. Во время Ливонской войны подданные Елизаветы I сталкивались на море с неприятелями России, завязывали с ними бои и наносили поражения. Английская корона выгодно сбывала Московскому государству стратегически важные товары, например медь, серу, селитру, свинец, против чего восставали поляки, ливонские немцы и германские города. В 1582–1583 годах Иван Васильевич попытался навязать англичанам обязательство оказать ему военную поддержку в новом противостоянии со Стефаном Баторием. Однако те выставили заведомо невыполнимые контртребования, и сделка сорвалась.

О чем свидетельствует сам факт подобных переговоров? Прежде всего о том, что царю вновь изменили чувство меры и здравый смысл. Досада от проигрыша ослепляла его, а унижение вызывало гнев. За ничтожный срок, прошедший после заключения Ям-Запольского перемирия, страна нимало не оправилась от военных потерь, армия отнюдь не восстановила прежнюю мощь. А государь вел себя подобно капитану, однажды потерпевшему крушение у скалистых берегов и, по прошествии недолгого времени, вновь направляющего свой корабль на те же камни. Казалось бы, совсем недавно Иван Васильевич проявил способность видеть горькую

правду и разумно оценивать силу поредевших русских полков. Теперь беспечная жажда реванша снедала его — и так продолжалось до самой его смерти.

Итак, со времен последней Казанской войны царь Иван IV был главнейшим военачальником России. На протяжении нескольких десятилетий он имел решающее слово в делах, касающихся боевых действий и армии. Все успехи и неудачи Московского государства — в значительной степени его успехи и неудачи. Допустим, во времена Казанского взятия ни упорство государя, ни его способности, ни испуг его в решающий момент не играли еще первенствующей роли, хотя и влияли на дела. Зато впоследствии воля Ивана Васильевича оставляла отпечаток повсюду и везде.

Был ли он храбрым военачальником? Оправдывает ли его биография знаменитые слова "к ополчению дерзостен и за державу стоятелен"? Отчасти. Немногие из русских государей, от Ивана Великого до Петра I, могут сравниться с Иваном IV по количеству выходов в поле с войсками. Царь играл роль командующего в походах не менее десяти раз, если не считать опричный разгром северных городов и походы, отмененные при самом их начале. Иной раз государь проявлял недостаток решительности, но в другое время бывал храбр и настойчив. Его действия выдают пылкий характер и одновременно недостаточную твердость.

Задумывая наступление, Иван Васильевич обыкновенно проявлял себя как хороший тактик. Возглавленные им экспедиции 1562–1563, 1572–1573 и 1577 годов закончились победой. Как полководец первый русский царь ни разу не потерпел поражения.

Другой вопрос, как он проявил себя в качестве стратега и организатора военного дела.

Выбирая направление главного удара во второй половине 1550-х годов, Иван Васильевич не согласился с мнением влиятельной политической группировки, настаивавшей на концентрации всех сил против Крыма. Это решение имело под собой серьезные основания.

Так же как начало борьбы за Ливонию и стремление любой ценой удержать казанские земли. Но чрезмерное оголение южных окраин государства в погоне за успехами в Ливонии оказалось непоправимой ошибкой. Московский пожар 1571 года и разгром обороняющей столицу армии ничем обелить невозможно. Столь же трудно найти оправдание для бесконечного затягивания военных действий в Прибалтике и жестокого отношения к местным жителям. Маниакальное стремление захватить всю Ливонию, неспособность умерить аппетиты, вовремя удовлетвориться достигнутым, не рискуя повышением ставки, привело к катастрофическим последствиям. Иван III умел прервать боевые действия и пойти на мировую, как только чувствовал, что результат войны становится неочевидным. К сожалению, его внук был лишен подобного умения. В итоге ливонская бездна пожрала русскую армию, да еще и отгрызла от нашего пирога изрядный кусок.

Что касается организационно-административной деятельности царя, то и ее невозможно счесть удовлетворительной. Да, введение стрелецкого войска, а также "избранной тысячи" представляются весьма разумными, своевременными преобразованиями. Но опричный военный "эксперимент" обошелся вооруженным силам Московского государства столь дорого, что польза от предыдущих здравых реформ абсолютно перекрывается его негативными последствиями.

Таким образом, общий итог деятельности Ивана IV в военной сфере с рядом оговорок следует признать отрицательным.

Глава 4. Посольских дел разоритель

Автор этих строк в энциклопедической статье, написанной лет десять назад, примерно в 1994 году, назвал государя Ивана Васильевича "ведущим дипломатом" державы. Николай Михайлович Рогожин, большой специалист по средневековой русской дипломатии, заметил: "Ну что вы, батенька! Настоящими-то дипломатами были посольские дьяки — Висковатый, Щелкаловы..." И он был, конечно, прав, в том смысле, что истинными профессионалами, на которых держалась внешняя политика Московского государства, были все-таки главы Посольского приказа — тогдашнего Министерства иностранных дел. Именно они играли роль специалистов высочайшего уровня, лучших из лучших в этой области. С другой стороны, разработка ключевых решений в области дипломатии традиционно была частью "монаршей работы". И стратегию международных отношений определял сам государь, *используя* в большей или меньшей степени знания и опыт профессионалов. Иероним Граля, автор превосходного труда об Иване Михайловиче Висковатом, главе дипломатической службы России, показал последнего главным экспертом по проблемам внешней политики, но никак не персоной, прокладывающей маршрут этой политики.

До второй половины 1540-х годов Ивана Васильевича вряд ли по-настоящему допускали к дипломатическим вопросам. Позднее государь уже мог влиять на них. Так, например, важна была его непримиримотвердая позиция по поводу войны с Казанью. И лишь со второй половины 1550-х, как уже говорилось, он обрел достаточную независимость от Боярской думы, чтобы оказывать определяющее воздействие на российский внешнеполитический курс. В дальнейшем, до самой кончины, Иван IV остается главным стратегом отечественной дипломатической деятельности.

Нельзя сказать, чтобы он был совершенно бездарен как дипломат. Некоторые историки, напротив, считают его масштабным и глубоким творцом внешней политики России. Р. Ю. Виппер, в частности, писал: "Среди московской дипломатической школы в качестве первоклассного таланта выделяется сам Иван IV". Действительно, на арене больших международных игр царю удавалось добиться серьезного успеха. Так, стратегически верным был выбор приложения главных военнополитических усилий во второй половине 50-х годов XVI столетия: не против Крыма, а против Ливонии: нельзя не признать остроумным ход с привлечением папы римского к трудным переговорам со Стефаном Баторием в начале 80-х (и ведь это действительно помогло делу!); гибкая политика проводилась в отношении англичан — им давали льготы по торговым делам в зависимости от того, насколько они оказывались способны к услугам в делах политических: наконец, затея с привлечением Магнуса Ливонского на сторону Московской державы выше всяческих похвал. И видимо, на истории Магнуса стоит остановиться подробнее. Герцог Магнус, брат датского короля Фредерика II, в 1570 году получил от Ивана Васильевича несколько прибалтийских городов и гордое звание короля Ливонского. В 1573 году его женили на Марии Владимировне Старицкой, причем свадьба прошла с большой пышностью. Таким образом принц породнился и с русским царским домом. Магнус участвовал в войне на стороне России, а также выполнял роль союзника, которому легче было договориться с местным дворянством и городами. Его королевство представляло собой буферную зону, получавшую поддержку и от России, и от датчан. Подданные Магнуса вновь обретали все свои старые привилегии, а заодно и новые льготы — по торговле на территории России. В свою очередь, марионеточная "держава" становилась экономической зоной, связывающей европейских торговцев с Московским государством, — чем-то вроде допетровского "окна в Европу". Идея была хороша...

Но!

При всем том не в характере государя было вовремя остановиться в своих требованиях, ограничить проявление эмоций ради холодного дела дипломатии, увидеть приоритет державных интересов над личными. Увлекшись игрой страстей, политической интригой, государь в большей степени стремился предъявить иностранцам собственные остроумие и ученость, нежели добиться конкретных результатов. Тот же Р. Ю. Виппер дает точную характеристику стилю Грозного-дипломата: он "...любил выступать лично в дипломатических переговорах, давать иностранным послам длинные аудиенции, засыпать их учеными ссылками, завязывать с ними споры, задавать им трудные или неожиданные вопросы; *он чувствовал себя в таких случаях настоящим артистом*... В политическом таланте Грозного замечаются, однако, те самые шероховатости и излишества, что и в его литературной манере, в развлечениях его повседневной жизни. Неуравновешенная натура легко подвигает его к резкостям, к заносчивости".

"Артист" — точное слово в точном месте. Государь Иван Васильевич *играл* великого дипломата. Пытался произвести впечатление на "публику". Театральная поза, амбиция, воспламенившаяся под действием всеобщего внимания к могущественному "московиту", вели его ум к выходкам и балаганным трюкам, но не позволяли проявить твердость в намерениях и действиях. В любом значительном успехе он видел нечто естественное, принадлежащее ему по неведомому, но твердому праву, а потому и не заботился о развитии преимущества. На волне побед государь бывал чрезмерен в требованиях и тем губил уже, казалось бы, полученную политическую прибыль. Зато неудачи ввергали его в избыточную уступчивость.

С тем же Магнусом Ливонским Иван Васильевич в 1577 году поступил жестоко, унизил и едва не убил за самовольство. Но все же государь продолжал ему доверять, с необыкновенной беспечностью полагаясь то ли на страх короля перед московскими полками, то ли на чувство благодарности к русскому царю за прежние благодеяния... Но король Ливонский, будучи мотом, пьяницей и неудачливым воителем, ко всему еще и проявил склонность к измене. Предательство Магнуса дорого обошлось нам на ливонском театре военных действий. Весь удачный эксперимент с "буферным королевством" рухнул.

Дважды Иван IV вел переговоры с королевой Елизаветой I, добиваясь согласия принять его с семьей под покровительство английской короны, если злоба подданных выгонит монарха из страны. Само по себе подобное действие, исходящее от православного царя по отношению к государю инославному, нелепо и позорно. Мало того, Иван Васильевич сопроводил его попытками сватовства то к самой королеве, то к ее родственнице Мэри Гастингс, то уж совсем неопределенно — "к кому-нибудь" из королевского дома Елизаветы. Его собственная жена Мария Федоровна Нагая была в то время жива и здорова, но царь не сомневался в легком решении проблемы развода. Да что за срам! Даже подлая приказная братия хихикала над Иваном Васильевичем, называя его "английским царем". Но и, стремясь добиться решения столь важной для себя задачи, как предоставление "политического убежища", царь не сумел сдержать ярости от уклончивых ответов англичан и опустился до оскорблений: "...видно, у тебя [Елизаветы], помимо тебя, другие люди владеют [властвуют], и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести, и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков!"

Упорство польского короля Сигизмунда II Августа в военных предприятиях против Московского государства тоже подпитывалось царской "вежливостью". Среди прочего, Иван Грозный удостоил врага намека на бездетность: "Вот умрешь ты, от тебя и поминка не останется".

Особенных оплеух сподобился шведский король Юхан III. Его Иван Васильевич именовал "безбожником", сравнивал с "гадом" (змеей), род его назвал "мужичьим". Династия шведских

правителей действительно знатностью не отличалась. Еще и века не прошло, как Шведская провинция в результате восстания ушла из-под власти датских королей. Шведские государи, таким образом, в глазах Ивана Грозного — не выше "волостных старост" во владениях природных монархов-датчан. Одно из посланий Иван IV завершает следующим образом: "А если ты, раскрыв собачью пасть, захочешь лаять для забавы, — так то твой холопский обычай: тебе это честь, а нам, великим государям, и сноситься с тобой — бесчестие, а лай тебе писать — и того хуже, а перелаиваться с тобой — горше того не бывает на этом свете, а если хочешь перелаиваться, так ты найди себе такого же холопа, какой ты сам холоп, да с ним и перелаивайся. Отныне, сколько ты не напишешь лая, мы тебе никакого ответа давать не будем". Разумеется, Юхан III оставался непримиримым врагом России вплоть до последних кампаний Ливонской войны. А окончил ее шведский монарх "мужичьего рода", отторгнув от России обширные земли.

Б. Н. Флоря показал, насколько беспомощен оказался Иван Васильевич в борьбе за опустевший в 1572 году польский престол, насколько неуместной была его политическая риторика, насколько лишен был его курс гибкости. Царя поддерживала сильная партия сторонников, но он не удосужился уважить их даже столь тривиальной мерой, как отправка посольства с официальными предложениями! Ему показалось достаточным выступить с цветистой "предвыборной" речью перед гонцом из Польши и послать несколько писем... В результате война продолжилась, а один из преемников скончавшегося Сигизмунда II Августа, Стефан Баторий, нанес России ряд тяжелых поражений.

Притом Иван IV долго не рассматривал Батория как серьезную политическую силу, и даже в ходе боевых действий, складывавшихся крайне неудачно для Московского государства, все еще продолжал оскорблять его в посланиях. В 1579 году, когда неприятности завершающего этапа Ливонской войны уже начались, царь в письме величается перед выборным королем своим происхождением и корит Батория отступничеством от христианства. Польский государь и сам не отличался особой корректностью, поэтому Иван Васильевич упрекает его: "Мы твою грамоту прочли и хорошо поняли — ты широко разверз свои высокомерные уста для оскорбления христианства. А таких укоров и хвастовства мы не слыхали ни от турецкого султана, ни от императора, ни от иных государей. А в той земле, в которой ты был (Баторий, воевода Семиградский, жил в Трансильвании, являвшейся тогда вассальной территорией турецкого султана. — *Д. В.*), и в тех землях, тебе самому лучше известно, нигде не бывало, чтобы государь государю так писал, как ты к нам писал. А жил ты в вере басурманской, а вера латинская — полухристианство, а паны твои держатся иконоборческой лютеранской ереси". Со своей точки зрения, Иван IV во всем прав, но ему необходимо решить серьезные дипломатические задачи, а он вместо этого вступает в невнятную перебранку... Летом 1581 года, когда дела на западном фронте идут из рук вон плохо, Иван Васильевич отправляет Стефану Баторию еще одно письмо, по внешней видимости смиренное, однако же полное колкостей и попреков. В начале послания стоит знаменитая фраза: "Мы... удостоились быть носителем крестоносной хоругви и креста Христова Российского царства и иных многих государств и царств, скипетродержатель великих государств, царь и великий князь всея Русии... по Божьему изволению, а не по многомятежному человеческому хотению..." — намек на "второсортность" королевского титула, полученного по результатам шляхетских выборов. Страна бедствует, вооруженные силы находятся в состоянии, близком к полному разложению, враг глубоко вклинился в русскую территорию, а царь желает выглядеть красиво и выйти победителем из словесных перепалок. Вот он, "первоклассный талант"! Вот она, "крупная политическая сила"!

Между тем переговоры с польским и шведским королями приводят к тяжелому территориальному урону: Иван IV теряет Полоцк, собственные русские Велиж. Ям, Копорье,

Ивангород, Корелу, а также все ливонские завоевания. По мнению ряда исследователей, уступки были чрезмерными. Особенно в условиях, когда Польша уже вышла из войны, а Швеция продолжала боевые действия (напомним, Ям-Запольский мир с Речью Посполитой был заключен в 1582 году, а Плюсское перемирие со Швецией — лишь в 1583 году). Это открывало возможность хотя бы частичного реванша. Как раз тогда русские войска разбили шведов у Лялиц и отбросили от Орешка. Но государь не решился… Трудно сказать, насколько верным было мнение о необходимости выйти из войны любой ценой, когда противник остался только один. Во всяком случае, оно вызывает сомнения.

Любопытно, что Иван Васильевич испытал на себе заносчивость соседей, но она не послужила для него уроком. Девлет-Гирей после сожжения Москвы в 1571 году писал русскому царю, проявляя крайнее высокомерие: "…Ты не пришел и против нас не стал. Ты похваляешься, что, де, яз — Московский государь, и было бы в тебе срам и дородство, и ты бы пришел против нас и стоял!" И где была та сила и та гордость татарская в 1572 году, когда наши воеводы на Молодях резали крымскую рать? Поила буйной кровью нашу землю. Кажется, отчего бы православному государю не увидеть в наказании гордецов проявление воли Господней? Ан нет, он и сам великий гордец…

Тяжелое поражение России в Ливонской войне в значительной степени явилось результатом царского фиглярства. Отношения с воинственным Крымом не нашли приемлемого дипломатического решения на протяжении всей политической деятельности государя. Наконец, эскапады с поиском "политического убежища" на территории Англии, поспешным сватовством к Елизавете I и ее родственницам выставили на посмешище и самого Ивана IV, и всю державу.

Общий итог деятельности Ивана Васильевича в дипломатической сфере — явно отрицательный.

Глава 5. Опричник номер один

За двести лет, истекших со времен выхода в свет "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина, было сделано великое множество попыток определить суть опричнины и объяснить причины ее учреждения.

Сам Карамзин пишет об опричнине как о мере, предназначенной обеспечить безопасность государю и всему государству. Причиной ее введения была подозрительность царя, его ярость, страх стать жертвой измены, подстегнутые действительной изменой Курбского: "Все добрые вельможи казались ему тайными злодеями, единомышленниками Курбского: он видел предательство в их печальных взорах, слышал укоризны или угрозы в их молчании; требовал доносов и жаловался, что их мало…"

"История России с древнейших времен" С. М. Соловьева скудна обобщениями. Относительно опричных времен историк констатирует дальнейшее падение родовых начал, умаление прав "дружины" и подъем начал государственных, усиление власти монарха. Все это преподносится несколько голословно. Опричнина — одно из заключительных сражений великой борьбы старинного родового быта с новым, этатизирующим элементом. "Напуганный отъездом Курбского и протестом, который тот подал от имени всех своих собратий, — пишет Соловьев, — Иоанн заподозрил всех бояр своих и схватился за средство, которое освобождало его от них. Положить на них… опалу без улики, без обвинения, заточить, сослать всех, лишить должностей, санов, лишить голоса в думе и на их место набрать людей новых, незначительных, молодых… — это было невозможно… Если нельзя было прогнать от себя все старинное вельможество, то оставалось одно средство — самому уйти от него; Иоанн так и сделал".

В. О. Ключевский дал исключительно точную формулировку психологических причин, подвигнувших царя на введение опричнины: "...потеря нравственного равновесия у нервного человека". Да, это, скорее всего, верно. Царь в 1564 году чувствовал себя подобно актеру в ситуации, когда сцена не задалась, остальные играют из рук вон, постановка в шаге от провала, возможно увольнение... Нервный срыв суммировал гнев, страх, а также неприятное ощущение, что все "труппа" выступает непутем, и как бы не быть освистанными. В политическом смысле Ключевский определят опричнину как "убежище", где "...царь хотел укрыться от своего крамольного боярства". Иными словами, опричнина должна была обеспечить безопасность государя, являлась соединением полицейского корпуса с "орденом отшельников".

Р. Ю. Виппер первым всерьез поставил вопрос о "внешнем факторе" как основной силе, определявшей социально-политическое развитие Московского государства в царствование Ивана IV и породившей опричнину. Для Виппера "...опричнина была не только взрывом мести против действительных и мнимых изменников, не только жестом ужаса и отчаяния царя, перед которым открылась вдруг бездна неверности со стороны лучших, казалось, слуг; это была также *военная реформа*, вызванная опытом новой труднейшей войны".

С. Ф. Платонов обратил внимание на аграрную опричную политику. Считая опричнину средством борьбы против "измены", ученый видел в земельных "рокировках" того времени подрыв колоссальной мощи, которой располагала боярско-княжеская оппозиция. Знать притязала на политическую власть в стране. Основанием для подобных притязаний было "...наследственное льготное землевладение в тех уделах, где предки княжат когда-то были государями..." Аристократы мечтали о своего рода соправительстве с государем всея Руси, который был одного с ними рода, к тому же уступал некоторым в "колене", то есть знатности. Соответственно государь Иван Васильевич "...решил свести княжат с их вотчин на новые места, разорвать их связи с местными обществами и таким образом подорвать их материальное благосостояние и, главное, разрушить тот устой, на котором зиждились их политические претензии и было построено социальное первенство".

Книги Р. Ю. Виппера и С. Ф. Платонова, созданные в 1920-х годах, принадлежат совершенно разным политическим школам, исполнены в разных творческих стилях, в разных исследовательских плоскостях, но у них немало общего. В частности, оба историка считают Ивана Грозного "крупной политической силой". Для обоих ученых опричнина — орудие, предназначенное к разгрому любого недовольства, всяческих попыток аристократии вмешиваться в дела правления. Только Виппера больше интересовал вопрос *зачем*, а Платонова — *как* выполняла эту свою функцию опричнина.

П. А. Садиков, большой знаток документальных источников, исследователь тонкий и, к сожалению, до конца не оцененный, предвосхитил идеи некоторых более поздних исследователей. В условиях сталинской эпохи он обязан был выражать свои концепции определенным образом. Но от этого не уменьшились ни его источниковедческое чутье, ни аналитические способности. О целях и сути опричнины он писал в следующем ключе: Иван IV готовил в начале 1560-х годов масштабные реформы государственного строя России, однако события 1564 года "сбили" подготовку. Реформы приняли "спешный и бурный характер, вылившись в форму опричнины". Их суть заключалась в создании вокруг особы царя верной дружины "телохранителей" для защиты государевой семьи "от всех возможных случайностей и опасностей" и строительстве аппарата, который обеспечивал бы дружину всем необходимым (прежде всего поместьями). Помимо этого царь произвел казни "виднейших представителей княжья" (связанных с Избранной радой и виновных в служебных упущениях или попытках перебежать в Литву), а также произвел частичную "чистку командного состава в действующих войсках". "Опричная ломка" Старицкого удела была частью плана преобразований. Подводя

итоги, историк отмечает: "Опричнина ломала решительно и смело верхушки феодального класса и поддерживала великокняжескую власть — этим, в условиях времени, она была однозначно прогрессивным историческим фактором, но в самой себе таила... острые социальные противоречия".

По мнению С. В. Бахрушина, Иван Грозный "отчетливо показал цель своей реформы": во-первых, не допустить "повторения боярско-княжеской реакции, имевшей место в 1538–1547 годах, продолжение которой Иван усматривал... и в попытках бояр, близких к Адашеву, ограничить царскую власть"; во-вторых, "укрепить оборону государства, страдавшего от отсутствия достаточной централизации в военном деле".

С. Б. Веселовский с одобрением отзывается о концепции Ключевского. Он не видит в учреждении опричнины никаких реформаторских устремлений царя Ивана IV. В частности, историк констатирует конфликт Ивана Васильевича со всем прежним государевым двором, инициированный попытками монарха убрать оттуда неугодных ему людей: "Выход из положения он нашел в том, чтобы выйти из старого двора и устроить себе новый, "особный" двор, в котором он рассчитывал быть полным хозяином... Опричный двор получил значение базы для борьбы царя со старым двором".

А. А. Зимин в целом ряде трудов формулировал главную цель опричнины как разгром сохранившихся твердынь удельного периода. В книге, написанной им совместно с А. Л. Хорошкевич, эта концепция доведена до предельной концентрации. Задачей опричнины была, как пишут авторы, "ликвидация удельно-княжеского сепаратизма". Или, в более мягкой формулировке, "ликвидация пережитков удельной раздробленности и утверждения абсолютной власти монарха". Твердынями "феодальной децентрализации", по мнению А. А. Зимина, были Старицкое княжество, Новгород Великий и, в значительной степени, полунезависимая Церковь.

В. Б. Кобрин в нашумевшей книге перестроечной поры "Иван Грозный" производит нравственный суд над русским государем. Историк приходит к печальному выводу: с одной стороны, "...вне зависимости от желаний и намерений царя Ивана опричнина способствовала централизации, была объективно направлена против пережитков удельного времени", но с другой — ее учреждение не преследовало никаких масштабных политических целей, помимо "укрепления личной власти" царя; жертвы грозненского террора не являлись необходимой платой за поступательное развитие России. Опричнина, с точки зрения Кобрина, была для страны гибельным и разорительным путем централизации. Зверства, совершенные в опричные годы, аморальны; не следует оправдывать их достигнутыми результатами, даже если кто-то считает эти результаты прогрессивными.

Р. Г. Скрынников высказывается о причинах и сути опричнины следующим образом: основная цель опричнины — "ввести в стране самодержавные порядки, утвердить неограниченную власть царя"; основной враг опричнины — "княжеские династии, происходившие из Владимиро-Суздальской земли", то есть князья Шуйские, Ростовские, Ярославские, Стародубские, Оболенские. "Суздальская знать" имела всестороннее влияние на политическое руководство страной в середине XVI столетия. В опричные годы по ней был нанесен концентрированный удар. Но уже в 1566-м и особенно 1567 году опричнина теряет антикняжескую направленность и происходит расширение конфликта: опричнине начинают сопротивляться руководители земщины из старомосковского боярства; массовый террор обусловлен целым рядом причин, не связанных с изначальными задачами опричнины.

Б. Н. Флоря пишет о потере доверия Ивана IV к собственному двору, а также о боязни измены и, следовательно, желании "отделиться" от старого двора, создав "особый" двор, способный

стать орудием борьбы с изменниками. Ученый, в частности, пишет: "...суть нового режима, установившегося в России с начала 1565 года, состояла в создании особого, подчиненного только царю двора и дворянского войска, которое было наделено особыми правами и привилегиями, размещено на особых, выделенных для этого землях и с помощью самых разных мер отгорожено незримой, но прочной стеной от всего остального дворянства страны". Исключительно важным и совершенно справедливым представляется это замечание об опричном войске.

Покойный митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн в широко известной книге "Самодержавие духа" заявил о позитивном значении опричнины. По его мнению, "...опричнина стала в руках царя орудием, которым он просеивал всю русскую жизнь, весь ее порядок и уклад, отделял добрые семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чужебесия в нравах и забвения своего религиозного долга... Даже внешний вид Александровой слободы, ставшей как бы сердцем суровой брани за душу России, свидетельствовал о напряженности и полноте религиозного чувства ее обитателей. В ней все было устроено по типу иноческой обители — палаты, кельи, великолепная крестовая церковь (каждый ее кирпич был запечатлен знамением Честнаго и Животворящего Креста Господня). Ревностно и неукоснительно исполнял царь со своими опричниками весь строгий устав церковный... Как некогда богатырство, опричное служение стало формой церковного послушания — борьбы за воцерковление всей русской жизни, без остатка, до конца. Ни знатности, ни богатства не требовал царь от опричников, требовал лишь верности". Эта книга получила широкую известность, к тому же нравственный авторитет митрополита Иоанна чрезвычайно высок до сих пор. При все том владыка Иоанн высказывался не по богословским вопросам, а по историческим, поэтому его архиерейское слово следует воспринимать в данном случае как мнение частного лица, пусть и весьма образованного и высокого духом. Эта позиция обозначена публицистически: критика источников по царствованию Ивана IV в книге довольно поверхностна. Гораздо важнее призыв смотреть на историю "очами веры", с которым нет причин спорить.

Автор этих строк, в свою очередь, видит в опричнине военно-административную реформу, притом реформу не слишком обоснованную и в итоге неудавшуюся. Она была вызвана общей сложностью управления армией в Московском государстве и, в частности, "спазмом" неудач на Ливонском театре военных действий. Опричнина представляла собой набор чрезвычайных мер, предназначенных для того, чтобы упростить систему управления (в первую очередь управления вооруженными силами России), сделать войско полностью и безоговорочно подконтрольным государю, а также обеспечить успешное продолжение войны. В частности, важной целью было создание крепкого "офицерского корпуса", независимого от самовластной и амбициозной верхушки служилой аристократии. Борьба с изменами, как иллюзорными, так и реальными, была изначально второстепенным направлением деятельности опричнины. Только с началом карательных действий по "делу" Ивана Петровича Федорова она разрослась, приобретя гипертрофированные масштабы. Произошло это лишь через три года после учреждения опричной системы! Отменили же опричнину по той причине, что боеспособность вооруженных сил России она не повысила, как задумывалось, а, напротив, понизила и привела к катастрофическим последствиям, в частности сожжению Москвы в 1571 году. Известный писатель Леонид Кудрявцев метко высказался по этому поводу: "Эксперты всегда ворчат. Царь решил обойтись без экспертов, и получилось то, что всегда в таких случаях получается..."

Был ли иной путь, более плодотворный и менее болезненный? Думается, да. Вернее всего, правы те, кто указывает на медленное, реформистское изменение социально-политической структуры как на оптимальную модель развития.

Правда, для нее нужен был второй Иван Великий, а Господь такого гения нашим предкам не

даровал...

Итак, введение опричнины датируется январем 1565 года. Предыстория указа о ее учреждении такова: в декабре 1564 года Иван Васильевич покинул Москву и отправился в поход к Троице, но на этот раз поведение государя со свитой слабо напоминало обычные царские выезды на богомолье в монашеские обители. Иван IV прилюдно сложил с себя монаршее облачение, венец и посох, сообщив, что уверен в ненависти духовных и светских вельмож к своей семье, а также в их желании "передать русское государство чужеземному господству"; поэтому он расстается с положением правителя. После этого Иван Васильевич долго ходил по храмам и монастырям, а затем принялся основательно собираться в дорогу. Царский поезд нагружен был казной, драгоценностями, множеством икон и, возможно, иных святынь. Расставаясь с высшим духовенством и "думными" людьми, государь благословил их всех. Вместе с Иваном Васильевичем уезжала его жена княгиня Мария Темрюковна Черкасская и два сына. Избранные самим царем приказные, дворяне, а также представители старомосковских боярских родов в полном боевом снаряжении и с заводными конями сопровождали его. Среди них были Алексей Данилович Басманов, Михаил Львович Салтыков, Иван Яковлевич Чеботов, князь Афанасий Иванович Вяземский. Некоторых, в том числе Салтыкова и Чеботова, государь, обобрав, отослал назад, видимо не вполне уверенный в их верности. С ними он отправил письмо митрополиту Афанасию и "чинам", где сообщал, что "...передает... свое царство, но может прийти время, когда он снова потребует и возьмет его". До сих пор все шло как великолепная театральная постановка. По всей видимости, Иван Васильевич ожидал достаточно быстрой реакции публики, то есть митрополита и "думных" людей. Играл он поначалу великолепно, но его не остановили "и в Москве, ни по дороге к Троице. Ивану IV требовалось навязать верхам общества достаточно жесткие условия грядущей реформы, но, вероятно, государь не предполагал, что игра затянется, и собирался решить поставленные задачи "малой кровью". А митрополит с "чинами" между тем не торопились звать царя назад. Должно быть, у них появились *свои* планы. Тогда государь, миновав Троицу, добирается до Александровской слободы и там затевает новый спектакль. В первых числах января 1565 года он отправляет с Константином Дмитриевичем Поливановым (в будущем видным опричным воеводой) новое письмо в Москву. Царское послание полно гневных обвинений: старый государев двор занимался казнокрадством и разворовыванием земельных владений, а главную свою работу — военную службу — перестал должным образом исполнять. "Бояре и воеводы... от службы учали удалятися и за православных крестиян кровопролитие против безсермен и против Латын и Немец стояти не похотели". А когда государь изъявил желание "понаказати" виновных, "...архиепископы и епископы и архимандриты и игумены, сложася з бояры и з дворяны и з дьяки и со всеми приказными людьми, почали по них... царю и великому князю покрывати". Не видя выхода из этой ситуации, государь "...оставил свое государьство и поехал, где веселитися, иде же его, государя, Бог наставит". Столичный посад получил от государя письмо совершенно иного содержания. На посадских людей, говорилось там, "...гневу... и опалы никоторые нет". Это была откровенная угроза церкви и служилой аристократии взбунтовать против них посад, повторив ужасный мятеж 1547 года. Видимо, угроза оказалась действенной (к тому же посад проявил активность — "биша челом" митрополиту о возвращении Ивана Васильевича на царство). В итоге из Москвы в Александрову слободу поехала огромная делегация, состоящая из архиереев, "думных" людей, дворян и приказных. В ее составе были посланцы митрополита Афанасия архиепископ Новгородский и Псковский Пимен, Чудовский архимандрит Левкий, а также виднейшие аристократы князья Иван Дмитриевич Вельский и Иван Федорович Мстиславский. Митрополит Афанасий сохранил лицо, не пожелав лично участвовать в этом балагане. После долгих уговоров и "молений... со слезами о все народе крестиянском" делегация добилась от государя обещания вернуться на царство. Но при этом Иван Васильевич выторговал себе право разбираться с государственными делами, "...как ему государю годно", невозбранно казнить изменников, возлагать на них опалы и конфисковывать

их имущество. Иными словами, он добился того, чего и желал: получил карт-бланш на любые действия от церкви, до сих пор отмаливавшей тех, кто должен был подвергнуться казням; Ивану IV достался также карт-бланш от служилой аристократии, ранее сохранявшей значительную независимость по отношению к государевой воле. Весь этот политический театр одного актера того стоил!

До наших дней не дошло самого указа о введении опричнины. Однако летопись приводит подробный пересказ его содержания. Для верного понимания того, что именно и с какими целями вводилось по воле государя Ивана Васильевича, следует прежде всего ознакомиться с этим текстом.

"Челобитье... государь царь и великий князь архиепископов и епископов принял на том, что ему своих изменников, которые измены ему государю делали и в чем ему государю были непослушны, на тех опалы свои класти, а иных казнити и животы их и статки имати; а учинити ему на своем государьстве себе опришнину, а двор ему себе и на весь свои обиход учинити особ-ной, а бояр и окольничих и дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских, и стольников, и стряпчих, и жильцов учинити себе особно. И на дворцех на сытном и на Кормовом и на Хлебенном учинити клюшников и подклюшников и сытников и поваров и хлебенников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей и на всякой обиход, да и стрельцов приговорил учинити себе особно. А на свой обиход повелел государь царь и великий князь, да и на детей своих, царевичев Иванов и царевичев Федоров обиход, городы и волости: город Можаеск, город Вязьму, город Козелеск, город Перемышль два жеребья, город Белев, город Лихвин обе половины, город Ярославец и с Суходровью, город Медынь и с Товарковою, город Суздаль и с Шуею, город Галич со всеми пригородки с Чюхломою и с Унжею, и с Коряковым, и з Белогородьем, город Вологду, город Юрьевец Повольской, Балахну и с Узолою, Старую Русу, город Вышегород на Поротве, город Устюг со всеми волостьми, город Двину, Каргополе, Вагу; а волости: Олешню, Хотунь, Гусь, Муромское сельцо, Аргуново, Гвоздну, Опаков на Угре, Круг Клинской, Числяки, Ординские деревни и стан Пахрянской в Московском уезде, Белгород в Кашине, да волости Вселун, Ошту, Порог Ладошской, Тотьму, Прибужь. И иные волости государь поймал кормленым окупом, с которых волостей имати всякие доходы на его государьской обиход, жаловати бояр и дворян и всяких его государевых дворовых людей, которые будут у него в опришнине; а с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьской обиход, и иные городы и волости имати. А учинити государю у себя в опришнине князей и дворян, и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов, и поместья им подавал в тех городах с одново, которые городы поймал в опришнину. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то место в ыных городех, понеже опришнину повеле учинити себе особно. На двор же свой и своей царице великой княгине двор повеле место чистити, где были хоромы царицы и великой княгини, позади Рожества Пречистые и Лазаря Святаго, и погребы и ледники и поварни все и по Курятные ворота; такоже и княже Володимерова двора Ондреевича место принял и митрополича места. Повеле же и на посаде улицы взяти в опришнину от Москвы реки: Чертольскую улицу и з Семчинским сельцом и до всполия, да Арбацкую улицу по обе стороны и с Сивцевым Врагом и до Дорогомиловского всполия, да до Никицкой улицы половину улицы, от города едучи левою стороною и до всполия, опричь Новинского монастыря и Савинского монастыря слобод и опричь Дорогомиловские слободы, и до Нового Девича монастыря и Алексеевского монастыря слободы. А слободам быти в опришнине: Ильинской, под Сосенками, Воронцовской, Лыщиковской. И которые улицы и слободы поймал государь в опришнину, и в тех улицах велел быти бояром и дворяном и всяким приказным людям, которых государь поймал в опришнину. А которым в опришнине быти не велел, и тех ис всех улиц велел перевести в ыные улицы на посад. Государство же свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские, приказал ведати и делати бояром

своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитреевичу Белскому, князю Ивану Федоровичу Мстисловскому и всем бояром; а конюшому и дво-ретцскому и казначеем и дьяком и всем приказным людем велел быти по своим приказом и управу чинити по старине, а о больших делех приходити к бояром. А ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходити ко государю, и государь приговор яз бояры, тем делом управу велит чинити. За подъем же свои приговорил царь и великий князь взяти из Земского приказа сто тысяч рублев; а которые бояры и воеводы и приказные люди дошли за государьские великие измены до смертные казни, а иные дошли до опалы, и тех животы и статки взяти государю на себя".

Прежде всего: о казнях изменников тут сказано совсем немного. Ни о каких массовых репрессиях речь не идет. Да, царь получает полную волю в определении того, кто должен пойти на плаху, кто изменник, и даже Церковь теряет право "печалования". Но этим правом на протяжении первых лет опричнины монарх пользуется нечасто. Нет никаких "волн казней". Даже после введения опричнины, когда, казалось бы, для Ивана IV наступило удобное время, чтобы расправиться с политическими противниками, он отправляет на смерть лишь пятерых аристократов: князя Александра Борисовича Горбатого с сыном его Петром, окольничего Петра Петровича Головина, князей Ивана Ивановича Сухого-Кашина и Дмитрия Андреевича Шевырева. Многие лишились вотчин, отправились в ссылку, некоторых насильно постригли в монахи. Но все эти действия, даже взятые в совокупности, еще никак не свидетельствуют о том, что опричнине планировалось придать характер "машины репрессий", карательного аппарата.

Что приобретает царь, помимо свободы казнить тех, кого сочтет изменниками?

Прежде всего он отделяет то, что подчиняется непосредственно ему — во всем и без какого бы то ни было исключения, — от того, что подчиняется "Московскому государству" во главе с боярами, которые обязаны по важнейшим вопросам советоваться с государем, но в прочих случаях "ведают и делают" земские дела.

Фактически в составе России появляется государев удел, царский домен, полностью выведенный из-под контроля высших родов служилой знати. Прежде всего из-под контроля княжат. На территории этого удела царь перестает опираться, как на "живой инструмент", на высшую аристократию, которая прежде по необходимости присутствовала везде и во всем. Монарх получает, таким образом, самостоятельный военно-политический ресурс, коим может управлять прямо, без посредников.

Здесь у него будет собственная служилая корпорация, которую царь наберет сам, с помощью немногих доверенных лиц, никак не принимая в расчет интересы княжат. Здесь у него будет собственная Дума, чья компетенция распространится на земли удела, а с годами расширится и захватит львиную долю важнейших "земских", то есть общегосударственных дел. Здесь у него будет собственная армия; основой вооруженных сил опричнины станет новый "офицерский корпус" из 1000 голов, также отобранных без учета интересов высшей аристократии. Здесь у царя сконцентрируются запасы, предназначенные для расхода на опричных служилых людей. И все это станет управляться из особой резиденции ("двора") вне Кремля.

В дополнение к прочему, Иван Васильевич берет из общегосударственной казны "на подъем" колоссальную сумму — 100 000 рублей. По тем временам большой каменный храм строился на 1000 рублей…

Резюмируя, отметим самое главное: царь обретает полностью подконтрольную и в материальном смысле превосходно обеспеченную воинскую силу. Он может использовать ее

для перелома в военных действиях на литовско-ливонском фронте, а может просто защититься ею от "внутреннего врага".

Стоит подчеркнуть одно немаловажное обстоятельство: до 1567 года в опричной армии и в опричных органах управления не появится ни единого представителя знатнейших родов княжат. Титулованная знать была представлена в опричнине с первых месяцев ее существования — но лишь второстепенными и третьестепенными семействами.

В 1567 году там оказался... один князь. Василий Иванович Темкин-Ростовский. Но его возвышение происходило медленно и трудно. Ему пришлось крепко постараться, завоевывая доверие государя. Да и с появлением Темкина в высших ярусах опричнины социальное лицо ее ничуть не изменилось. На протяжении долгого времени князь представлял собой исключение из общего правила.

А правило гласило: *высокородным княжатам на верхи опричнины путь заказан.* В опричную Думу и в воеводский корпус опричных вооруженных сил их не брали. Туда рекрутировались представители старинных московских боярских родов, небольшое количество худородных выдвиженцев и несколько семейств из среды второстепенной титулованной знати.

Этот порядок сохранялся весьма долго: от основания опричнины до первых месяцев 1570 года. Впоследствии он был нарушен. О причинах его падения речь пойдет ниже. Но до того — целых пять лет! — опричнина в принципе обходилась без княжат "первого ранга".

Выходит, царь постарался избежать участия самой богатой и самой влиятельной социальной группы в России. Подрубить ее права на занятие ключевых государственных и военных должностей, опираясь на другие социальные слои. Это как минимум давало ему союзников, готовых помочь в "перетягивании каната" со сливками княжат. Ведь успех опричнины обеспечивал им все шансы на служебное возвышение!

Таким образом, великому множеству нетитулованных аристократов и дворян родом поплоше опричнина вовсе не казалась каким-нибудь мрачным мистическим монстром с застенками в каждом подвале. Отнюдь! Она представлялась новой служилой иерархией с многообещающими "правилами игры".

Разбираясь в механизме работы опричнины, следует с полной ясностью понимать: многие смотрели на нее как на "поле чудес".

Во всяком случае, так было сначала...

И если взглянуть на опричнину как на проект масштабной военно-политической реформы, то *сначала* он выглядел разумной системой мер, в основу которой положена логика политической борьбы. Вот только претворение опричного проекта в жизнь вызвало мощнейший кризис, перед лицом которого все проблемы 1564 года кажутся сущей мелочью.

Ведь важно не только *что* делает высшая власть, но и *как* она это делает.

События конца 1564 — начала 1565 года представляют собой важнейший рубеж в биографии государя. До того он смирялся с ограничениями, которые накладывала на него тяжелая, но благодатная роль православного царя, главного столпа традиции в державе. Эта роль обременительна для кого угодно, но большинство наших монархов времен Московского государства с честью несли ее тяготы от восшествия на престол до самой смерти. А вот Иван IV этого груза не выдержал и пожелал скинуть его. Предопричное лицедейство и есть акт ритуального отказа от традиционной роли, от "правильной прописки" в рамках русской

цивилизации. Оно свидетельствует и о нетвердой нравственности Ивана Васильевича, и о странной религиозности, сильной лишь внешней своей стороной…

Таубе и Крузе, оставившие свидетельство о начале опричнины, отметили одну любопытную деталь: Иван IV прибыл в Москву из Троицы "…с таким извращенным и быстрым изменением своего прежнего облика, что многие не могли узнать его. Большое изменение, между прочим, внесло то, что у него не сохранилось совершенно волос на голове и в бороде, — их сожрала и уничтожила его злоба и тиранская душа". На этот нюанс многие исследователи обращали внимание, делая далеко идущие выводы. Дескать, Иван IV не был уверен в успехе своего предприятия. Дескать, он очень волновался, был то ли на грани помешательства, то ли уже за гранью. Дескать, это был драматичный момент в биографии монарха. Правда же состоит в том, что правильно истолковать данную информацию невозможно. Если борода и волосы *действительно* исчезли и это не выдумка Таубе и Крузе, то их пропажа может быть в равной степени как свидетельством сильных эмоций или следом сражений со вшами, так и элементом "постановки", с помощью которого Иван Васильевич хотел показать "публике": "В моей судьбе кое-что произошло, а теперь и вам следует ожидать приход новой жизни".

Если посмотреть на ситуацию с точки зрения идеального функционирования русской цивилизации, события 1565 года выглядят просто безобразно. Наша аристократия проявила небывалую жадность и необыкновенное неуважение к Церкви в 30-х и 40-х годах XVI столетия. В первой половине 1560-х годов она обнаружила также военную слабость и недостаток энергии в решении насущно важных задач. Будучи мощным столпом традиционного общественного устройства, знать принялась эгоистично раскачивать русский дом. Государь не нашел ничего лучшего, как только разыграть политический балаган, добиваясь всенародного разрешения казнить направо и налево и переделывать военно-административную сферу, как ему заблагорассудится, поскольку лучших способов выхода из сложившейся ситуации он найти не смог. Церковь, исполняя вечную свою роль милосердной матери для русского общества, печаловалась за тех, кому грозила смерть, но вдруг отступилась от своего исконного права, стоило лишь святому Макарию покинуть ее… Видимо, Россия слишком долго жила благополучной жизнью и пользовалась милостью Божьей, постепенно развращаясь. Духовная твердость покинула русское общество. Кажется, оно обленилось и в нравственном, и в религиозном смысле. Наша знать достойна была вразумления плетьми, царь — ведра ледяной воды, а Церковь… автор этих строк хотел бы удержаться от оценок.

Так или иначе, государь Иван Васильевич активно занялся устройством опричнины.

Для постройки Опричного дворца (или, иначе, Опричного двора) — главной политической резиденции государева "удела" — было снесено множество зданий на Неглинной, напротив Кремля. Московский Опричный дворец располагался в том месте, где соединяются улицы Воздвиженка и Моховая; точно определил его положение дореволюционный историк И. Е. Забелин. Все пространство, отданное под постройку, было окружено высокой стеной с тремя воротами. На сажень она состояла из тесаного камня, и еще на две сажени — из кирпича. Рядом с дворцом располагались, по всей видимости, казармы опричной стражи ("особый лагерь", по Шлихтингу, изложенному в не очень точном переводе). Видимо, общая численность московского опричного отряда, охранявшего царя, составляла 500 человек. Северные ворота играли роль парадных. По свидетельству Генриха Штадена, они были окованы железными полосами и покрыты оловом. Сторожил их засов, закрепленный на двух мощных бревнах, глубоко врытых в землю. Украшением ворот служили два "резных разрисованных льва" (вместо глаз у них были вставлены зеркала), а также черный деревянный двуглавый орел с распростертыми крыльями, обращенный "в сторону земщины". На шпилях трех главных палат также красовались орлы, повернутые к земщине. Опричный дворец был надолго обеспечен всем необходимым; значительную часть его территории занимали хозяйственные постройки:

поварни, погреба, хлебни и мыльни; "над погребами были сверху надстроены большие сараи с каменными подпорами из досок, прозрачно прорезанных в виде листвы..." Поскольку строительство производилось на сыром месте, двор пришлось засыпать песком "на локоть в вышину". Даже церковь поставили на сваях. Главная палата размещалась напротив восточных ворот, в нее можно было войти по двум лестницам (крылечкам). Перед лестницами высился помост, "...подобный четырехугольному столу; на него всходил великий князь, чтобы сесть на коня или слезть с него. Эти лестницы поддерживались двумя столбами, на которых покоилась крыша и стропила. Столбы и свод украшены были резьбой под листву. Переход шел кругом всех покоев и до стен. Этим переходом великий князь мог пройти сверху от покоев по стенам в церковь, которая стояла на восток перед двором, вне ограды..."

Московский Опричный дворец погиб в огне в 1571 году, когда крымский хан Девлет-Гирей спалил Москву. Но помимо этой царской резиденции в разное время строились и иные: в Старице, Вологде, Новгороде. На территории Александровской слободы Опричный дворец стали возводить, по всей видимости, одновременно с московским или вскоре после него. Иван Васильевич переехал туда из Москвы не ранее второй половины 1568 года и не позднее марта 1569 года. В московском дворце Иван IV провел относительно немного времени. Зато Александровская слобода, а позднее Старица на долгие годы становились настоящими "дублерами" русской столицы. Часть сооружений опричной поры сохранилась там до наших дней.

К несколько более позднему времени относятся известия о странном мистическом ордене, основанном царем из опричной "гвардии". Немцы-опричники Таубе и Крузе, впоследствии ставшие изменниками, сообщают: "Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это обозначает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны". Сведения полностью подтверждаются русскими источниками; до наших дней дошло даже изображение конного опричника с метлой и собачьей головой. Кроме того, опричники должны были носить грубые и бедные верхние одежды из овчины наподобие монашеских, зато под ними скрывалось одеяние из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху.

Иван IV образовал из опричного ополчения нечто вроде религиозного братства. В него вошло около 500 человек, по словам тех же Таубе и Крузе, "...молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней". Опричное братство оценивали очень по-разному. Основным источником информации о его истории является послание Таубе и Крузе польскому гетману Яну Ходкевичу, памятник противоречивый и далеко не столь достоверный, как, например, записки английских послов Ченслора и Дженкинсона. Однако ничего лучшего в распоряжении историка нет: "Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний. Из последующего видно, каковы были причины и основание этого братства. Прежде всего монастырь или место, где это братство было основано, был ни в каком ином месте, как в Александровской слободе, где большая часть опричников, за исключением тех, которые были посланцами или несли судейскую службу в Москве, имели свое местопребывание. Сам он был игуменом, князь Афанасий Вяземский — келарем, Малюта Скуратов — пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе со своими сыновьями и пономарем. Рано утром... должны были все братья быть в церкви; все не явившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно, высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к 8 дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас появиться. Там он снова занимается пением,

пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к столу, и каждому подается еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда, и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим, и, как большей частью случалось, это приносилось домой. Когда трапеза закончена, идет сам игумен ко столу. После того, как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенок, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытать или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость. И есть свидетельство, что никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках до восьми часов. И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую, или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву… После этого идет он ко сну в спальню, где находятся три приставленных к нему слепых старика; как только он ложится в постель, они начинают рассказывать ему старинные истории, сказки и фантазии, одну за другой. Такие речи, согласно его природе или постоянному упражнению, вызывают его ко сну, длящемуся не позже чем до 12 часов ночи. Затем появляется он тотчас же в колокольне и в церкви со всеми своими братьями, где остается до трех часов, и так поступает он ежедневно по будням и праздникам. Что касается до светских дел, смертоубийств и прочих тиранств и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Все, что приходило ему в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви; и те, кого он приказывает казнить, должны прибыть как можно скорее, и он дает письменное приказание, в котором указывается, каким образом они должны быть растерзаны и казнены; этому приказанию никто не противится, но все, наоборот, считают за счастье милость, святое и благое дело выполнить его… Все братья и он прежде всего должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками… а также длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть…" Некоторые из фактов, упомянутых Таубе и Крузе, подтверждаются иными источниками, например обширным известием об опричных годах в Пискаревском летописце.

Само существование опричного братства — явление кратковременное. Оно не могло появиться ранее окончательного переезда Ивана IV в слободу (вторая половина 1568 года) и вряд ли пережило период, когда казни обрушились на само опричное руководство (первая половина — середина 1570 года) и ушел из жизни в том числе "келарь" князь Афанасий Иванович Вяземский. Его кончине предшествовали долгие избиения ("правеж"), в ходе которых князь должен был расстаться по частям со всем своим имуществом. В дальнейшем, кстати, на протяжении нескольких лет (до 1575 года) не было и массовых казней, а то, что описывают Таубе и Крузе, относится ко времени масштабного террора. Всего, таким образом, не набирается и трех лет существования опричного братства. Но 2,5–3 года — это наиболее расширительное толкование. На самом деле, быть может, вся история странного Слободского ордена (так удобнее всего называть эту организацию) насчитывает несколько месяцев, а то и недель. Ведь Иван Васильевич провел значительную часть того периода в разъездах: бывал подолгу в Москве, ездил по вотчинам Федорова, занимаясь их разгромом, несколько месяцев провел в походе на Новгород и другие северные области, принимал опричный военный смотр в Старице, выезжал на юг "по крымским вестям". Что же остается? Твердо можно говорить о нескольких месяцах в середине 1569 года (до Новгородского похода), а также о первой половине 1570-го (после возвращения из него). По всей видимости, именно тогда, в 1569 или 1570 году, и существовал Слободской орден.

В разное время историки и публицисты считали Слободской орден то своего рода "сверхмонастырем", то, напротив, изощренным кощунством над православными церковными

устоями, то мистической организацией самого темного, чуть ли не сатанинского характера. Я. Н. Любарский и С. В. Алексеев обратили внимание на некоторое сходство обычаев, заведенных Иваном Васильевичем в слободе, с шутовским собором византийского императора Михаила III Пьяницы. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) находил опричное сборище истинно православным по духу. Д. М. Михайлович видел в Слободском ордене эзотерическую организацию, недружественную по отношению к православной церкви, и связывал ее возникновение с деятельностью на территории Московского государства вестфальского лекаря, астролога, отравителя и мага Елисея (Элизиуса) Бомелия, появившегося в нашей стране как раз летом 1570 года; помимо этого, Михайлович указывает на антицерковный характер опричной политики и считает возможным принятие русским государем эзотерического посвящения от Бомелия. Высказывались догадки о сходстве ордена с тайными инквизиционными трибуналами, то есть наследием Торквемады. Некоторые историки сомневаются в достоверности сообщения Таубе и Крузе об опричном братстве. Автор этих строк решительно отказывает в какой бы то ни было связи между христианством и ассасинами в монашеских одеяниях. За скудостью источников трудно определить, тянется ли в слободу какая-либо эзотерическая ветвь из Европы. Возможно, царь-актер воздвиг для себя идеальную "сцену", не имея далеко идущих мистических соображений. Он использовал для лицедейства храм — идеальную по тем временам площадку для театральных представлений, с отличной акустикой и роскошными декорациями. Ведь приказания по государственным делам отдавались нм в церкви — зачем? Возможно, из-за того, что государю они виделись частью "роли".

Попытки проследить историю Слободского ордена напоминают блуждание в потемках. Историк имеет слишком мало информации о нем и должен бы положить перо, воздерживаясь от категоричных выводов. Нет ни единого достойного доверия метода, с помощью которого можно определить, во-первых, где лгут, а где говорят правду Таубе и Крузе, а во-вторых, с какой целью государь Иван Васильевич создал Слободской орден.

Через несколько месяцев после утверждения опричнины был произведен первый набор служилых людей в опричную армию и государев двор. А осенью 1568 года опричные боевые отряды впервые появились на поле сражений — под Болховом. Их двинули вместе с земской армией против крымского хана.

Историки XX столетия, со времен С. Ф. Платонова, много писали о земельной стратегии опричнины и даже искали в ней разгадку сути той диковинной политической конструкции, которую создал Иван IV. Но замечали в основном ее отрицательный аспект. Характерные выражения, присущие многим историческим исследованиям этого периода: "перераспределение земель в годы опричнины было направлено против..." или "опричная аграрная стратегия ориентирована на подрыв..."

Действительно, огромные территориальные владения были реквизированы по велению Ивана Васильевича во второй половине 1560-х годов, а в 1570-х эта политика знала "рецидивы". И, спору нет, при этом ощутимые потери понесли крупные вотчинники, относящиеся к видным княжеским родам.

Но у опричных преобразований, связанных с земельной собственностью, основным был, думается, все-таки позитивный аспект. Иными словами, прежде всего важно, *для какой цели* реквизировались земельные владения у прежних хозяев, а не *против кого* были направлены все эти меры. Между тем сокращенная версия указа об учреждении опричнины, помещенная в официальной летописи, дает ясное представление о том, каковы приоритеты опричной политики в этом направлении: "...а учините государю у себя в опришнине князей и дворян, и детей боярских дворовых, и городовых 1000 голов, *и поместья им подавал в тех городех с*

одново, которые городы поймал. А вотчинников и помещиков, которым не быти в опришнине, велел ис тех городов вывести и подавати земли велел в то месго в ыных городех, понеже опришнину повеле учините себе особно". Иными словами, первейшая и главная цель опричной аграрной политики состоит в обеспечении служилых людей государева корпуса поместьями. Очевидно, речь идет о том, чтобы дать опричной братии лучшие земельные владения в Московском государстве. Никакая социальная группа не выдвинута на роль "донора". Та же княжеская аристократия нигде не названа как приоритетный объект реквизиций. А монография В. Б. Кобрина "Власть и собственность в средневековой России" показала, что политика отчуждения поместий и вотчин не имела специальной антикняжеской направленности и не привела к подрыву княжеского землевладения в России. Землю, таким образом, забирали там, где ее удобно было забрать. Важно было наилучшим образом обеспечить новорожденное опричное войско, а не обидеть или разорить кого-то при этом.

Р. Г. Скрынников писал о массовой казанской ссылке тех, кто потерял в опричном секторе свои вотчины и поместья. В частности, историк отмечал обилие аристократов, служивших по княжеским спискам, указывал на значительное количество крупнейших и самых родовитых представителей знати, связанной с Владимиро-Суздальской землей. Но во-первых, помимо богатейших аристократов высланы были совершенно незаметные. Зачем? К чему по ним-то "наносить удар"? И во-вторых, казанских ссыльных довольно быстро вернули на территорию коренных русских уездов. Если бы надо было "нанести удар" по ним — так сгноили бы их на казанских землях. Нет, по всей видимости, государь все-таки нуждался в их военно-административных услугах и не собирался сводить под корень старинные рода. Впоследствии многие из них еще при жизни Ивана Васильевича получили назад свои владения или обрели новые, взамен прежних. Дело здесь, вероятно, не в каких-то особенных, требующих насильственного разрыва сопряжениях старых княжеских семейств с землями, на которых они жили, или "связях с местными обществами", как писал С. Ф. Платонов. Просто прежних землевладельцев надо было убрать с тех мест, где предполагалось воцарить опричников, — чтобы не мешали обустройству новых помещиков, чтобы, не дай бог, не делали попыток оказать сопротивление. Их и убрали под Казань — от греха подальше. По большей части произошло следующее: в 1565 году людей выслали на окраину страны, а уже в 1566 году вернули обратно в центр.

О многом говорит географическое расположение опричных владений. В соответствии с указом о введении опричнины, ее территорией стали земли на Русском Севере, в том числе Беломорское побережье, Подвинье, Важская земля, а также огромная область в треугольнике, вершинами которого стали Соль Вычегодская, Каргополь и Вологда; значительные территории в самом центре Московского государства — Вязьма, Можайск, Козельск, Перемышль (частично), Белев, Лихвин, Ярославец, Медынь, Суздаль, Шуя, Галич, Юрьевец Повольский, Балахна, Старая Русса; огромные анклавы под Москвой, в районе Кашина и Клина; обширная часть самой столицы. Позднее, по сообщению немцев-опричников Таубе и Крузе, Ростов и Белоозеро были присоединены к опричному "уделу" государя. Не так давно были найдены фрагменты хроникального характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания. Там содержалась информация, согласно которой в январе 1569 года Ростов и Ярославль были взяты в опричнину. Видимо, присоединение Белоозера произошло тогда же. Известно, что в состав опричных владений попали также Кострома, Пошехонье, Переяславль-Залесский, Старица, Бежецкий Верх, восточное Приладожье и все Прионежье. На закате опричнины туда взяли часть Новгорода Великого.

Если нарисовать карту опричного "удела", то прежде всего придется полностью заштриховать почти все северные области страны. Затем окажется отмеченной вся северная часть старинного Владимиро-Суздальского княжества, каким оно было в XIII столетии. Если все

остальное представить себе в виде мишени, а Москву поместить в "яблочко", то набор опричных анклавов будет напоминать след от выстрела крупной дробью в самый центр мишени.

С северными землями все более или менее понятно. Естественно стремление Ивана Васильевича пользоваться доходами от таможенных пошлин, промыслов, а также контролировать важный торговый маршрут из Европы в Россию вокруг Скандинавского полуострова — он был в середине 50-х годов XVI столетия открыт для европейского мореплавания экспедицией англичан Хью Уиллоуби и Ричарда Ченслора. Север становился для опричнины неиссякающей денежной бочкой. Испомещать кого-то на землях слабо освоенных, со сравнительно неразвитым землевладением, вряд ли было целью включения северных областей в состав опричной территории.

Когда-то автор этих строк допустил легкомысленное утверждение, что в опричнину были взяты "стратегически важные" земли, то есть города, составляющие узловые пункты обороны страны и опорные базы для наступления в Ливонии. Имелись в виду Вязьма, Вышгород, Старая Русса. Это ошибка. Напротив, 99 процентов приграничной территории, то есть тех же "стратегически важных" земель, попало в земщину. Ивана Васильевича слабо интересовала Рязанщина, регулярно разоряемая татарами; не нужны ему были Псков с пригородами, Смоленск, Рославль, Стародуб и Чернигов, составлявшие ожерелье оборонительных твердынь нашего западного рубежа. Государь не проявил интереса к огромной территории, лежащей южнее Одоева и Белева, — области, в наибольшей степени подверженной угрозе крымских набегов. Ему не понадобилась северо-западная, западная и южная Новгородчина, бедная хлебом, зато максимально близкая к шведско-литовскому фронту. Парадоксально, но факт: опричнина должна была защитить государя и страну, а земщина защищала... опричнину. Фактически земские территории представляли собой "доспехи", надетые на тело опричнины.

Другое дело — центр, козельские, тверские и ростово-суздальские земли. Они отличались плодородием, издревле осваивались, были густо заселены и представляли собой золотой фонд русской пашни. Кроме того, перечисленные области располагались относительно недалеко от главных опричных резиденций Ивана Васильевича — Александровской слободы и Московского дворца. А значит, по идее у командования появилась возможность быстро собирать опричную армию в кулак.

Таким образом, речь идет о полномасштабном выполнении реформы, задуманной намного раньше: испомещении в центральных, наиболее близких к Москве и наиболее освоенных областях "избранной тысячи". Что касается действительных, иными словами документально подтвержденных, фактов получения опричным "офицерским корпусом" значительных поместий на реквизированных землях, то их известно немало, и ни у кого они не вызывают сомнений. Испомещались даже иностранцы-опричники, подтверждением чего служит сообщение немца-опричника Генриха Штадена о пожаловании ему поместий под Москвой и в районе Старицы. После того как опричное войско и опричную администрацию упразднили, была совершена земельная "рокировка": те, кто еще мог претендовать на возврат земельных владений, отобранных в первые годы опричнины, частично получили их назад.

Опричнина явно не была нацелена на создание "дружины" царских "телохранителей". Для этого вполне хватало нескольких сотен бойцов, охранявших царскую семью в Опричном дворце. Не будь опричнины, с подобными задачами справились бы один-два стрелецких приказа, состоявших из служилых людей по прибору с незначительным количеством дворян на офицерских должностях. На худой конец, такого рода гвардией могла бы стать команда наемников. При дворах европейских монархов нередко караул несла стража, набранная из иностранцев, например шотландцев и швейцарцев. Как минимум в последние годы жизни Иван

IV сделал то же самое: в его распоряжении был отряд из 1200 иностранных солдат, в том числе тех же шотландцев с Джимми Лингетом во главе. Упоминаются служилые "немцы" и в русских разрядах 1570-х годов. Таким образом, цели опричнины были шире убережения царя от заговоров и покушений. Прежде всего речь шла о создании особой армии — наилучшим образом укомплектованной, вооруженной, легко управляемой, с командными кадрами, всецело преданными царю. А значит, обеспечение столь значительного количества служилых людей должно было потребовать масштабных перестановок в землевладении. Именно это происходило в массовом порядке: вотчины и поместья стремительно меняли хозяев.

Как уже говорилось, крайне маловероятно изначальное предназначение опричнины для террора против непокорной аристократии, тех же княжат, потомков удельных владык. Во-первых, массового террора в первые годы опричного периода не было. По источникам известно несколько казней, а также ряд убийств, которые могли произойти бессудно и без объявления вины — по одному лишь велению царя. Но до Новгородского разгрома 1570 года все репрессии могли осуществляться сравнительно небольшим числом опричников, например той же царской охраной, состоявшей из нескольких сотен человек. Лишь поход в северные земли — Клин, Вышний Волочёк, Новгород Великий, Псков, Торжок, Тверь — потребовал значительных сил. Из этой картины совершенно выпадает опричное войско, целые полки которого выходили против ливонцев и татар. Полки, а не "пятьсот телохранителей"! По самым скромным подсчетам войско должно было достигать 5000–6000 бойцов. Для осуществления террористической деятельности, отдельные акты которой размазаны по семи годам опричной эпохи, как масло по хлебу, это явно слишком много. Так что версию о "полицейском корпусе" приходится отклонить, заодно с идеей о создании "нового двора" для борьбы со "старым".

Помимо богатых земель и новых возможностей для карьеры, опричники получили обширные судебные привилегии.

Английский дипломат Джильс Флетчер, побывавший на русской территории в 1588–1589 годах, сообщает: "...разделил он [Иван IV] своих подданных на две части, или партии, разъединив их совершенно между собой. Одни из них были названы им опричными, или отборными, людьми. К ним принадлежали те из лиц высшего сословия и мелких дворян, коих царь взял себе на часть, чтобы защитить и охранять их как верных своих подданных. Всех прочих он назвал земскими, или общими. К земским относятся простой люд и те дворяне, которых царь думал истребить как будто бы недовольных его правлением и имеющих против него замыслы. Что касается опричников, то он заботился, чтобы они своим числом, знатностью, *богатством*, вооружением и прочим далеко превосходили земских, коих он, напротив, как бы лишил своего покровительства, так что если бы кто из них был ограблен или убит кем-нибудь из опричников, которых он причислял к своей партии, то нельзя уже было получить никакого удовлетворения ни судом, ни жалобой царю". Допустим, Флетчер писал это через два с лишним десятилетия после того, как была учреждена опричнина, к тому же писал в виде политического памфлета, недоброжелательного по отношению к России. Англичанин мог и ошибаться, и пускаться в публицистические передергивания. Допустим, никакие источники по истории опричнины не позволяют предположить, что она когда-либо предназначалась для полного истребления земских дворян. Но свидетельство Флетчера о судебной "неуязвимости" опричников перед земскими людьми находит подтверждение у другого автора.

Уже упоминавшийся Генрих Штаден оставил мемуары о своей службе в опричнине. Это источник совершенно не зависимый от Флетчера. С первых лет опричного режима Штаден сохранил знаменитую фразу Ивана IV, отправленную в органы судопроизводства: "Судите праведно, наши виноваты не были бы"! Это отражает обстановку, действительно сложившуюся во второй половине 1560-х годов. По сравнению с земскими, опричники имели огромное преимущество во всякого рода расследованиях и тяжбах.

Но если, как полагает автор этих строк, основной задачей опричной реформы было укрепление вооруженных сил, по каким причинам все-таки был развязан масштабный террор?

По всей видимости, он стал инструментом борьбы с недовольством опричными порядками, постепенно усиливавшимся в русском социуме.

Летом 1566 года государь Иван Васильевич созвал Земский собор, решавший судьбу Ливонской войны. Царь желал продолжить ее и довести до победного конца. Собор не стал ему перечить: собор вообще прошел как идеально отрепетированный спектакль…

Война длилась уже много лет, стоила дорого и в финансовом, и в человеческом смысле, высшей служилой аристократии она не была нужна. Но дворянство рассчитывало получить поместья на богатых, хорошо освоенных землях Прибалтики, да и государь ждал приращения новых территорий. В сущности, несмотря на поражение 1564 года, враг не сумел добиться решающего перевеса. Полоцк, Нарва, Юрьев Ливонский, многие другие города и крепости оставались под контролем наших войск. Дальнейшая борьба могла обернуться как угодно.

Из наших дней события 1566 года видятся через призму страшного поражения, постигшего Московское государство в конце 1570-х — начале 1580-х годов. Разгром за разгромом, падение Полоцка, Великих Лук… и замечательная стойкость Пскова, чудом спасшая Россию от полного военного краха. Кажется: остановись государь раньше, когда в его распоряжении еще была несокрушимая вооруженная мощь, когда держава еще не успела истощить экономический ресурс, когда великие твердыни еще оставались в наших руках, — какое благо принес бы он своему народу! Но все это из области альтернативной истории. Если бы да кабы… Увидеть из 1566-го страшный закат войны за Ливонию не мог никто из русских политиков, и царь в том числе.

Итак, собор пошел навстречу воле государевой: будем сражаться!

Вот только ход собора омрачили два неудобных обстоятельства. Во-первых, отсутствовал митрополит, который оставил кафедру, сославшись на немощь. Пустующее митрополичье место немо свидетельствовало: нет мира между царем и Церковью. Во-вторых, по завершении собора три сотни дворян приступили к монарху с просьбой отменить опричнину. Их коллективная челобитная гласила: "Не достоит сему быти".

Как чувствовал себя тогда Иван Васильевич? Он добился всего, чего хотел, *внутри страны*. Русский мир подтвердил согласие с волей царя. Оставалось нанести удар внешнему неприятелю да разгрызть крепкий ливонский орех. А тут — такая неожиданность! Массовое выступление — нет, не посадских людей, которые буйством своим привели его в ужас два десятилетия назад, в 1547-м, — а самих дворян, кои составляли основу военной силы нашей. Это всё профессионалы войны. Всё вооруженные воины. И если они не пошли на заговор и мятеж, так это большое везение… Надо полагать, земля дрогнула перед глазами Ивана Васильевича. Царь-актер наилучшим образом "отыграл" Земский собор, добился вроде бы успеха; публика рукоплещет. Все шло превосходно, как вдруг… самая сильная и опасная часть этой самой публики заявила, что ей не по нраву суть игры.

О событиях тех дней известно крайне мало.

Царь пришел в ярость, велел схватить зачинщиков и казнить их. Голов лишились трое лидеров антиопричной оппозиции: князь Василий Федорович Рыбин-Пронский, Иван Михайлович Карамышев и Крестьянин Степанович Бундов. Возможно, вместе с ними предали смерти и других "активистов" из числа челобитчиков, но тут свидетельства источников менее надежны.

Неоспорима казнь всего нескольких лидеров оппозиции. Кое-кто из ближайших сторонников обезглавленной троицы отведал палок, остальных держали под замком несколько дней, а потом отпустили.

Возможно, последствия для них были бы гораздо более тяжкими, но, надо полагать, от горших бед челобитчиков спасло появление в Москве митрополичьего преемника. Им стал Филипп, игумен Соловецкой обители. Считанные недели отделяли его восхождение на митрополичью степень от выступления противников опричнины на соборе. Филипп, один из величайших русских святых, прошел долгую монашескую школу в краях суровых и скудных всем, кроме разве только иноческого благочестия. Он никогда не жаловал опричнину, и по восшествии на митрополичью кафедру резко высказался против нее. Игумен соловецкий потребовал от царя "...чтоб царь и великий князь отставил опришнину. А не отставит царь и великий князь опришнины, и ему в митрополитех быти невозможно. А хоши его и поставят в митрополиты, и ему за тем митрополья оставити; и соединил бы воедино, как преже того было. И царю и великому князю со архиепископы и епископы в том было слово, и архиепископы и епископы царю и великому князю били челом о его царьском гневу. И царь и великий князь гнев свой отложил, а игумену Филиппу велел молвити свое слово архиепископом и епископом, чтобы игумен Филипп то отложил, а в опришнину и в царьской домовой обиход не вступался, а на митрополью бы ставился. А по поставленье бы, что царь и великий князь опришнины не отставил и в домовой ему царьской обиход вступатися не велел, и за то бы игумен Филипп митрополъи не отставиливал, а советовал бы с царем и великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцем его великим князем Васильем и с дедом его великим князем Иваном".

Это значит: царь гневался, но вынужден был пойти на уступки. Филипп, став митрополитом, обещал не заниматься опричными делами и монаршим домашним обиходом. Но взамен он получил от государя обещание "советовать... как прежние митрополиты советовали". Иначе говоря, глава Русской церкви опять мог входить к монарху с "печалованием" об опальных, с советом простить их и помиловать. И на первый раз, думается, он посоветовал Ивану Васильевичу отнестись к челобитчикам с мягкостью. Тем не менее их вожди все-таки лишились жизни. Остальные же, всего вероятнее, обязаны ее сохранением отважному митрополиту.

Итак, над опричниною грянул первый гром.

Какое уж тут наступление в Ливонии, когда Москва превратилась в зыбкую почву...

Ежегодно в русской столице составлялись списки воевод, отправляемых для службы в полки, гарнизоны и на строительство крепостей. Осенью 1565 года возник первый подобный список военачальников из опричнины. А после того на протяжении двух лет — никаких известий о боевой работе опричных командиров. Ни звука, ни знака. Очевидно, все они требовались в столице — во избежание, так сказать. Особенно после тревожного лета 1566-го.

Однако большой террор все еще не начинался.

Он вообще длился недолго, весь уместившись в период с рубежа 1567–1568 годов до весны 1571 года — около трех лет. Однако размах его превысил всякое вероятие. Очевидно, меры, предпринятые государем в области земельной политики и военного дела, а также казни 1565–1566 годов, хоть и немногочисленные, но, по всей видимости, крепко насторожившие весь военно-служилый класс, вызвали как минимум глухое недовольство. Позднее современник и очевидец главных событий грозненской эпохи напишет: "...всю державу своея, яко секирою, наполы некако разсече. Сим смяте люди вся..." Выступление на Земском соборе 1566 года

было чем-то вроде верхушки айсберга: громада недовольства скрывалась под темной водой.

Осенью 1567 года большая русская армия сконцентрировалась, чтобы окончательного разгромить польско-литовские силы на Ливонском театре военных действий. Возглавил войско сам государь Иван Васильевич. Цвет опричнины участвовал в кампании наряду с полками земцев. Войска собрались в районе Ршанского яма и должны были повести наступление на Ригу.

Государь Иван Васильевич полон был добрых надежд. Ему казалось, быть может, что в великой войне осталось сделать последнее усилие. Что благое предприятие, связанное с усмирением еретиков и присоединением новых земель к православному царству, вот-вот принесет плоды. Но… слишком зыбкой сделалась почва под ногами царя. Там, где он чаял получить от опричнины твердость и силу, пришли вместо них шатание и разброд.

В среде служилой знати возобновились разговоры о возможности "сменить" монарха, благо князь Владимир Андреевич Старицкий, потомок старинных московских государей по прямой линии, жив и здоров. Иностранные источники сообщают о том, что русская знать заключила соглашение ("contract") с поляками против своего государя. Трудно судить, сложился ли на самом деле аристократический заговор. Однако дипломатические документы того времени донесли до наших дней сведения, позволяющие утвердительно говорить о каких-то переговорах с неприятелем. Поляки предлагали князьям Ивану Дмитриевичу Бельскому, Ивану Федоровичу Мстиславскому, Михаилу Ивановичу Воротынскому и боярину Ивану Петровичу Федорову перейти на их сторону, причем в некоторых случаях речь шла об отторжении русских земель и совместных боевых действиях. Что это было? Масштабный военнополитический проект? Или характерная для того времени игра с фальшивыми письмами? Поляки поставили на беспроигрышный вариант: либо удастся "подставить" лучших его воевод Ивана IV (а все четверо по странному "совпадению" имели талант тактического или организационного характера), либо кто-то из них (хотя бы один!) согласится с предложенными условиями и сыграет роль суперагента в стане московского государя. Иван Васильевич, в распоряжение которого эти послания попали, игру противника раскусил. От имени адресатов он отправляет ответные письма, осыпая врага колкими насмешками. Например, послание псевдо-Федорова королю Сигизмунду II Августу содержало следующие слова: "…Я уже человек немолодой, и недолго проживу, предав государя своего и учинив лихо над собственной душой. Ходить вместе с твоими войсками в походы я не смогу, а в спальню твою с курвами ходить — ноги не служат, да и скоморошеством потешать не учен. Так что мне в твоем государском хотении?" Для Ивана Грозного совокупность этих "кусательных" посланий составляет прежде всего выигрышную "сцену": монолог центрального персонажа о гнусности злодеев, ему противостоящих…

Царь вновь вышел на сцену, произносил реплики, издевался над вражеским тупоумием. Красивая роль. Пусть не из тех, какие положено играть на котурнах, однако едкий пафос ее пришелся русскому монарху по душе.

Но все ли письма были перехвачены? Все ли русские адресаты возжелали проявить лояльность к своему государю? Ведь отношения между ним и служилой аристократией оставляли желать лучшего! Несколько княжеских и боярских родов "обязаны" были Ивану Васильевичу казнью своих представителей (Шуйские, Пронские, Горенские, Кубенские, Трубецкие, Кашины, Воронцовы, возможно, Хилковы и Палецкие). Да и те же четыре военачальника, которым были направлены послания поляков, — не возникло ли у них желания, явно "сдав" переписку, в тайне подготовить переворот? Осенью 1567 года польско-литовская армия во главе с королем сосредоточилась в Южной Белоруссии для нанесения контрудара наступающим русским полкам, но бездействовала. Откуда у поляков появились сведения о готовящемся наступлении в Ливонию? Не было ли у них надежды использовать замешательство в нашем лагере,

возникшее в результате чаемого переворота, и разгромить русскую ударную группировку? Или отбить Полоцк, в котором как раз сидел первым воеводой Иван Петрович Федоров?

Князь Владимир Андреевич Старицкий, ненадолго тогда возвращенный из опалы, предоставил царю список из 30 знатных людей, склонявшихся к заговору, и, возможно, другие бумаги, способные их скомпрометировать как изменников. Это произошло непосредственно во время военного похода осенью 1567 года.

В середине ноября царь отменяет поход и распускает армию решающего удара. Он знает о сосредоточении вражеских войск намного южнее — при желании поляки могли устремиться в тыл наступающей армии Ивана IV и даже отрезать ее от Москвы. Он видит перед собой список людей, если и не вступивших в заговор, то находящихся на полпути к этому. Он извещен о выжидательной тактике противника, так и не предпринявшего никаких наступательных действий. А затем, отменив поход, он узнает, что армия Сигизмунда II Августа тоже отступает. Это подтверждает худшие опасения государя: поляки отказались от военного столкновения, как только выгодная ситуация "рассосалась". Поведение поляков ясно показало — некое лицо или лица в среде военного руководства дали им повод для подобного рода действий и снабдили сведениями о планах русского командования. Заговор это был, или просто среди наших появился иуда, сказать невозможно. Но только никто никогда *не собирал армий ради бездействия*...

В результате разразилась настоящая буря. Расследование заговора поставило в центр его одного из крупнейших землевладельцев того времени, видного политического деятеля, боярина Ивана Петровича Федорова. Его разорили, продержали в опале много месяцев, а потом пригласили к Ивану IV. Там по велению государя боярин должен был облачиться в царские одежды и сесть в тронное кресло. Иван Васильевич, глумясь, встал перед ним на колени и спросил, доволен ли он, заняв государево место, получив все, о чем мечтал? А затем воскликнул: "Наслаждайся владычеством, которого жаждал!" Иван IV собственноручно зарезал боярина, а тело его велел протащить с позором по Москве и бросить в навозную яму.

Был ли Иван Петрович Федоров изменником? Царь имел основания не доверять ему, однако до наших дней не дошло свидетельств, неопровержимо доказывающих вину воеводы. Нельзя дать ни однозначно отрицательный, ни однозначно положительный ответ относительно его истинных намерений. Гораздо важнее другое.

Царь, еще недавно чувствовавший себя на пороге величайшей победы, пребывавший в покое относительно верности своих подданных, вдруг увидел: нет ничего твердого под ногами! Земля опять колеблется! Ему самому и его семье грозят неведомые опасности. Обладая нервной, артистической натурой, Иван Васильевич подвержен был скорым перепадам чувств. Он сам признавался в том, что несколько раз в жизни испытывал сильнейший страх за свою жизнь: например, во время московского бунта 1547 года или, скажем, пять лет спустя под Казанью. Иной раз он проявлял и недюжинную храбрость, бывал под неприятельским обстрелом, совершал поход в глубь вражеской территории... Но всякий раз его поведение оказывалось результатом эмоций — взрывных, мощных, слабо сдерживаемых. Что могло случиться на исходе 1567-го? Очередной эмоциональный взрыв, достаточно сильный, чтобы до основания потрясти душу государя и помрачить ее, вызвал наплыв страстей. Неотвязный страх привел к не менее ужасному гневу. А гнев явился причиной неистовой жестокости.

"Дело Федорова" имело страшные последствия. Кровавый вихрь закружился над Россией и не стихал в течение нескольких месяцев. Жизни человеческие переламывались, словно спелые колосья под ударом косы. Доселе опричнина цвела, теперь вызрел плод; по вкусу его узнавалось многое.

Сам царь со свитой и отдельные команды опричников разъезжали по многочисленным владениям Ивана Петровича едва ли не год и всюду устраивали казни, пожары, разорение. Погибли сотни людей, виновных лишь в том, что они состояли на службе у Федорова. Только по документированным данным, число жертв составило 400–500 человек. В связи с "делом Федорова" в Москве и "по городом" опричники уничтожили немало высокородных аристократов, в том числе опытного воеводу князя Федора Ивановича Троекурова и боярина князя Андрея Ивановича Катырева-Ростовского, нескольких представителей боярских родов Шеиных, Колычевых и Лыковых. Пострадала верхушка приказного аппарата земщины: полетели головы дьяков и казначеев… Тогда же погиб выдающийся военный инженер Иван Григорьевич Выродков.

Репрессии, которыми завершилось расследование "дела Федорова", превратили опричнину в аппарат грандиозной террористической деятельности. Об этом повороте в политике Ивана Васильевича впоследствии писал английский дипломат Джильс Флетчер: "И тех, и других по порядку записывали в книгу, почему всякий знал, кто был земским и кто принадлежал к разряду опричников. И эта свобода, данная одним грабить и убивать других без всякой защиты судом или законом, продолжавшаяся семь лет, послужила к обогащению первой партии и царской казны и, кроме того, способствовала достижению его цели, то есть истреблению дворян, ему ненавистных, *коих в одну неделю только в Москве было убито до 300 человек.* Такие тиранские его поступки, направленные на всеобщий раздор и повсеместное разделение между подданными, произошли, как должно думать, от чрезвычайной мнительности и безнадежного страха, возникших в нем ко многим из местного дворянства во время войны с поляками и крымскими татарами, когда он, вследствие худого положения дел, впал в подозрение, что они состоят в заговоре с поляками и крымцами. На основании этого некоторых из них он казнил и означенное средство избрал для того, чтоб отделаться от остальных".

Флетчер, конечно же, рисует "русские ужасы", намекая англичанам на то, что и в их отечестве существует угроза тиранического правления. Поэтому он нередко использует сплошь черную краску. Как уже говорилось, первые годы опричнины не знали массовых репрессий. Однако теперь, в ходе расследования по "делу Федорова" или, если угодно, по делу о "земском заговоре", опричнина стала трансформироваться. В 1568 году ее административные прерогативы оказались значительно расширены, а карательные функции возросли многократно. Здесь англичанин не отступает от истины.

Существовал ли на самом деле "земский заговор", сказать трудно. Действия польско-литовского командования показывают: какими-то сторонниками в русском лагере неприятель мог располагать. Однако "расследование" обернулось кровавой расправой, когда заодно с подозреваемыми предавали унижению и смертной муке невинных, в том числе женщин, слуг, детей.

Вот характерный отрывок из синодика репрессированных при Иване IV: "Григорий Кафтырев, Алексей Левашев, Севрин Баскаков, Федор Казаринов, инок Никита Казаринов, Андрей Баскаков муромец, Смирной Тетерин, Василий Тетерин, Иван Селиванов, Григорий, Иев, Василий, Михаил Тетерины, да детей их 5 человек, Осиф Тетерин, Князь Данила Сицкой, Андрей Батанов, Иван Поярков-Квашнин, Никита и Семен Сабуровы, Семен Бочин. Хозяин Тютин з женою, да 5 детей, да брат Хозяина, Иван Колычов, Иван, сын его, Иван Трусов… В ивановском Меньшом отделано 13 человек с Исаковскою женою Заборовского и с человеком, да у семи человек по руке отделано… Дмитрий и Юрий Дементьевы, Василий Захаров з женою, да 3 сына…"

Святитель Филипп, видя такое кровопролитие, возвысил голос против опричнины и по воле царя лишился за это митрополичьей кафедры. Казнено было несколько митрополичьих

старцев.

В 1569 году подвергся аресту и был отравлен князь Владимир Андреевич Старицкий. Слишком уж часто недовольные связывали перспективу смены государя с его именем… Вместе с ним погибли от яда жена и дочь. Умертвили также слуг князя Владимира Андреевича. При этом историки не находят убедительных свидетельств реального заговора Старицких.

В том же 1569 году действительный изменник Тимофей Тетерин, связанный с главным врагом и публицистическим оппонентом Ивана IV, князем Андреем Михайловичем Курбским, помог литовцам взять Изборск. Крепость быстро отбили, но на гарнизонных приказных людей пало подозрение в измене. В результате их обезглавили. Та же участь ожидала их коллег в соседних городах и крепостях. Царь заподозрил новгородцев и особенно псковичей в сношениях с неприятелем, стремлении передать свои города Речи Посполитой. В качестве превентивной меры он выслал несколько сотен семей из Пскова и Новгорода Великого. Но этого, как видно, ему показалось недостаточно. В течение нескольких месяцев готовился грандиозный карательный поход, целью которого было очистить от "измены" колоссальную область, лежащую к северу — северо-западу от Москвы. Реализация этого замысла оставила России самый тяжкий и самый кровавый шрам изо всех, нанесенных опричниной. "Северная экспедиция" стала апогеем террора и породила у соседей патологическую боязнь "московита", ярко отразившуюся в брошюрах и летучих информационных листках того времени.

В промежутке от декабря 1569-го до марта 1570 года опричная армия совершила экспедицию по "петле" от Москвы через Клин, Торжок, Тверь, Новгород Великий и Псков — к Старице. Всюду опричные отряды сеяли разорение и убийства. Города подверглись страшному грабежу. Бесстыдного разграбления не избежали и храмы. Государь велел забрать даже колокола по церквям и монастырям. Пленников, размещенных в населенных пунктах по ходу опричной экспедиции, — литовцев, полочан и татар — истребляли. В Новгороде Великом государь остановился надолго, занявшись расправой над богатым посадским населением и распустив команды опричников по новгородским землям. Р. Г. Скрынников следующим образом комментирует серию террористических акций против торгово-ремесленного люда: "Опричные санкции против посадского населения Новгорода преследовали две основные цели. Первая из них состояла в том, чтобы пополнить пустующую опричную казну за счет ограбления богатой торгово-промышленной верхушки Новгорода. Другая цель состояла в том, чтобы терроризировать посад, в особенности низшие слои городского населения. Грабежи и бесчинства опричников вызывали страх и возмущение в народе, и царь, помнивший о московском восстании 1547 года, желал предупредить самую возможность возмущения черни. Помимо того, опричная дума не могла не знать об антимосковских настроениях коренного новгородского населения". Летописи и рассказы иностранцев полны кровавыми подробностями новгородского разгрома. В Москву отправились длинные обозы с награбленным имуществом…

Масштабы псковского разорения были не столь велики. По сообщениям ряда источников, как иностранных, так и русских, царя напугали укоризны местного юродивого Николы или Микулы: устрашенный монарх пощадил город.

В связи с новгородским "изменным делом" казнили также крупного военного администратора боярина Василия Дмитриевича Данилова и несколько человек из его окружения.

Количество жертв "северного похода" исчисляется тысячами. Источники сообщают о десятках тысяч, но строго документированные потери составляют около 2500–3000 человек. Все, что было сверх этого, — а сомнений в том, что погибло больше людей, не испытывает никто из историков, — величина гадательная. Но даже 2000 для одного Новгорода — страшная цифра! Если бы всех жителей города построили в одну шеренгу перед стенами и зарубили каждого

десятого, результат был бы именно таким. Царь подверг город децимации, подобно тому как в языческом Риме наказывали побежавший с поля боя легион…

Причина нанесения удара именно по Новгороду вызвала у исследователей дискуссию. Не вполне понятны причины выбора северных областей для разгрома и еще менее понятны резоны, заставившие Ивана Васильевича придать этому разгрому столь чудовищные формы.

Р. Ю. Виппер видит в новгородской карательной экспедиции превышение "меры исправительных наказаний", допуская возможность возникновения литовской партии в Новгороде Великом. Он считает, что не стоит повсюду видеть одно лишь воспаленное воображение Ивана Грозного. Впрочем, Виппер честно признается: установить степени действительной вины или же полноту невиновности новгородцев он не может. П. А. Садиков гораздо жестче в своих оценках. Он сообщает читателям: "…Грозный… во главе опричнины выступил в карательную экспедицию против уличенных к тому времени в "измене" новгородцев и псковичей". А. А. Зимин пишет об объективной необходимости сокрушить один из последних оплотов удельной раздробленности. Р. Г. Скрынников подчеркивает: причиной новгородского разгрома послужило опасение Ивана Васильевича, что новгородцы окажут поддержку заговорам против него. Это было бы крайне опасно, если учесть финансовую и военную мощь Новгородчины, особенно при жизни Владимира Андреевича Старицкого. "Царь и его окружение жили в напряженном ожидании мятежа и смуты. В таких условиях достаточно было толчка, чтобы последовал взрыв. Таким толчком послужили, во-первых, известие о перевороте в Швеции и свержении союзника царя Эрика XIV и, во-вторых, начавшееся расследование об измене Новгорода и Пскова". Б. Н. Флоря считает новгородский заговор "вымыслом", которому Иван Васильевич поверил: "…в иной ситуации царь и его советники не придали бы слуху о подобном заговоре никакого значения. Но в той обстановке психологического напряжения, которая сложилась в условиях постоянной борьбы с "изменой", к этим сообщениям относились со всей серьезностью". Последнее звучит несколько неправдоподобно — царь еще с 40-х годов знал, какова цена политической интриги, да и вообще имел достаточный опыт в делах правления, чтобы не основывать на слухах столь масштабную акцию. Государь был не слабонервным интеллигентом, а политиком высокого ранга. Стоит вглядеться в сегодняшний олимп власти и попытаться назвать хотя бы одного деятеля, способного из-за веры в сплетни ввязаться в кампанию подобного размаха. Не вспоминается? Иначе и быть не может. Это не подковерная борьба академического сообщества, тут за ошибки платят властью, богатством и жизнью, так что мнительные болваны надолго в верхах не задерживаются.

Итак, в разное время относительно причин новгородского разорения историки приводили немало версий. Неоднократно дискутировался вопрос о том, было ли на самом деле хоть что-то, напоминавшее мятеж, и если не было, зачем тогда Иван IV раздул невнятные слухи о заговоре до размеров, позволивших ему совершить страшный опричный разгром северных русских земель.

По мнению автора этих строк, причина лежит на поверхности. Русский народ того времени, молодой, агрессивный, полный энергии, отличался от будущих поколений, живших в XIX и XX веках. Он был прежде всего намного более "юным" в цивилизационном отношении. И следовательно, для русских того времени было естественным сопротивляться притеснению; в первую очередь это относилось к любому нарушению церковных устоев и любой репрессии против добродетельного архиерея. Печальная судьба митрополита Филиппа уже была достаточным основанием для бунташных настроений. Омерзительное отношение опричников к храмам и их безнравственное поведение могли сыграть роль мощных дестабилизирующих факторов. Некоторые свидетельства источников позволяют предположить, что опричному войску оказывалось активное вооруженное сопротивление. В частности. Генрих Штаден пишет:

"[Челяднин-Федоров] был вызван на Москву; [здесь], в Москве он был убит и брошен у речки Неглинной в навозную яму. А великий князь вместе со своими опричниками поехал и пожег по всей стране все вотчины, принадлежавшие упомянутому Ивану Петровичу [Челяднину-Федорову]. *Села вместе с церквами и всем, что в них было, с иконами и церковными украшениями — были спалены. Женщин и девушек раздевали донага и в таком виде заставляли ловить по полю кур...* Великое горе сотворили они по всей земле! *И многие из них были тайно убиты*". Более того, по словам немецкого наемника, переезд государя в Александровскую слободу произошел под влиянием "мятежа". Позднее, во время царского похода в северные земли, в частности против Новгорода и Пскова, бои с опричными отрядами, по свидетельству того же Штадена, явно имели место. В. И. Корецкий полагал, что летом 1568 года произошло выступление московского посада, напугавшее Ивана Васильевича. Пискаревский летописец сообщает: "И бысть *ненависть на царя от всех людей*".

Страна отстаивала себя, она не желала молча сносить унижения. Новгородчина, весьма вероятно, могла быть очагом наиболее активного сопротивления. Царь нанес ответный удар, стремясь подавить любые искры смуты, которую пришлось облечь понятным и привычным именем "измена".

Если проанализировать маршрут "северного похода", то станет видно, что опричная армия прошла добрую половину земской территории. Видимо, Иван Васильевич задался целью не только подавить волнения, но и провести масштабную акцию устрашения.

Новгородский разгром стал самым ужасным деянием опричнины, но далеко не последним. Массовые казни продолжались. Царский топор прошелся по рядам самих опричников. Их обвиняли (не без основания) в казнокрадстве, административных и судебных нарушениях. Кроме того, царь подозревал некоторых начальствующих лиц опричнины в том, что они пытались известить новгородцев о готовящемся карательном походе. Если они предполагали, какой удар обрушится на северные русские города и земли, на Новгородчину в том числе, если они понимали, какой кровушкой отольется на этот раз монаршее желание карать непослушных земцев, — то их можно понять. Как знать, не шевельнулось ли что-то человеческое в их сердцах: матерые опричники дали кому-то шанс уйти от опричной секиры, от грабежа, от душегубства, от насилия. Как знать... В любом случае, несколько великих людей старой опричнины, ее "отцов-основателей", кончили карьеру худо. Не все лишились жизни, но даже те, кто избег смертной казни, вынуждены были навсегда удалиться от власти. Разуверившись в "старой гвардии" опричнины, Иван Васильевич стал брать туда тех, кого прежде не допускал ни в опричную армию, ни в опричную думу, — княжат из высших родов служилой знати. Таким образом, социальная база опричнины оказалась размытой. Без княжат обойтись не удалось...

Летом 1570 года страшный удар был нанесен по высшему слою приказных людей. Казни проходили публично, в Москве на Поганой луже, и сопровождались пытками. В них участвовал сам царь, собственноручно мучая и убивая. В один из дней, по согласному свидетельству нескольких не зависящих друг от друга источников, палачи умертвили более 100 человек... Именно тогда ушел из жизни известнейший российский дипломат того времени — дьяк Иван Михайлович Висковатый. Он пытался отговорить царя от продолжения террора, озвучив простой, но верный аргумент: кто же останется у Ивана IV для ведения войны и для дел правления? Московский посад сохранил воспоминания о публичных казнях 1570 года в сказаниях, содержание которых не делает чести государю.

После гибели русской столицы в пожаре 1571 года массовый террор сошел на нет. Царь не стал милостивее, он лишь начал считать потери. Очередной "эксперимент" наподобие новгородского грозил оставить монарха без населения, способного нести тягло и содержать двор. Аргумент Висковатого встал в полный рост... Нет, репрессии не прекратились. Например,

уже в 1571 году подверглось казни немало высокопоставленных опричников, а в 1573 году простились с жизнью трое знаменитых воевод: Воротынский, Морозов и Одоевский. Да и позднее на плахе пролилось немало крови. Просто 1571 год поставил точку в репрессиях, объединявших под топором палача правых и виноватых, действительных злоумышленников и лиц, "привлеченных по делу" из-за служебных или родственных связей с ключевыми фигурами расследования. Больше удары не обрушивались и на посад.

Чем был "большой террор" для страны? Временем, когда упала ценность человеческой жизни и население получило действенную прививку от уважения к законам. В самом деле: к чему быть нравственным человеком, когда кругом грабеж, насилие и убийство, а во главе всей вакханалии — сам государь? К чему "играть по правилам" и соблюдать установления судебников, если самая суровая кара может ни за что ни про что обрушиться на случайного человека, а злодей восторжествует в суде? Исследователи русского права утверждают: авторитет юстиции пал тогда очень низко.

Чем были годы массовых репрессий для самого царя? Видимо, апогеем его "актерства" в худшем значении этого слова. Он с упоением играл роль сурового, но мудрого и справедливого правителя, им же самим придуманную. В обстоятельствах 60 — 70-х годов XVI столетия Россия очень нуждалась в расчетливом дельце на троне, человеке прагматичном до мозга костей и притом искренне и глубоко верующем. Стране необходимо было выбраться из гибельной ситуации, которую создавала война против нескольких сильных неприятелей одновременно. А Церкви требовалась поддержка государя, поскольку она должна была заняться христианизацией обширных пространств, замиренных не до конца. Что вместо этого получили Россия и Церковь от Ивана Васильевича? Трагифарс необдуманного реформаторства и кровавую кашу массовых репрессий. Главный защитник православия обдирает колокола со звонниц, грабит собственные города… Автору этих строк представляется следующая картина: в столичном театре посреди спектакля один из ведущих актеров неожиданно решает сыграть на сцене не ту роль, которую предназначил ему Небесный Режиссер, а иную, избранную по собственному произволу. Спектакль разваливается, поскольку текст и сам ход действия в исполнении этого эксцентричного человека и всей остальной труппы резко отличаются. Прочие артисты сначала пытаются подыграть коллеге, а потом начинают сердиться: для чего же он делает такие глупости? Прямо на сцене начинаются трения, споры. Эксцентрик пробует навязать свое видение постановки всем остальным. Некоторые второстепенные лица соглашаются с ним, прочие отпихиваются. Тогда "новатор" вынимает из кармана револьвер и разряжает весь барабан в недовольных. Дощатые подмостки окрашиваются алым. Центральный персонаж хладнокровно вставляет новые патроны и продолжает страшную работу…

Но вот опричнина, любимое детище царя, оказывается бессильной и небоеспособной как на полях сражений в Ливонии, так и в генеральном столкновении с крымцами. Столько расходов, столько крови, столько социального напряжения, а система, созданная в результате всех этих усилий, в решающий час не сработала. С мая 1571 года опричная армия больше не выходит в поле как самостоятельная сила, то есть как воинство, отдельное от земского. Опричные воеводы всё еще служат по спискам, отдельным от земских, но на должности в крепостных гарнизонах и действующей армии они ставятся вместе с земскими военачальниками. Раздельное командование исчезает. Фактически начинается демонтаж опричнины, и прежде всего "разбирают" ее военную организацию. Армия, жестко разделенная на опричные и земские полки, в 1571 году потерпела страшное поражение. Армия, собранная воедино, без различия служебной принадлежности, одержала спасительную для России победу у Молодей в июле-августе 1572-го. Большинство специалистов считает, что триумф объединенных сил нашей страны у Молодей стал главным поводом к ликвидации опричнины.

Отмена опричной системы, по мнению значительного числа дореволюционных, советских и современных российских историков, произошла в августе-сентябре 1572 года. Мало кто оспаривает эту дату, хотя указ об отмене опричнины науке не известен. Его наличие, можно сказать, "вычислили".

Особняком стоит мнение Д. Н. Альшица. С его точки зрения, суть опричнины — создание "верхнего этажа" власти. В результате "...прежние, исторически сложившиеся ее институты, сохранявшиеся в земщине, включая Боярскую думу, были тем самым все разом подчинены власти самодержца". И далее: "В опричнине царь освободился наконец от традиционной опеки со стороны Боярской думы и князей церкви". Можно сказать, "...Грозный внес в "государственные начала" управления русским государством такое "структурное изменение", как фактическое установление самодержавия. Номинально оно существовало и раньше, но стало самодержавием реально только после учреждения опричнины". Д. Н. Альшиц считает, что в 1572 году произошло формальное упразднение опричнины, но основные механизмы, введенные ею в государственный быт, сохранялись и развивались, постепенно создавая картину все более мощного самодержавного устройства власти.

Однако эти выводы, скорее, тяготеют к публицистике, нежели к строгой науке. Судя по многочисленным сведениям источников, опричнина исчезла: она ушла из летописей (в том числе и частных), о ее официальном упразднении свидетельствуют известия Штадена и Флетчера, конфиденциальное донесение старосты Филона Кмиты гетману Радзивиллу, исчезновение записей о походах опричного корпуса в разрядных книгах, воспоминания об опричных годах в историкопублицистических памятниках, созданных намного позднее...

Можно — чисто теоретически — допустить, что имя опричнины было запрещено, но суть ее осталась неприкосновенной. Так ли это? Нет, не так. Об обратном свидетельствует возврат земельных владений прежним хозяевам из земщины, исчезновение всяческих упоминаний "опричного братства", казнь многочисленных лидеров опричнины, расформирование опричной администрации и, главное, *растворение опричного корпуса в вооруженных силах Московского государства.* Может быть, дух опричнины сохранился? Но это очень уж неуловимая, невидимая материя. Власть государя несколько усилилась по сравнению с серединой века, да... но те же Иван III и Василий III безо всякой опричнины умели концентрировать колоссальное могущество в своих руках. Идеология самодержавия не была разрушена? Во-первых, если что-то от нее и осталось после тишайшего правления Федора Ивановича и чудовищного призрака Смуты, то оно и к лучшему. Во-вторых, прямо ассоциировать идеологические концепты и их практическое выражение в политике — значит ставить знак равенства между молотком и его словесным описанием.

Можно согласиться с тем, что увеличились возможности государя вытаскивать из гущи худородных дворян дельного человека и продвигать его по службе. Сохранился до поры до времени и "особый" двор государя, помимо двора земского. И это самый заметный осколок и самое серьезное последствие опричнины. Но и служилая аристократия подтвердила свое право быть преобладающим источником для рекрутирования высших управленцев и воевод. Ведь не обошелся без нее государь, а во второй половине 80-х годов XVI века она и вовсе вытеснила выдвиженцев Ивана IV из верхних административных эшелонов. "Двоение" государева двора прекратилось, поскольку "особый" двор, искусственно поддерживаемый Иваном Васильевичем, прекратил свое существование. Нет, положительно, расширительное толкование Альшица неосновательно. Можно с уверенностью сказать, что 1572 год затворил врата опричнины навсегда.

Правда, в 1575 году произошло странное событие, которое многими исследователями трактовалось как рецидив опричнины. Иван Васильевич вновь выкроил себе особый удел в

тверских землях и возвел на русский престол крещеного татарского царевича Семиона Бекбулатовича, даровав ему титул великого князя Московского. Номинально правил Семион Бекбулатович, от его имени составлялись жалованные грамоты и указы, а истинный государь отправлял на имя "великого князя Московского" челобитные, написанные в юродском стиле и содержащие пожелания-инструкции. Соловецкий летописец дает краткое описание того странного времени: "Государь царь на Московское великое княженство на государьство посадил великого князя Семиона Бекбулатовича, а сам государь пошел на берег на службу и стоял все лето в Колуги. А был на великом княжении год неполон. И после того пожаловал его царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Русии на великое княжение на Тверь, а сам государь опять сел на царство на Московское". Реальной власти у Семиона Бекбулатовича было совсем немного, монеты с его именем не выпускались, иностранные дипломаты не вели с ним переговоров, в разряды он не вошел, сокровищница и царские инсигнии оставались под контролем Ивана IV. Историки выдвинули множество версий, чтобы объяснить столь странный шаг московского государя. В настоящее время наиболее вероятной считается (и вполне справедливо) та, которая опирается на фразу Пискаревского летописца о неких "волхвах" (астрологах), предсказавших на тот год кончину "московскому царю". Страх государя перед изменой подстегивался действительным заговором "сорока дворян", о котором сообщает имперский дипломат Даниил Принс из Бухау. Во времена правления Семиона Бекбулатовича (1575–1576) очень хорошо виден "особый" двор Ивана Васильевича, территориально и административно удаленный от земских служб. Любопытно, что, в отличие от времен опричнины, государь позаботился о включении в состав дворовой территории тверских, псковских и новгородских "прифронтовых" земель. Иван Васильевич готовился к решающей битве за Ливонию. Очевидно, с этим надо связывать сбор денежных средств, а также обширные земельные раздачи тех лет детям боярским, низшему слою военнослужилого класса. Государю хотелось, вероятно, перед масштабным наступлением 1577 года пополнить вооруженные силы хорошо обеспеченными (а значит, хорошо вооруженными) бойцами. При этом командный состав полевой армии ничуть не демократизируется, и особых "дворовых" корпусов на театре военных действий не появляется. Главнейших воевод ставят из числа служилых аристократов.

Итак, привела ли опричнина к серьезным изменениям в социально-политической жизни Московского государства? Нет. Система чрезвычайных мер, вызванных противоборством царя и высших родов титулованной аристократии, разожженная нуждами войны, она проводилась в жизнь непродуманно, драконовскими способами. Большой кровью приправленная, на ходу перекраиваемая, опричная реформа была попыткой переделать многое; отступив от первоначальных своих замыслов сначала в 1570-м, затем в 1571-м, а окончательно в 1572 году, Иван Васильевич кое-что сохранил за собой; это "кое-что" продержалось не далее середины 1580-х. И даже укрепление единодержавия и самовластия царского, достигнутое в результате опричнины, не столь уж очевидно. Личная власть Ивана Грозного — да, укрепилась несомненно, если сравнивать с 40 — 50-ми годами. Но увеличилось ли поле власти для преемников Ивана IV на русском престоле? Прямых доказательств этому не видно.

Глава 6. Государь по рождению, писатель по призванию

Современники и потомки считали Ивана IV образованным, или, как тогда говорили, "книжным", человеком: "Муж чудного разсуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело..." И действительно, государь оставил после себя колоссальный корпус посланий, адресованных частным лицам, коронованным особам, монашеским обителям. Большинство писем Ивана Васильевича имеет вполне прозаическое назначение. Многие из них относятся к дипломатической переписке или имеют официальный характер иного рода. Однако чаще всего исходившие от Ивана IV "эпистолии" в большей степени являлись литературными произведениями, нежели документами в строгом смысле этого слова. Нередко

литературная основа текста никак не согласовывалась с его деловым предназначением и могла вызвать недоумение у современников; однако она всегда привлекала внимание потомков — пламенным слогом, яркостью образов, буйством идей. Некоторые же послания изначально были задуманы как публицистические эссе, и они более прочих отличаются ураганным стилем письма. Царь славился как изрядный полемист и пламенный ритор. Бросаясь в очередную дискуссию, он не жалел красок.

В литературных трудах артистическая натура государя проявилась в высшей мере. И тут она была к месту. Его естественный природный талант дал превосходный результат — не столько для политики, сколько для литературы, искусства, общественной мысли.

В авторстве некоторых текстов, приписываемых Ивану IV, исследователи сомневались. Жемчужиной литературного наследия царя всегда считались его письма к Андрею Курбскому. Однако в 1971 году американский ученый Эдвард Кинан объявил переписку государя Ивана Васильевича и князя Курбского, а также ряд иных сочинений этих двух знаменитейших полемистов XVI столетия подложными. Точнее говоря, изготовленными не ранее 20 — 30-х годов XVII века. Точка зрения Кинана получила популярность, однако впоследствии его "открытия" убедительно "закрыл" Р. Г. Скрынников. В настоящее время подавляющее большинство ученых считает произведения, истинная атрибуция которых была поставлена под сомнение, действительно принадлежащими перу Ивана IV и беглого аристократа Курбского.

В молодости Иван Васильевич не проявлял особенных литературных талантов. Документы и письма, исходившие от него, до начала 1560-х годов ничем не выделяются из общего объема делопроизводства. И лишь в 50 — 70-х годах XVI столетия его дарование расцвело.

Фактически это произошло одновременно с освобождением царя от традиционной роли и обретением новой, сформулированной самостоятельно, вопреки сценарию цивилизационного "действа", декорациям и желанию большей части "труппы". В значительной степени спусковым крючком послужило первое послание Курбского (1564), содержащее обвинение в предательстве "амплуа". Любопытно: сам Курбский покинул Россию, сбежав от собственной традиционной роли, поскольку продолжение игры, как полагал князь, грозило ему смертью. В великом спектакле русской цивилизации беглый князь был таким же антигероем, как и государь. Курбский изменил своему царю, навел войска иноплеменников на земли Московского государства, бросил одну семью и насмерть рассорился со второй, заведенной им в эмиграции... И вот князь Андрей Михайлович, соединяя церковнославянскую традицию православного Востока и светскую философию католического Запада, строит себе новую идентификацию, отличную от старой, утраченной. Он рисует себя "сенатором", "эпархом", "мужем брани и совета", одним из "сильных во Израиле". Ему для самооправдания нужна особенная этика — кодекс вольности благородных аристократов, якобы располагающих правом покинуть государя, ежели тот окажется тираном. В XIII–XIV столетиях это право действительно существовало, но строилось оно на незамысловатом обычае дружинных людей перебегать от одного вождя к другому. В XV столетии оно встречает серьезные ограничения, а в XVI и вовсе падает. Но Курбский пытается на основе этой архаики выстроить совершенно новую философскую схему: якобы не желание поискать добычи и удачи под водительством иного князя, но врожденная рыцарственность и христианские добродетели толкают господ "сенаторов" на переход от одного монарха к другому... Соответственно монарх, от которого бегут, должен был задеть и рыцарское достоинство, и христианскую нравственность. Курбский *вынужден* воздвигать против царя стройную систему аргументов, *вынужден* набивать свою полемическую обойму патронами истинных и мнимых преступлений Ивана IV. Если бы беглый князь не сумел насыпать под собственными ногами подобного рода островок самооправдания и самоидентификации, кем бы он был? Голью перекатной, наемником на службе у чужого правителя. А в рамках собственной трактовки он выглядит едва ли не благородным рыцарем,

покинувшим край, который подчинился деспотичному кровопийце, мало не бесу… Красиво. Но для русской цивилизации вся эта красивость — инородная. Курбский прежде всего сбежал, а уж потом все остальное. А раз он сбежал, то превратился в чужака. Актера другой "труппы". И чужачество свое он, по всей видимости, чувствует…

Государь Иван Васильевич никуда не сбежал, он попытался переделать сам спектакль, по ходу перекроив сценарий, перебрав актерский состав и сбросив трупы недовольных в оркестровую яму. Он точно так же выломился из русской цивилизации, точно так же стал для нее чужим, и ему точно так же требовалась самоидентификация. Но царь строил ее не на обличении беглеца-Курбского и ему подобных в отдельных преступлениях, а на обвинении "эпархов" в глобальном покушении на его монаршее право делать с ними, да и со страной все, что ему угодно, без ограничения. Подобное право в русской традиции имело религиозно-нравственный, а не политический ограничитель, но, пережив "Шуйское царство", казанские неприятности 1552-го, кризис 1553-го и общегосударственную аварию 1564 года, царь этот ограничитель видеть не желает. Он помнит только ограничитель № 2 — бунт, беснование толп, тело родственника, разорванного злой чернью. Гневается на возможность очередного взрыва, опасается ее, и в то же время провоцирует простонародье на расправу со своими врагами зимой 1564–1565 годов. Игра очень опасная. Обосновать ее государь может только одним способом: даровав себе право нарушать любой запрет и любую традицию… Он неоднократно пишет о себе как о Божьем слуге, наделяет монаршую особу статусом наивысшей близости к Господу, то есть правом полной вседозволенности, обретаемой ради решения высших, самим Богом поставленных задач. Эти задачи касаются защиты и утверждения православия, хотя окончательную их формулировку царь оставляет за собой. Что же касается подданных, то им, как рабам государя, следует "рабская содержати повеления"… Монарх у Ивана Васильевича выступает как хозяин "грозы" в державе, но государь сторонится обычных христианских добродетелей — смирения, любви, соблюдения заповедей, которые едины для всех без исключения. Ему всё хочется быть в русской христианской общине наособицу, отдельно ото всех.

Оба — и князь Курбский, и Иван Грозный — нарушители, оба для русской цивилизации антигерои. И оба, соответственно, в литературной реальности также носители "новин". Вот что пишет о них один из лучших современных знатоков русской литературы XVI века В. В. Калугин: "По своему складу ума и темпераменту Курбский принадлежал к просвещенным ортодоксам… Князь Андрей изображал себя книжником принципиально иного уровня и других творческих установок, чем Грозный. Он требовал соблюдать законы грамматики, риторики, диалектики, умно и зло критиковал монарха за невежество, просторечие, напыщенное многословие, отсутствие чувства меры. Его обвинения составляют хорошо продуманную систему, призванную опорочить оппонента и вместе с тем показать ученость критика… Уязвленное авторское самолюбие заставляло Грозного отражать нападки не теоретическими аргументами, а неожиданными выходками и ехидными выпадами. Царь-лицедей допускал, что в его сочинениях не все гладко, но причину видел в "злобесной собацкой измене" придворных или бестолковости оппонента". Калугин видит в Курбском писателя-интеллектуала, но вместе с тем считает, что князь порой совершает общие с Иваном IV нарушения литературного этикета. Таким образом, этот средневековый публицист лишь формально может считаться "ортодоксом". Такова его маска. На пике полемики князь Курбский по смыслу своих высказываний и по материалу, на который они опираются, далек от ортодоксии. Но по форме — далеко не новатор.

Совсем другое дело Иван IV. Государь "…совершенно иначе, чем Курбский, ощущал себя писателем… Он взялся за перо не из просто любви к искусству. Иван IV стал писать по праву и долгу монарха учить вверенный ему Богом народ… В роли — именно в роли! — "отца

Отечества" и защитника правой веры царь сочинял послания, давал наказные памяти, произносил пылкие речи, участвовал в ученых диспутах, обличал чуждые православию догматы, переписывал историю". Это тоже маска. Русский литературный этикет XVI века очень строг. Жанры канонически чисты, риторика и требует изощренного искусства, "плетение словес" — необыкновенного терпения и филигранной точности. Тут все должно быть на своем месте, там, где ему назначено быть. Один тип лексики не должен соприкасаться с другим. Словоупотребление ритуализировано, впрочем, как и выражение эмоций. Определенные цитаты из Священного Писания и святоотеческой литературы предназначены для определенных тем. Литература сродни государству: вся проникается духом державной величественности. И вот в роли "отца Отечества" царь-писатель разносит всю эту монументальную систему в щепы. Нарушает все табу. Говорит так, как никто не говорит. Вчистую выламывается из системы жанров...

Имея на то полное оправдание — как персона, стоящая выше любых "законов жанра".

Он соединяет высокую церковную лексику и низкую, вплоть до простонародных словечек и площадной брани. Из него хлещут потоки эмоций; эти потоки уничтожают композицию текста, превращая его в хаотичное месиво из цитат, жалоб на нерадивых подданных — изменников и корыстолюбцев, манифестацию безграничности монаршей власти, гневных нападок, меланхоличных зарисовок прежней жизни, попыток истинного покаяния и ядовитых стрел покаяния ложного, саркастического. Иван Васильевич — великий умелец сарказма, быть может величайший во всей средневековой русской литературе. Царь легко использует элементы одних жанров для нарочитого, символического разрушения других, занимается пародированием, мешает пафос и глумление, равняет государственную измену и худые подарки своей родне. В его текстах клокочет гнев, исходит обжигающим холодом презрение, полыхает жгучая ирония.

Язык его посланий проще, демократичнее монументального стиля того времени, он тяготеет к более поздним временам — прежде всего литературе, родившейся в результате Смуты, — и отчасти предвосхищает ее. Манера его письма — афористическая и в какой-то степени импрессионистская. Сила отдельного выражения, впечатления, яркой зарисовки абсолютно преобладает над логикой всего текста. Особенно хорошо это видно во втором послании Курбскому (1577): начав с покаянных словес, Иван Васильевич быстро переходит к обвинениям и выдает пассаж, совершенно не связанный с первыми строками письма, смиренными и спокойными: "Вспомни и рассуди, как оскорбительно для меня вы разбирали дело Сицкого с Прозоровским и допрашивали, словно злодея!.. И что такое сами Прозоровские рядом с нами?.. Божиим милосердием, милостью Пречистой Богородицы и молитвой великих чудотворцев, и милостью святого Сергия у моего батюшки и с батюшкиного благословения у меня была не одна сотня таких, как Прозоровский!" Сам текст писем государя обычно представляет собой подобие театральной постановки, в которой предусмотрено место для импровизации. Так, послание в Кирилло-Белозерский монастырь (1573) Иван Васильевич начинает в жанре челобитья, примешивая сюда покаянные мольбы: "Увы мне, грешному! Горе мне, окаянному! Ох мне, скверному!., подобает вам, нашим государям, нас, заблудившихся во тьме гордости и находящихся в смертной обители обманчивого тщеславия, чревоугодия и невоздержания, просвещать. А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, воровстве и ненависти, во всяком злодействе... Ради Бога, святые и преблаженные отцы, не принуждайте меня, грешного и скверного, плакаться вам о своих грехах среди лютых треволнений этого обманчивого и преходящего мира". Чуть погодя царь принимается жестоко бичевать братию за отступления от устава и послабления в иноческой жизни, предоставленные монахам из числа бывших аристократов: "...бояре, придя к вам, ввели свои распутные уставы: выходит, что не они

у вас постриглись, а вы у них постриглись, не вы им учители и законодатели, а они вам учители и законодатели!" Далее следует уже крепкая брань и угрозы, даже намеки на измену. Деятелей, вызвавших особый гнев, Иван Васильевич честит званиями "бесова сына", "дурака и упыря", "злобесного пса". А заканчивает мило и благостно: "Да пребудут с вами и с нами милость Бога мира и Богородицы, и молитвы чудотворца Кирилла. Аминь. А мы вам, мои господа и отцы, челом бьем до земли".

В сущности, Ивана IV как литератора следовало было бы назвать первым русским постмодернистом. Он слыл невежей среди книжников того времени и позволял себе непозволительное в рамках литературного этикета XVI столетия. Но в то же время Иван Васильевич может считаться великим писателем в современном значении этого слова. Бурный поток его сознания свободно выливался на бумагу, в полной мере передавая мощь внутренних штормов этого человека.

Гневная стихия его посланий захватывает, волнует, порой пробуждает ответный гнев. Вот образец ярости царской, оформленной тонко и цветисто в первом послании Курбскому (1564): "Зачем ты, о князь, если мнишь себя благочестивым, отверг свою единородную душу? Чем ты заменишь ее в день Страшного суда? Даже если ты приобретешь весь мир, смерть напоследок все равно похитит тебя! Зачем ради тела душой пожертвовал, если устрашился смерти, поверив лживым словам своих бесами наученных друзей и советчиков? И повсюду, как бесы во всем мире, так и изволившие стать вашими друзьями и слугами, отрекшись от нас, нарушив крестное целование, подражая бесам, раскинули против нас различные сети и, по обычаю бесов, всячески следят за нами, за каждым словом и шагом, принимая нас за бесплотных, и посему возводят на нас многочисленные поклепы и оскорбления, приносят их к вам и позорят нас на весь мир. Вы же за эти злодеяния раздаете им многие награды нашей же землей и казной, заблуждаясь, считаете их слугами, и, наполнившись этих бесовских слухов, вы, словно смертоносная ехидна, разъярившись на меня и душу свою погубив, поднялись на церковное разорение. Не полагай, что это справедливо — разъярившись на человека, выступить против Бога… Или мнишь, окаянный, что убережешься? Нет уж!" Ткань грозненских текстов — сплошной соблазн, то изысканный, то грубый. Эмоции первого нашего царя, отгремевшие четыреста двадцать лет назад, способны и сейчас взять в плен иную слабую волю…

Это был по-настоящему талантливый литератор. В иных обстоятельствах уместно бы благодарить Господа за явление в нашей земле столь блистательного пера. Беда в одном: стране требовался по-настоящему талантливый государь. А это разные профессии…

Глава 7. Сын Церкви

На протяжении всей жизни государь Иван Васильевич выказывал преданное отношение к православию. И в речах, и в посланиях он стремился показать себя верным слугой Господа.

Действительно, многое свидетельствует о том, что Иван IV был истинно верующим христианином. Он с детских лет любил совершать богомолья по монастырям, вплоть до самых отдаленных обителей. Много молился, строго соблюдал посты, превосходно знал Священное Писание, лично составлял стихиры, тропари и кондаки. От Церкви Иван Васильевич требовал ревностного отношения к богослужению, чистоты, честности, просветительской работы и твердого стояния за "истинный и православный христианский закон", даже если придется пострадать за него.

Он яростно отстаивал чистоту веры от разного рода еретических искажений и немало усилий приложил к тому, чтобы не допустить в Россию протестантизм. В 1553–1555 годах государь способствовал разгрому ереси Матвея Башкина и Феодосия Косого. Последний бежал в Литву

и там присоединился к антитринита-риям (социнианам). На территории нашего западного соседа, Великого княжества Литовского, в середине XVI столетия пылали конфессиональные конфликты, получили распространение многие разновидности протестантского учения, в том числе антитринитарные секты лютейшего образца. Иван Васильевич позаботился о том, чтобы московский рубеж надолго стал восточной границей распространения протестантизма. Визиты государя на Запад неоднократно принимали в ходе Ливонской войны вид военных экспедиций, направленных к религиозному очищению, борьбе с засильем "прескверных лютор". Особенную роль сыграли походы 1562–1563 годов на Полоцк и 1577 года в Южную Ливонию. Кстати, в первом случае подверглись каре ученики и соратники Феодосия Косого, обосновавшиеся в Полоцке.

Порой началу большой военной кампании предшествовал крестный ход в Москве с участием столичных архиереев и монастырского начальства. И ратное предприятие превращалось в своего рода крестовый поход.

Царь лично принимал участие в религиозных диспутах с иностранными проповедниками, неизменно занимая позицию ревнителя православия. Так, в 1570 году он вступил в публичную полемику с "министром" богемских (моравских) братьев Яном Рокитой, а в 1582 году вел споры о вере с ученым папским посланником Антонио Поссевино. Конфессия, которую представлял Ян Рокита, относится к числу не то что радикальных, а, можно сказать, боевых ответвлений Реформации. Соответственно царь уподобил ее адептов нечистой силе, "развратникам христианства", а само учение — "яду".

Записки Поссевино в деталях и с большой подробностью донесли до наших дней содержание споров папского миссионера с Иваном Васильевичем. Государь не проявил ни малейшего желания делать какие-либо уступки католичеству, а к реформационным учениям вновь высказал совершенную непримиримость.

Одной из самых значительных заслуг царя перед Церковью и страной является введение в России государственного книгопечатания. От 50-х — начала 60-х годов XVI столетия до нас дошло несколько "анонимных" изданий; некоторые из них могут быть с большим на то основанием приписаны неизвестной московской типографии. По всей вероятности, на этом издательском предприятии использовался труд итальянских инженеров, поскольку терминология раннего русского книгопечатания взята из итальянского языка. Некоторые исследователи связывают работу этой типографии с просветительской деятельностью Сильвестра, участника Избранной рады. Реже пишут о связи между учреждением книгопечатания и той же просветительской устремленностью некоторых статей "Стоглава", хотя это феномены явно одного плана. Первые годы книгопечатания в России крайне слабо освещены в источниках. В распоряжении историка имеются лишь жалкие клочки информации. Доподлинно не известно, кто содержал изначальную типографию и где она располагалась. В первой половине 60-х государь Иван Васильевич и святой Макарий, митрополит Московский, основали Печатный двор в Китай-городе — первое отечественное издательство, деятельность которого документирована. Печатный двор поддерживался государством и Церковью, иными словами, он обеспечивался финансами и кадрами на регулярной основе. В 1564 году мастера-печатники Иван Федоров и Петр Мстиславец выпустили "Апостол" — первую российскую книгу, выходные данные которой известны ученым. Затем вышел "Часослов". По словам самого Ивана Федорова, царь благосклонно относился к его деятельности. Через несколько лет оба печатника переехали на территорию Великого княжества Литовского, чтобы заняться просветительской деятельностью среди православного населения Литовской Руси. Книгопечатание в России продолжалось: некоторое время типография работала в Александровской слободе, но впоследствии она вернулась в Москву, на Никольский крестец (Китай-город). Тематика изданий Печатного двора в первые десятилетия его существования

была почти исключительно церковной. Появление типографии в Москве оказалось великим благом для православия, поскольку избавило литературу, бытовавшую в церковном обиходе, от ошибок переписчиков. Перед тиражированием каждое издание подвергали "справе" (многосторонней редактуре) и очищали от накопившихся искажений. Поскольку богослужебные книги того времени изобиловали разночтениями, приведение их к единому виду, а также правка сомнительных с богословской точки зрения моментов затянулись и в XVII столетии вызвали бурю споров. Однако уже то, что можно было хотя бы приступить к этой работе, стало большим подарком для нашей Церкви. Издания Печатного двора расходились по всей России: их продавали, бесплатно отправляли в новые храмы и монастыри, везли в отдаленные города для последующего распространения.

Таким образом, государь Иван IV сделал немало полезного для Церкви и долгое время старался быть ее верным сыном.

Проблема состоит в том, что при всей твердости вероисповедной позиции в личной жизни и в политике Иван Васильевич с первой половины 60-х годов XVI века стремится как можно меньше стеснять себя. Заповеди Христовы и христианская нравственность слабо связывали его страстную натуру, выполняя в "постановках" государя-лицедея функцию декораций, но никак не стержня всего действия.

А христианство покоится на основах твердых и незыблемых, оно чуждается игр, его нельзя поставить на сцене. От творческой натуры оно требует великого смирения. Далеко не всякая артистическая личность с готовностью окунается в стихию послушания. И уж совсем редко — доходит до глубин самоочищения и самопожертвования.

Немногое в зрелые годы Ивана Васильевича могло настроить его на столь серьезное погружение. И очень многое препятствовало этому...

Уже в 1564 году, вскоре после смерти митрополита Макария, пользовавшегося у Ивана IV большим духовным авторитетом, государь пишет Курбскому о новой своей позиции по отношению к Церкви: "Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Тебе чего захотелось — того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам?" Следует отметить, что до начала опричнины святой Макарий неоднократно печаловался о судьбе опальных вельмож, осужденных на казнь, и ему удавалось отмолить их жизни. Так, например, произошло в 1554 году. В Литву попытался перебежать князь Никита Семенович Лобанов-Ростовский, да с ним же собирались перейти рубеж еще несколько князей Ростовского дома; однако в Торопце Лобанова-Ростовского поймали, и он дал обширные показания о своем участии в аристократическом "мятеже" 1553 года, а также об иных его фигурантах. Царь осудил князя "казнити смертию и на позор", но тут вмешалась Церковь. Летопись сообщает: "...митрополит Макарий и со владыками и архимандриты... отпросили его от смертные казни". Вместо этого князь-беглец отправился в тюрьму на Белоозеро. Пользовался правом "печалования", по всей видимости, и митрополит Афанасий, преемник святого Макария на Московской митрополичьей кафедре. Достоверно известен случай из раннеопричного периода: митрополиту Афанасию своим ходатайством удалось спасти от опалы боярина Ивана Петровича Яковлева (март 1565 года). Однако с установлением опричнины царь все реже прислушивается к голосу Церкви. Теперь он крайне отрицательно относится к попыткам архиереев избавить "изменников" от смерти. Именно в этом состояла главная причина его конфликта со святым Филиппом, пришедшим на место митрополита Афанасия.

Тяжело смиряться главному действующему лицу всей великорусской драмы.

Житие митрополита Филиппа рассказывает о том, как он пытался уговорить царя отказаться от опричнины: "...нача молити, дабы государь престал от такого неугодного начинания Богу и всему православному християнству. И воспомяну ему Евангельское слово: "Аще царство на ся разделится — запустеет". И ина многа глагола со многими слезами..." Не добившись своего, святой Филипп позднее обличил воинство опричников публично: "Мы убо, царю, приносим жертву Господеви чисту и бескровну в мирское спасение, а за олтарем неповинно кровь лиется християнская и напрасно умирают!" Он публично отказал царю в благословении, призывая Иван Васильевича прежде простить "согрешающих" ему. Открытое антиопричное выступление святого Филиппа относится к периоду, когда массовый террор уже был инициирован "расследованием по делу" Федорова. Митрополита возмущало, помимо всего прочего, одеяние опричников: "черные ризы", высокие "халдейские" шлыки на головах, "тафии"[1], не снятые во время крестного хода. Его замечания по этому поводу вызывали царский гнев. Царь настоял на свершении суда над митрополитом. Суд этот производился со значительными нарушениями церковных традиций, канонов и доброй нравственности. Особая "следственная комиссия" работала на Соловках, где Филипп до восшествия на митрополичью кафедру был игуменом; следователи всеми доступными способами — то посулами, то открытым насилием — добывали показания против него. В результате доказательная база обвинения, выдвинутого против митрополита, оказалась основанной на клевете и лжесвидетельствах... Филиппа осудили. Архиерейские одежды были насильно сорваны с него прямо в храме, во время богослужения, и заменены на рваную рясу. Некоторые мужественные иерархи противились суду, а когда, под давлением Ивана Васильевича, бывшего митрополита все-таки признали виновным в "порочной жизни", царю не позволили сжечь его. Смертная казнь была заменена ссылкой в тверской Отроч монастырь. Это произошло в ноябре 1568 года. По словам Р. Г. Скрынникова, "...суд над митрополитом нанес сильнейший удар по престижу и влиянию церкви". Действительно, срамное действие православного государя опозорило Церковь и показало, сколь мало теперь стоит её честь в глазах Ивана Васильевича. Опричная политика вообще несла в себе мощный антицерковный элемент. Трагическая смерть святого Филиппа дает еще одно подтверждение этому: в декабре 1569 года его умертвил опричник Малюта Скуратов-Бельский.

В следующем году по царскому приказу лишились жизни архимандрит Псково-Печерский святой Корнилий, архимандрит Печерского Вознесенского монастыря в Нижнем Новгороде Митрофан, а также Исаак Сумин, архимандрит Солотчинского монастыря на Рязанщине. Они упомянуты в официальных синодиках опальных. Синодики содержат также немало имен "старцев", "иноков", архиерейских приближенных и служилых людей. Некоторые персоны духовного звания, вплоть до архиереев, умученные по велению царя, в синодики не вошли, но их гибель подтверждается иными источниками. Во время опричного разгрома Новгорода и Пскова в 1570 году подверглись нещадному разграблению храмы и монастыри.

Помимо того, русский православный царь, к сожалению, отличался несовместимой с его званием любовью к астрологам и "чародеям", порой надолго подпадая под их влияние и даже поступая сообразно их советам в государственных делах. Так, по всей видимости, поставление Семиона Бекбулатовича на российский трон было связано с предсказаниями астрологов. Елисей Бомелий, астролог с репутацией злейшего колдуна, долгое время ходил у Ивана Васильевича в доверенных лицах. Курбский упрекает царя в нелепом пристрастии к астрологии: "чаровников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающе их о счасливых днях". Джером Горсей сообщает, что незадолго до смерти государь "...приказал доставить немедленно с Севера множество кудесников и колдуний... шестьдесят из них были доставлены в Москву, размещены под стражей". Иван Васильевич пользовался их ворожбой и даже получил от них предсказание о дне собственной кончины, сбывшееся, по свидетельству Горсея.

Наконец, Иван Васильевич женился шесть раз. Его жены: Анастасия Захарьина-Юрьева, Мария Черкасская, Марфа Собакина, Анна Колтовская, Анна Васильчикова, Мария Нагая. Помимо них царь надолго сошелся с дьячьей вдовушкой Василисой Мелентьевой, ставшей ему почти женой... Почитатели Ивана IV отрицают некоторые браки царя, например с Марфой Собакиной, Анной Колтовской и Анной Васильчико-вой, но источники подтверждают факт свадеб. Так, например, до наших дней дошел свадебный разряд бракосочетания с Марфой Собакиной.

Это намного больше, чем предусмотрено православными канонами. Уже четвертый брак был прямым нарушением твердых правил на этот счет. Церковь вынуждена была разрешить его Ивану IV: память о недавно закончившемся массовом терроре была свежа, и ни один русский архиерей не мог быть спокоен за свою жизнь. Правда, на царя была наложена епитимья... Для всех прочих, дабы никто не соблазнился примером государя, последовало церковное разъяснение: "да не дерзнет [никто] таковая створити, четвертому браку сочетатися..." под страхом проклятия. По свидетельству Антонио Поссевино, после заключения четвертого брака Иван Васильевич до конца жизни был лишен права принимать причастие.

Дважды государь вынуждал сына, царевича Ивана, постригать жен в монахини. А в 1581 году, не умея сдержать ярость из-за слишком вольного, по его мнению, поведения очередной невестки, поссорился с царевичем и нанес ему смертельную рану.

Как иностранные, так и отечественные источники, в том числе неофициальные летописцы, подтверждают факт убийства царем сына. Однако есть версия и о ненасильственной кончине Ивана Ивановича: "...предположения о естественной смерти царевича Ивана имеют под собой документальную основу. Еще в 1570 году болезненный и благочестивый царевич, благоговейно страшась тягот предстоявшего ему царского служения, пожаловал в Кирилло-Белозерский монастырь огромный по тем временам вклад — тысячу рублей. Предпочитая мирской славе монашеский подвиг, он сопроводил вклад условием, чтобы "ино похочет постричися, царевича князя Ивана постригли за тот вклад, а если, по грехам, царевича не станет, то и поминати"... Косвенно свидетельствует о смерти Ивана от болезни и то, что в "доработанной" версии о сыноубийстве смерть его последовала не мгновенно после "рокового удара", а через четыре дня, в Александровской слободе. Эти четыре дня — скорее всего, время предсмертной болезни царевича... В последние годы жизни он все дальше и дальше отходил от многомятежного бурления мирской суеты... душа его стремилась к Небу... В сборниках библиотеки Общества истории и древностей помещены: служба преподобному Антонию Сийскому, писанная царевичем в 1578 году, "житие и подвиги аввы Антония чудотворца... переписано бысть многогрешным Иваном" и похвальное слово тому же святому, вышедшее из-под пера царевича за год до его смерти, в 1580 году. Православный человек поймет, о чем это говорит... Высота духовной жизни Ивана была столь очевидна, что после церковного собора духовенство обратилось к нему с просьбой написать канон преподобному Антонию, которого царевич знал лично. "После канона, — пишет Иван в послесловии к своему труду, — написал я и житие; архиепископ Александр убедил написать и похвальное слово"... В свете этих фактов недобросовестность версии о "сыноубийстве"... кажется несомненной". Такое мнение высказал Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский в своей книге "Самодержавие духа. Очерки русского самосознания". Однако аргументы академических историков оставляют немного места для доверительного отношения к этой гипотезе. Сразу несколько независимых друг от друга источников сообщают о смерти царевича в результате удара, нанесенного Иваном IV, и это выглядит более убедительно.

Иван Васильевич прекрасно понимал собственную порочность и время от времени начинал каяться — всерьез, тяжко, скорбно. Нет смысла сомневаться в его искренности. В 1551 году, обращаясь к церковному собору, государь признается в том, что "заблудился", уйдя от

заповедей Господа "душевне и телесне" по причине "юности" и "неведения". В 1572 году слова глубокой скорби о своей греховности звучат в его духовной грамоте (завещании). В последние годы жизни Иван Васильевич, стоя одной ногой в гробу, велит писать синодики опальных убиенных и рассылать их с богатыми пожертвованиями по монашеским обителям для поминания "на литиях и на литоргиях, и на понахидах по вся дни…".

Другое дело, что покаянные слова и действия государя всякий раз бывали результатом настроения. Кажется, определенную стойкость царь проявил лишь в конце 40-х — начале 50-х годов XVI века, да еще, может быть, в конце жизни, когда здравый смысл подсказывал ему: пора бы всерьез задуматься о встрече с Высшим Судией…

Все мы слабы и грешны. Сбрасывая на исповеди груз грехов, так веришь: все это совершено тобой в последний раз! И какое-то время стараешься держаться, а с Божьей помощью порой действительно избавляешься от порочных пристрастий. Но чаще все-таки бывает иначе: прегрешения вновь нанизываются на душу, как бусины на нитку. Грешим и каемся, каемся и грешим, и опять каемся… Жизнь христианина состоит из падений и восстаний от греха. Необходимо лишь находить в себе силы для того, чтобы подниматься из пропасти собственных слабостей, сластолюбия и гордыни. Автор этих строк не может назвать себя добрым и нравственным христианином, а потому окончательный суд о грехах государя Ивана Васильевича хотел бы оставить Церкви и Господу.

Но одно сказать все-таки необходимо. Вне зависимости от глубины раскаяния царя, Церкви он нанес огромный ущерб. Гибель и страдания архиереев, священников, близких им людей, унижение церковного авторитета, нарушение канонов, покровительство оккультной деятельности — вот далеко не полный результат государева своевольства.

* * *

18 марта 1584 года государь царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси ушел из жизни. Между историками высказывались мнения об умертвлении Ивана IV приближенными. Это возможная версия. Однако в настоящее время большинство серьезных академических исследователей причиной смерти царя считают болезнь и преклонный по тем временам возраст.

В 1997 году автор этих строк приобрел в букинистическом магазине рукописный сборник середины XVIII столетия с космографией и кратким летописцем. Книга принадлежала когда-то Леонтию Кириллову, следовательно, летописец можно условно называть Кирилловским. Он был составлен не ранее 1652 года, и его лапидарные погодные записи не несут, кажется, никаких уникальных известий. Правление Ивана IV оформлено в Кирилловском летописце поразительно: начинается оно знамением, не предвещающим ничего доброго, да и заканчивается еще одним пугающим знамением. Вот эти записи: "…сему же князю Василию Ивановичу родися сынъ великий князь Иванъ от великия княгини Елены. В часъ же рождения его в лето 7038 в Великом Новеграде бысть громъ страшен зело и блистания молнии, что из давныхъ летъ никто не помнить". А незадолго до кончины государя, под летом 7090-м (1581–1582 годов) сказано: "Явися на небеси звезда хвостата, а была 33 дни и ходила по полунощной стране и по полуденной, и по заподной". Как будто Господь поставил красные флажки в начале правления этого монарха и при завершении его.

Царствование Ивана Васильевича было для страны несчастливым…

Эпилог

Русское Средневековье — это мир, принципиально отличающийся от нашего. Люди тех лет иначе думали, иначе веровали, иначе воспринимали время и пространство, имели иные нравственные идеалы, иное отношение к человеческой личности. Это был мир традиции, раз и навсегда заведенного порядка вещей. Худшим обвинением служило слово "новина", то есть разрушение устоявшегося социального института, обычая, изменение древнего бытового уклада. Даже самая смелая реформа производилась под флагом "возвращения к старине", искаженной людьми недобрыми и неумными. Любое бурное общественное и культурное развитие, стремительная "смена картинок" воспринимались как плавание по огромному и неизменяемому океану от порта "Сотворение мира" до порта "Страшный суд" на корабле, где одно поколение команды сменяется другим. Шторм ли стоит в волнах или затишье, вокруг лишь вода и небо, чайки и ангелы, рыбы и водяные бесы. Любая перемена — часть более глобального постоянства. Время поглощается вечностью. Время — палуба, вечность — океан.

Позднее этот мир постарел, европеизировался и стал постепенно разрушаться, покуда не грянул последний залп 1917 года. Сейчас от былого мира мало что осталось, и в прежнем виде ему уже не быть восстановленным никогда.

Но когда он был в цвету, каждому его жителю предназначались роль и место в строго распланированной общественной системе. Личность человека имела значение постольку, поскольку ему суждено было принять участие в мистерии жизни, уйти за кулисы и там получить оценку Высшего Судии. А значит, главная миссия христианского общества и государства состояла в том, чтобы обеспечить наилучшие, наиболее комфортные условия всех "актеров". Отказ от игры и от полученных вместе с ролью в спектакле прав и обязанностей, от места в жизни, от предназначения, оценивался прямо противоположно современным этическим образцам. "Бунт против системы", "обретение себя", личная независимость, выход за общепринятые нормы, попытка сломать их воспринимались не только и даже не столько как преступление, сколько как мерзость или дурость. Человек-вне-общества — по терминологии того времени, гультяй-меж-двор — приобретал для современников дурной запах. Он становился ходячей тухлятиной.

Но роли юродивого Христа ради, например, или нищего на паперти, или даже безбожного скомороха были частью спектакля. Гораздо хуже, когда человек "терял знак", то есть расставался с твердой принадлежностью к какой-либо общественной группе. Бродяга — человек подозрительный и неприятный, а разбойник плох не только собственно разбоем, но и оторванностью своей от общества. В этом смысле и тот, и другой рассматривались как люди второго сорта.

Общественные тяготы переносились с терпением и смирением — это одна из важнейших черт русской цивилизации. Люди видели в трудностях земных отблеск легкости небесной, спасение души стояло на порядок выше любых других личных приоритетов.

Общественный механизм XIV–XV веков напоминал большую деревню, где каждое княжество и каждая аристократическая республика представляли собой теплый, ухоженный домик; посреди высился храм общей для всех митрополии, а над крышами простирала Покров сама Богородица. Создание единого Московского государства превратило деревню в один очень большой дом, храм митрополии — в домовую часовню патриархии, и лишь Покров остался прежним. Однако это были изменения, поглощенные цивилизационным постоянством Руси. Их глобальный характер почувствовали только высшие слои общества, поэтому социальные конфликты XVI столетия в основном имеют верховой характер и не затрагивают толщу русской

жизни.

В этом громадном доме общий порядок ни для кого не предусматривал исключений. Государь и митрополит были включены в действо. Им так же не полагалось выламываться из общей системы, как и последнему бедняку-крестьянину. От них требовалось даже более неуклонное следование роли, поскольку оба "играли" на виду у всего государства. И земная, публичная оценка их жизни производилась традиционным обществом именно по критерию соответствия предназначению. Если всем прочим социальная мобильность, сохранявшаяся в старомосковском обществе XVI века, давала возможность по собственному желанию или по непредвиденным обстоятельствам переменить роль и судьбу, то монарху и высшему архиерею страны можно было "уйти на пенсию" только в монахи или на тот свет.

За всю историю Московского государства лишь два монарха совершали попытки "сыграть не по правилам", противопоставить себя старомосковскому общественному укладу и культурной традиции, утвердившейся под влиянием православия. Иначе говоря — переменить роль. Это Иван IV и Лжедмитрий I. Последний стал признанным антигероем русской истории, и даже либеральные попытки представить его "неудавшимся реформатором" ничуть не улучшили массовое восприятие этого одиозного деятеля. Что же касается Ивана IV, то здесь все намного сложнее.

Иногда создается впечатление, что этого царя послал России сам Господь. Попущение всем его неудачам и злодеяниям, возможно, было уроком всей стране: насколько велик и удачлив был православный царь, пока он был настоящим православным царем и не пытался уклониться от своего предназначения, и насколько мерзок, жалок и несчастлив стал он, изменив собственной роли. Вернее сказать, попытавшись пересоздать ее, отвергнув то, что составляло ее суть изначально...

Иван IV возжелал не только править страной и народом, но и отделиться от них, встать над ними, преобразиться в независимую силу, ничем не сдерживаемую и ничем не ограниченную в своих планах и действиях по отношению к подданным. Законодательного, юридического ограничения ему и впрямь не существовало. Ни византийское, ни русское право его просто не предусматривало. А современные политологические представления о природе власти, социальная философия, навеянная духом эпохи Просвещения, в принципе непригодны для того, чтобы устраивать суд над государями старомосковскими и их временем. Невозможно и бессмысленно применять Уголовный кодекс Российской Федерации, скажем, к местническому делу. Так же невозможно и бессмысленно требовать от грозненской эпохи соответствия каким-то невнятным "общечеловеческим ценностям", за которыми кроется рублефицированный либерализм. Для всех этических максим нашей интеллигенции, гуманистичной и вестернизированной, у XVI столетия один ответ: пороть, пока дурь не вылетит из головы. И этот ответ на "критику слева" адекватен. Никогда нравственные вкусы потомков не были милосердны к духовному укладу предков, но лучше ли стали потомки? Наше время, мутное от интеллектуальной эквилибристики униженных поколений, слабое и неплодоносное, должно бы склонить голову перед героической, кровавой и блистательной эпохой последних Рюриковичей. Бурное социальное творчество того времени, самоотверженная борьба с опасными врагами, невероятная витальность и в то же время духовная эпичность дадут сто очков вперед нынешней невразумительной помойке... Совать в русское Средневековье какой-нибудь, прости господи, розовый социализм, либеральную хельсинковщину или, скажем, тупобесчеловечную науку экономике — проявление пошлости и недоумия одновременно. Но это не значит, что Московское государство в зените существования своего не знало высшего смысла и высшей правды, подчиняться которым должны были в равной степени и царь Иван Васильевич, и какой-нибудь гарнизонный пушкарь из Шацка. А смысл этот и эта правда таковы: государь — всего лишь первый из христиан, равных перед Богом. Истинный царь —

Царь Небесный, и все жители православной державы ходят под рукой Его, смиренно подчиняясь Его воле, чтят Его заповеди, и хлеб насущный принимают из Его невидимых рук. Над царем земным, таким образом, стоит суд Бога, точно так же, как и над каждым из его подданных. И подданные вправе заниматься "критикой справа", то есть ставить вопросы: относится ли к ним государь как к участникам огромной христианской общины, иными словами, как к членам колоссальной семьи? Пусть он имеет право на строгость точно так же, как и всякий отец семейства, но и заботиться о семействе точно так же обязан — как о родне. Чтит ли он заповеди? Добрый он христианин или же отступник? Еще византийская традиция позволяла отказать государю в повиновении, если он покушается на основы веры. Если государь отступничает, если он "ложный царь", стоит ли ему подчиняться и как тогда упромыслить свою жизнь? Жизнь своей семьи? Жизнь города? Жизнь страны? Порой ответы на эти вопросы инициировали ужасающий бунт, а в Смутное время результатом стала титаническая борьба и социальная катастрофа.

Каким же христианином был царь Иван Васильевич? И каким он был православным государем?

Пришло время подвести итоги.

Иван III, гениальный политик, оставил своему сыну Василию страну, находящуюся на пике цивилизационного развития, мощную, богатую, получившую наследие утонченного византийского интеллектуалитета, бурно эволюционирующую, защищенную как энергичной дипломатией, так и свирепым войском выносливых бойцов-помещиков.

Василий III был достаточно хорош, чтобы не потерять основных приобретений отца и не ставить перед несущимся на полной скорости эшелоном русской цивилизации искусственных препятствий. Даже наша служилая аристократия, своевольная и самолюбивая, отдала не столь уж много в период правления Елены Глинской, а затем в юные годы Ивана Васильевича.

И вот молодой царь Иван IV взял вожжи в руки. Система управления пестрым военно-служилым классом, огромной территорией, полусложившимися сословиями, да еще в условиях постоянной готовности драться насмерть, отражая нашествия с юга и востока, оказалась безумно сложной. Церковь занята была важными реформами, иосифлянство и нестяжательство сцепились в клинче. Правильно выстроенные отношения с Церковью стоили дорогого, но добиться симфонической гармонии тоже стало непростым делом. Россия тех лет имела невероятно запутанное, да еще не до конца сформированное устройство, все оставалось в движении, ничто еще не успело застыть. Чтобы адекватно править страной, требовались колоссальная воля, твердость, холодный изощренный ум и одновременно чувство равновесия. Система адекватно действовала, покуда правитель видел, влияние каких групп требуется уравновесить, кого поддержать, а кому дать укорот, на каких условиях включить бывших властительных князей в московские правительственные круги, когда стоит им прощать фронду, а когда требуется применить силу. И если Иван III идеально подходил для этой задачи, то Иван IV унаследовал от деда один только масштаб мышления. Будучи наделенным нервной, артистической натурой, он больше умел *выглядеть* великим правителем, нежели *быть* им. Он слишком многого ожидал от благоприятных обстоятельств и слишком быстро впадал в уныние, когда ситуация осложнялась. Государь не обладал должной твердостью и должной волей. Поэтому, испугавшись сложности и динамизма административной системы Московского государства, Иван Васильевич попытался заменить постоянную, нешумную деятельность хладнокровного манипулятора мерами экстренного характера, эффективную практическую деятельность эффектной идеологией, упорство в достижении целей простой жестокостью, а христианскую нравственность лицедейством. Это отчасти напоминает конец 1920-х — начало 1930-х годов в СССР: сплошная коллективизация в значительной степени была инициирована страхом не справиться с деревней и нежеланием всерьез, изо дня в день, из года в год вести

кропотливую работу с сельским населением.

Напрасно, как уже говорилось, Ивана Грозного сравнивают со Сталиным: психологически он ближе к Троцкому.

Иван Васильевич не имел права поддаваться истерике, холить и лелеять нервную хлипкость. Он государь, с него и спрос другой.

Один книжник, свидетель грозненской эпохи, через несколько десятилетий после смерти Ивана Васильевича напишет о нем: "Больше к единоверцам, которые находились в его руках, под его властью, к близким ему людям — великим и малым, нежели к врагам, он оказывался суровым и неприступным, а к которым ему таким быть следовало, к тем он был не таким от поднимающегося в нем на своих людей пламенного гнева".

Лично он был исключительно богомолен, совершал то и дело паломничества в монастыри, даже пищу крестил за обедом. Он заказывал молебны по душам собственноручно им или по его приказу убиенных людей, повелев составить огромные синодики. И, насколько можно судить, покаяние государя было искренним и глубоким. Он непоколебимо стоял против ересей, не допустил в страну протестантизм, а в годы, когда Московской митрополией правил святой Макарий, установил с Церковью добрые отношения.

Но.

Иван IV умыл Россию кровью, несколько тысяч раз нарушив заповедь "не убий".

Такого не водилось за Иваном III, правителем суровым, а порой и жестоким. Длительное правление его скудно пытками и плахами.

Такого не водилось за Василием III. Этот не обладал и третью талантов отца, но страну от крупных неприятностей сберег и острых социальных конфликтов не вызвал.

Такого не водилось за Федором Ивановичем, а итог его царствования, без сомнений, положителен для России.

Такого не водилось даже за Борисом Годуновым, хотя он и сидел на престоле крайне непрочно.

Василий Шуйский казнил немало народу, но это происходило в условиях открытого вооруженного противостояния с мятежниками.

За Михаилом Федоровичем.

За Алексеем Михайловичем. При нем казнили много, но в подавляющем большинстве случаев — за открытый бунт, злой и разрушительный.

За Федором Алексеевичем…

Лишь деятельность Петра Великого по степени пролитой крови может сравниться с грозненской эпохой. Но это уже и время другое: старому Московскому царству приходит конец.

Бог судья Ивану Васильевичу, но никак не возможно, чтобы добрый христианин так зверствовал.

Владимир Святой, крестившись, спрашивал у Церкви, может ли он казнить, и Церковь на себя

приняла его грехи. Царица Елизавета Петровна отказалась от смертной казни. И даже скорый на расправу Петр I спрашивал у патриарха: достойно ли казнить мятежных стрельцов? Если добрый христианин убил, даже защищая собственную жизнь, даже на войне, в бою, ему пристало сокрушаться сердцем и скорбеть о содеянном грехе.

Скорбеть не за день и не за месяц до составления синодиков, о которых говорилось выше. А ведь был период, когда государь жил на огромной дистанции от покаянных слов и мыслей. Тогда он убивал скоро, без особых рассуждений. Лишь с возрастом, видимо, мысли о последнем суде и спасении души растревожили его…

Отчего же Иван IV губил людей так легко?

Первый воевода страны, он добился к концу царствования очень сомнительных успехов. Где-то территория его державы расширилась, а где-то страна понесла утраты. Результат, таким образом, можно толковать по-разному. Нет ни очевидного успеха, ни явного провала. Но цена, заплаченная за этот зыбкий баланс приобретений и утрат, непомерно высока. Россия, большая и редко заселенная, располагавшая сравнительно небольшой армией, которая должна была проявлять крайнюю мобильность, чтобы успевать повсюду и везде, потеряла слишком много представителей военно-служилого класса, притом самый цвет его, то есть людей, относящихся к верхушке. Боясь собственных служилых аристократов, гневаясь на них за изменные замыслы и уничтожая их под влиянием страха и гнева, Иван IV нанес огромный урон обороноспособности страны.

Царь отвечал перед Богом за сохранность отданных ему под руку единоверцев. Отчего же он допустил московский разгром 1571 года? Отчего он не смог защитить столицу православной державы от басурманского нападения?

Бог судья Ивану Васильевичу, но никак не возможно доброму христианину столь мало заботиться о ближних, тем более о тех, чья судьба прямо зависит от слов его и действий.

Первый дипломат страны, Иван Васильевич упустил несколько удобных возможностей выйти с малыми потерями и большим прибытком из тяжелой Ливонской войны; не сумел подружиться с Крымом, хотя у деда его получилось сделать агрессивных крымских ханов своими помощниками; не смог найти для истекающей кровью России надежных и сильных союзников; бывал заносчив с иностранными государями, когда Бог попускал его державе успех, но в положении просителя впадал в униженное состояние. Между тем не одна честь государева поставлена была на кон, когда принимались важнейшие военные и внешнеполитические решения, но еще и тысячи жизней. Думал ли Иван IV, сколькими жизнями придется расплатиться стране за его горделивое артистическое любование собой?

Свою особую роль самодержца в христианском мире, особые пути спасения своей души, особые свои права Иван Грозный объявлял публично, не стесняясь несовпадения всего этого с учением Церкви. Государь произвольно толковал Священное Писание. На протяжении многих лет он не подходил к причастию, предпочтя ему плотские утехи и подведя под свой выбор нелепое идеологическое оправдание. Опричное сборище, и в частности Слободской орден, с религиозной точки зрения толкуют по-разному — то как подобие монашеского братства, то как вид эзотерического камлания или прямо бесопоклоннической секты, устроители которой сделали посмешище из богослужения. Среди всех мнений об опричных порядках особенно важно свидетельство архиерея и очевидца происходившего — святого митрополита Московского Филиппа. А он в опричных обычаях, опричной одежде, повадке опричников и склонности их к пролитию крови не увидел ничего христианского.

Бог судья Ивану Васильевичу, но никак не возможно, чтобы добрый христианин выдумывал еретические измышления и устанавливал безбожные обычаи, пытаясь придать себе особое положение в христианской общине.

Первый русский царь заключил больше браков, чем позволяли ему каноны православной Церкви. Любил ли он своих жен — знает один Господь. С некоторыми из них Иван Васильевич поступал сурово, с иными — заботливо. Будучи в официальном браке, беззастенчиво женихался к иностранной государыне, а потом к ее родственнице, не видев между тем ни той, ни другой… Он, по всей видимости, стал причиной гибели собственного сына Ивана. Летописец говорит: после смерти первой супруги царь "…нача… яр быти и прелюбодействен зело".

Бог судья Ивану Васильевичу, но никак не возможно, чтобы добрый христианин так распутствовал.

Наконец, отношения первого русского царя и Церкви были далеко не безоблачными. До несчастного дня 31 декабря 1563 года, когда скончался святой митрополит Московский Макарий, государь находился под его благодетельным влиянием, и это было доброе время для страны, для Церкви и для высшей власти. Наследовавшим от него Московскую кафедру архиереям приходилось хуже и солонее. Митрополит Афанасий самовольно оставил митрополичью стезю, видимо не выдержав зрелища казней. Митрополит Филипп восстал против опричнины и погиб. В разное время помимо святителя Филиппа от царя и его приближенных пострадали и погибли крупные деятели Церкви, в том числе настоятель Псково-Печерский святой Корнилий, архимандриты московских Симонова и Чудова монастырей Иосиф и Евфимий, архимандрит Солотчинский Исаак, архимандрит Троицкий Памва, архимандрит Антониево-Сийской обители Геласий, нижегородский Печерский архимандрит Митрофан, Новгородский архиепископ Леонид, причем на его долю выпала страшная, мученическая смерть. По приказу царя были убиты многие священники, монахи, церковные слуги и служилые архиерейские дворяне. Архиепископа Новгородского Пимена, лишив сана, заточили в веневский Никольский монастырь. Что же это за верующий, который, как пес, грызет собственную Церковь?! Впоследствии о грозненском времени с изумлением и печалью напишут: "…[царь] не устрашися же и святительского чина, оных убивая, оных заточению предавая…" Помимо казней, опал и ссылок в отношении людей духовного звания, государь беззастенчиво вмешивался в церковную жизнь, вертя ею по своему произволу. Фактически он низвел митрополичью власть до уровня простого приказного администрирования. Современники и ближайшие потомки разное писали о состоянии общества в грозненское время. Но никто ничего доброго не сказал об отношении царя к Церкви. А митрополита Филиппа канонизировали во времена Алексея Михайловича, и это о многом говорит.

Бог судья Ивану Васильевичу, но никак не возможно, чтобы добрый христианин терзал и унижал свою Церковь, ставя в полушку слова Символа веры "…во Едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь".

Не так давно в околоцерковной среде появилось движение за канонизацию Ивана Грозного, Григория Распутина и некоторых других спорных деятелей нашей истории. Интенция сего понятна. Естественно быть русским государственником и при этом крепко верующим православным. Многим хотелось бы слить воедино эти два понятия. Но любовь к Христу и любовь к национальной державности — разные вещи, далеко не всегда их можно соединить. Христова искупительная жертва выше любых этатических ценностей; любить свою землю, своих соотечественников, болеть душой за свое государство — желание понятное и правильное, но все эти душевные порывы и практические действия должны стоять в иерархически подчиненном отношении к заповедям Господа и вере в Него. Хорошо, когда

никакое противоречие не раздирает единство державы и Бога, заключенное в душе и мыслях верующего. Полагаю, в большинстве случаев это возможно. Но если нет, тогда истину Святой Троицы следует предпочесть истине национально-государственных интересов. Не всех наших монархов, даже если это крупные политики, радетели за отечество и люди добронравные, стоит объявлять святыми. Любимые народом равноапостольные Ольга и Владимир, благоверные князья Александр Ярославич и Даниил Александрович, милосердный и богомольный царь Федор Иванович (совсем не политик) легко и естественно вошли в сонм святых. Другие князья и цари — не столь просто и в ряде случаев после горячей полемики, например Дмитрий Донской. Но в отношении Ивана IV церковная иерархия стоит прочно и непримиримо: *этот человек не должен быть канонизирован.* Между тем глас Божий в таких случаях может быть донесен до общества лишь посредством соборного решения архиереев.

Что же говорят архиереи?

Вот отрывок из речи патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов города Москвы: "Если признать святыми царя Ивана Грозного и Григория Распутина и быть последовательными и логичными, то надо деканонизировать митрополита Московского Филиппа, преподобного Корнилия, игумена Псково-Печерского и многих других умученных Иваном Грозным. Нельзя же вместе поклоняться убийцам и их жертвам. Это безумие. Кто из нормальных верующих захочет оставаться в Церкви, которая одинаково почитает убийц и мучеников, развратников и святых?"

Вот слово архимандрита Макария (Веретенникова): "Напомню, что за время правления Ивана Грозного единственным митрополитом, который скончался своей смертью, оставаясь главой Церкви, был святитель Макарий. Все остальные митрополиты либо сами покидали престол, либо их низводили. О какой же святости после этого можно говорить?"

Столь значительные и уважаемые архиереи наши, как митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, а также митрополит Волоколамский Питирим, бывало, высказывались положительно о государе Иване Васильевиче, но никогда не призывали они к канонизации Ивана IV.

Вот и весь сказ.

Московское великодержавие было для страны благом, а для русской цивилизации — одной из главных составляющих. Просто Иван Васильевич оказался дурным птенцом в гнезде наших самодержцев…

Царь Иван IV — если и был великим в чем-то, так это в эмоциях, наполнивших историю страны звуками грозы: бурные волны гнева, мутный поток ужаса, гремящая река похоти, оглушительный водопад гордыни. Как устроитель земли Русской он хорош тем, что в истории его жизни звучит глас Божий, призывающий поглядеть на царевы страсти, ужаснуться им и укротить свои. Для человеческих ушей тяжки слова Бога, но это дар Его любви к нам. Государь Иван Васильевич, вероятно, послан был нашим предкам в качестве подсказки, или же испытания во исправление. Это был настоящий бич русского народа, отучавший нашего человека от привычки к своевольству и в личном, и в общественном смысле…

В театре Бога он сыграл роль живого предостережения.

Но будь же Ты и к нему милостив, Господи! Все мы грешные люди. Прости нас. Прости и его.

[1] Тафья — головной убор, заимствованный у татар. Церковь осудила его ношение задолго до

митрополичьего служения святого Филиппа.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch